

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ

Москва
2019

Научное издание

Ближний Восток и современность
Сборник статей (выпуск пятьдесят третий)
М., 2019, 376 стр.

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89394-306-1

ISBN 978-5-89394-306-1

СОДЕРЖАНИЕ

А.Р. Аганин ТРАЙБАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВО В АРАБСКОМ РЕГИОНЕ НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА	5
А. Вальтер КИБЕРВОЙНА КАК НОВЫЙ ЭТАП ИРАНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА	22
А.Т. Волков ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СВОБОДА СЛОВА В ЕГИПТЕ	38
В.Д. Демидюк О ПОЛИТИКЕ США В СИРИЙСКОМ КУРДИСТАНЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	46
М.В. Казанин ОБ АКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КНР НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И АФРИКАНСКОМ РОГЕ	56
А.А. Кашина ТУНИС: БЕДЖИ КАИД АС-СЕБСИ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ	80
В.И. Ковалев ВЫБОРЫ 2018–2019 гг. и ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....	99
В.А. Корочкина ИРАНСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЗАВЕРШАЮЩЕЙ СТАДИИ ВОЙНЫ В СИРИИ	106
А.А. Кузнецов О ФОРМИРОВАНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЛИВАНА И ЕГО ДЕЙСТВИЯХ ПО НОРМАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ .	122
Е.Л. Перес ПРОБЛЕМА КОРРУПЦИИ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИЗРАИЛЕ .	134
Ф.О. Плещунов К ВОПРОСУ О РОЛИ ЖЕНЩИН В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИСЛАМИСТСКИХ, ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИХ И УЛЬТРАПРАВЫХ ИДЕОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ	143

Р.А. Полончук	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ И КИТАЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ОЦЕНКИ АМЕРИКАНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ	161
И.И. Стародубцев	
ТУРЕЦКАЯ ЭКОНОМИКА В 2018 И 2019 ГГ. В ТЕНИ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ	175
Владимир (Зеэв) Ханин	
ИЗРАИЛЬ В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: СМЕНА СТРАТЕГИЧЕСКИХ АКЦЕНТОВ?	182
Владимир (Зеэв) Ханин	
ИЗРАИЛЬ В ГОД СВОЕГО 70-ЛЕТИЯ: ИТОГИ И НАДЕЖДЫ В ЗЕРКАЛЕ СМИ И ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	209
Владимир (Зеэв) Ханин	
ИЗРАИЛЬ, ХАМАС И ПНА: НЕФОРМАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ НАКАНУНЕ ПУБЛИКАЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ «СДЕЛКИ ВЕКА»	231
М.С. Ходынская-Голенищева	
УРЕГУЛИРОВАНИЕ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	266
Т.А. Шмелёва	
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ГАЗПРОМА» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ	282
Е.А. Якимова	
ЗАКОН О НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ ИЗРАИЛЯ: СУЩНОСТЬ, ОСОБЕННОСТИ, ВОПРОС ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ СО СЛОЖИВШЕЙСЯ ПРАКТИКОЙ	297
Е.А. Якимова	
РОЛЬ ИЗРАИЛЯ В ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКЕ США ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА	308
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Ю.Бочаров	
СТАТИСТИКА ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ В КНЕССЕТ 21-го СОЗЫВА (2019 г.)	319

А.Р. Аганин

ТРАЙБАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВО В АРАБСКОМ РЕГИОНЕ НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

Второе десятилетие XXI века заканчивается под аккомпанемент непрекращающейся стрельбы и взрывов на весьма значительной части территории арабского мира. Ливия, Сирия, Ирак, Йемен... Де-факто боевые действия идут между силовиками и антиправительственными элементами на египетском Синае. Весьма напряженно стало в Судане, причем речь уже не о периферийном Дарфуре, где военное противостояние режима и партизан длится более десяти лет, а о столице Хартум. 27 июня 2019 г. двойной теракт с использованием СВУ произошел в Тунисе, и это далеко не первый террористический эпизод за прошедшие годы. Непокойная и нервная обстановка ощущается в Алжире и Иордании, как под влиянием внутренних факторов, так и вследствие примыкания к зонам вооруженных конфликтов в соседних странах (Ливия и Мали, Сирия).

Все эти события в той или иной степени подточили государственные институты данных стран. Ослабили их. Где-то, как, например, в Ливии или Йемене, говорить о наличии государства вообще не приходится. Скорее, – о территории противостояния и борьбе различных групп. Хотя на местах локальное управление в общем-то сохраняется.

Феномен арабского мира, проявившийся в условиях описанной ситуации, – ренессанс трайбализма как тра-

диционной формы самоорганизации и самозащиты населения.

«Взгляд на сегодняшнюю карту отношений между государством и обществом на Ближнем Востоке показывает, что племена остаются основным политическим актором в Ливии, Ираке, Иордании, Саудовской Аравии, Бахрейне, Йемене, Кувейте, Катаре и Объединенных Арабских Эмиратах. В этих странах флаги племен полочатся рядом с национальными, а трайбалистская идентичность продолжает играть важную роль в процессе принятия государственных решений и даже в формировании национальной идентичности. При этом племенная идентичность в данных странах настолько сильна и доминирует, что она эффективно соперничает с двумя другими влиятельными идентичностями – исламизмом и национализмом».¹

Трайбализм (от английского *tribe* – племя, которое в свою очередь происходит от латинского *tribus*) можно определить как комплекс родо-племенных отношений и норм, диктующий характер взаимодействия членов племени между собой, между различными племенами и их подразделениями, между племенем и «внешним миром», включая государство. Под термином племя, который на арабском языке передается словами *кабиля* или *ашира* (между ними есть определенная разница, но в данном случае ее лучше не детализировать), следует понимать социо-этническое объединение людей, связанных родовыми отношениями, территорией, обычаями и самоназванием. Сюда порой добавляют еще и такой фактор, как признание и подчинение единому лидеру – верховному шейху.

Если упростить, то речь применительно к тому, что такое племя, в первую очередь идет об общности происхождения – единстве крови или совместной истории. Отсюда вытекают самоназвание и обычаи. Один из главных обычаев – всегда поддерживать родственника. Причем уровень поддержки или точнее круг поддерживающих зависит от того, какого масштаба конфликт. Внутрисе-

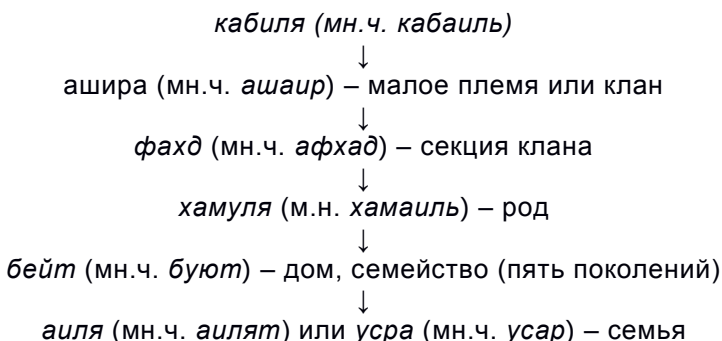
мейный ограничивает противоборствующие лагеря самой близкой родней – братьями, двоюродными и троюродными братьями, дядьями. Внутриклановый – семьями, имеющими одного предка, в противовес тем, у кого другой предок, даже если оба эти предка были братьями. И так далее до уровня межплеменных войн, в которых участвовали целые племена и привлекали союзников, особенно, если лидеры союзных племен находились в родственных связях по маритальной линии. Не поддерживать родню было и есть нарушение традиции и бесчестный поступок.

Племенная территория (по-арабски *дира*) зачастую не является постоянной величиной, она формируется и изменяется во взаимодействии – нередко силовом – с другими племенами. Поскольку части арабских племен имели практику мигрировать в поисках лучших условий существования, одно и то же племя сегодня может быть "разорвано" между довольно отдаленными районами. Например, части Аназа в аравийском Неджде (центральная Саудовская Аравия) и их соплеменники в северной Сирии. Или Рашайда в Кувейте и в Палестине. Думается, что общие кровь и самоназвание представляют собой более важные скрепляющие моменты. Хотя целый ряд племен сформировался не по родовому признаку, а как военно-оборонительный союз. Здесь скрепой выступает общая история и признание главного лидера.

Как у любого социального и этнического объединения в племенах есть подразделения или «группы низшего уровня». Данный «уровень» обычно зависит от количества поколений, отделяющих основателя группы от общеплеменного пращура, который может датироваться еще прошлой эрой или началом текущей (у мусульман деление идет на «до ислама» и «после хиджры»). Согласно арабской традиции, *кабиля* происходит от такого древнего основателя. Его потомки выступают уже в роли основателей собственных групп, и поэтому *кабиля* как «большое племя» делится на «малые племена» (*ашира*) –

относительно самостоятельные сообщества тоже с общим предком, который может отстоять от «главного пращура» на одно-два, а то и на все 10-15 поколений.

Наиболее распространенная иерархизация племенных подразделений:

Еще один важный момент. Понятие племя у многих ассоциируется с кочевниками, бедуинами, жителями пустынь и степей. В современном арабском обществе это совсем не так. Многие племена и кланы занимают весьма плодородные земли (например, в Иордании, Сирии и Ираке), ведут сельскохозяйственный образ жизни и базируются на постоянной основе в населенных пунктах. Поэтому в той же Сирии расположение племен стараются приводить по деревням. Причем *дира* может не иметь цельного непрерывного контура, а располагаться «пятнами» в целом ряде регионов страны. В крупных селениях и небольших городах обычно проживают представители сразу нескольких племен.

У арабов принято различать бедуинов (*баду*) и оседлых (*хадр*). С оседлыми вроде бы более или менее понятно, речь о тех, кто кормится «с земли» или разводит мелкий рогатый скот при постоянном месте жительства. Существует понятие полуоседлые. Имеются в виду те, кто в зависимости от сезона уходят в пустыню и затем возвращаются на постоянные «базы». Примечательно,

что когда представитель кочевого племени поселяется в городе или селе, его семью продолжают относить к *баду*. Во многом это обусловлено тем, что у него всегда сохраняется связь с сородичами-бедуинами, он не отрезает себя от них и в случае необходимости всегда постарается обеспечить интересы племени. В современных реалиях это, например, бывает в случае выдвижения или избрания на какой-либо государственный или муниципальный пост.

Но и те семейства, которые долго или даже очень долго живут городской жизнью, помнят о том, какого они рода-племени, ассоциируют себя с «общим древом» и зачастую поддерживают связи с соплеменниками. Особенно это характерно для монархий Персидского залива, где те же правители из семейств Аль Сабах (Кувейт) и Аль Халифа (Бахрейн) принадлежат к весьма разветвленному племени Аназа, а Аль Тани (Катар) – к Бени Тамим. Один из багдадцев, чья семья, по его словам, уже порядка 500 лет живет в Багдаде, уверенно заявил автору этих строк, что они – из племени Шаммар. Хотя на том этапе (конец 1990-х) лично он жил абсолютно городской жизнью и вряд ли общался с соплеменниками за кругом привычной в арабском обществе обширной родни, находящейся в одном с ним городе. Согласно имеющимся данным, в Ираке проживает где-то 150 племен, в свою очередь распадающихся на несколько тысяч племен «второго уровня», а порядка 75% иракцев ассоциируют себя с теми или иными кланами.²

Трайбалистская традиция дожила до наших дней, почти безболезненно уживаясь с институтами современного государства. Хотя у арабских интеллектуалов как левого, так и правого толка трайбализм имел плохую репутацию как нечто отжившее свой срок или реакционное. Общественное развитие и государственное строительство ориентировалось на модели развитого мира (коллективный Запад и европейский соцлагерь), в котором родо-племенные связи относились к пережиткам глубокой старины. Свою

роль играло также историческое противостояние государства и кочевых племен на Арабском Востоке еще со времен халифата, поскольку государство практически всегда имело целью централизацию и всеобщее подчинение воле властей, а пустынные (но не оседлые) – сохранение своей вольницы и приоритетное подчинение собственным вождям – шейхам. Но если в седую старину племена еще могли ускользать из-под принуждения правителей, то в эпоху «национальных государств» с госграницами и мобильным силовым аппаратом это стало почти невозможно. Начался новый этап: «модернизация (и государственное строительство) – это процесс, в котором государство проникает в племена, маргинализирует их и ассимилирует».³

Довольно жестко в отношении трайбализма высказывались арабские националисты. Их ориентир – суверенное национальное государство (не будем пока делать различий между идеологией панарабского государства и практикой «региональных» стран, ведь даже у Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), она же Баас, существовали как национальное общеарабское руководство, так и региональные командования, самыми мощными из которых были иракское и сирийское, основанное на институте гражданства. Гражданства в европейском понятии, которое отвергает внутренние разделительные линии, особенно такие, как принадлежность к племенам и кланам.

Поэтому трайбализм в значительной части арабского региона был формально «в загоне». Так, например, в сирийском документе ПАСВ «Ответ партии на невежество и клановость в арабизме» утверждалось: «Регионализм, сектарность и трайбализм – опасные социальные болезни, с которыми необходимо бороться любыми методами, поскольку они серьезно увеличивают и углубляют фрагментацию общества». И далее: «Членство в религиозных, региональных и племенных сообществах становится альтернативой тому, чтобы быть арабом. Этим парализуется потенциал для национальной борьбы, устраняется угро-

за, которую арабский национализм представляет для [сил] империализма и реакции». ⁴

Правда, была и неформальная сторона вопроса. Сирийский лидер Хафез Асад не во всем исполнял вышеуказанную баасистскую установку. Будучи реалистом и прекрасным знатоком внутренних раскладов в стране, Асад-старший вместо курса на демонтаж кланово-племенных структур установил уважительное взаимодействие с шейхами, увеличил их представительство в парламенте с 7% до 10%, инкорпорировал в министерства и в аппарат безопасности. ⁵

Схожую линию проводил иракский президент Саддам Хусейн, особенно в 1990-е годы, когда в условиях жестких санкций против Ирака опора на шейхов племен, особенно к западу и северу от Багдада, обеспечивала соответствующую лояльность населения. В Ливии, согласно ливийской исследовательнице Амаль Обейди (монография *Political Culture in Libya*. Richmond: Curzon, 2001), ренессанс трайбализма был частично вызван политикой позднего Каддафи (лидера страны М.Каддафи) по созданию лояльных племенных элит, а с другой стороны, – возрождением традиционных отношений самим ливийским обществом в качестве способа противодействия «навязыванию революционного режима». ⁶

Среди факторов, поспособствовавших «новой эре» трайбализма, следует назвать появление современных средств коммуникации. Если раньше сведения о генеалогии племен и кланов, родственных связях, племенных традициях и обычаях в основном передавались устно или записывались на бумаге и издавались ограниченными тиражами, то с появлением интернета началось массовое создание сайтов, посвященных племенам, родам и даже семействам. Например, у весьма разветвленного племени Шаммар (основная масса проживает в Ираке, Сирии, Саудовской Аравии, Кувейте) – не менее 40 интернет-сайтов и форумов. Среди них: www.shmmr.net; www.shmrq8.com; www.nshama-shmr.net;

<http://shammar.goodollz.com>; www.allshmr.com. У племени Джибур (Джиббур) помимо главного и официального сайта www.aljbor.net имеются другие сайты, страницы в «Фейсбуке» – <https://ar-ar.facebook.com/AljubourTribe/>, <https://www.facebook.com-الموقع-الرسمي-للعشيرة-الجبور-اليو-عميرة> 1632944363632918/, в «Твиттере» – https://twitter.com/aljbor_?lang=ar. и форумы – <http://www.albusultan.com/vb/forumdisplay.php?f=62>, <http://ashora-muntada.ahlamontada.com>. То же самое завели себе практически в любом племени и крупном клане, разница может быть лишь в количестве электронных ресурсов.

Такая ситуация привела к двум ключевым явлениям – популяризации клановой истории, традиций, символов и т.д., а также появлению возможности представителям племен как в разных уголках одной страны, так и на всем пространстве Арабского Востока находить друг друга, узнавать, кто и где проживает, общаться, оказывать поддержку. Плюс к этому посредством интернета происходил своего рода идеологический экспорт трайбализма со стороны активистов и деятелей из монархий Аравии, где родо-племенные отношения неизменно оставались значительным элементом общественной и даже государственной жизни.

Таким образом, племенная среда вышла на новый уровень самоосознания. И когда грянула «арабская весна», катком прокатившаяся по государственным институтам, повторная сборка и консолидация родо-племенного сообщества пошли как по накатанной. С оговоркой, что применительно к Ираку данный процесс начался несколько раньше – с момента американской оккупации и попыток Вашингтона напрямую или воздействуя через местных политиков демократизировать страну по западным лекалам. Примечательно, что именно с подачи американцев председателем Временного управляющего совета Ирака, а затем и первым президентом страны после свержения С.Хусейна стал не кто-то из политических деятелей антисаддамовской оппозиции, а один из верховных шейхов племени Шаммар Гази Акейль аль-Яур.

Суть процесса понятна: потеряв опору в сильном централизованном государстве, люди стали обращаться к тем общественным структурам, которые могли хоть как-то защитить их и помочь решать житейские проблемы. Население массово бросилось к «старым добрым традициям» восприятия себя частью кланов и племен.

«В Басре, как отмечает Хайдар аль-Мухаммед (британский исследователь из Кильского университета, имеющий иракское происхождение. – авт.), возрождение трайбализма связано с отсутствием государства. Трайбализм – это стратегия приноравливания, опирающаяся на традицию региона и полезная в нынешних условиях для выживания и наращивания социальной власти. Это, пожалуй, наиболее часто встречающийся практический сценарий: люди поворачиваются к племени или возвращаются к нему в отсутствие государства».⁷

Маятник вновь качнулся от т.н. «модернизма», если считать таковым суверенное национальное государство для всех своих граждан, к архаике. Как-то вдруг «выяснилось», что «от Персидского залива до Ирака и Сирии регион взаимопереплетен сложной сетью племенных отношений»,⁸ которые резко стали фактором современной жизни. Наметилось восстановление связей между частями племен, проживающими на территории сразу нескольких арабских государств.

«Конфедерация Шаммар насчитывает минимум один миллион человек в Сирии и является одним из крупнейших племен в регионе. Джибур присутствует в Восточной Сирии и Ираке и более всех других племен имеет тесные отношения с родственниками в Персидском заливе. Аназа – еще одна видная племенная конфедерация в Заливе, насчитывающая значительное количество соплеменников еще и в Восточной Сирии и губернаторствах Сувейда, Хомс, Хама и Алеппо. Нузйм – ключевая конфедерация в Дераа с серьезной численностью также в Хомсе и сильным присутствием в Персидском заливе. (...)

По меньшей мере 15 крупных семейств племени Окейдат имеют гражданство Катара, и многие их родственники – нату-

рализованные подданные государств Залива, некоторые из которых служат там в армиях. Члены этих племен в Заливе обычно навещают своих родственников в Сирии и посредничают в спорах и конфликтах.

Между этими племенами существуют также взаимные брачные связи, в т.ч. между представителями правящей династии Саудовской Аравии и кланом Ниджрис в Дейр-эз-Зоре (секция Альбу Кямель племени Окейдат. – авт.). Шейх Сафаук ан-Ниджрис постоянно навещал своих королевских родственников в Эр-Рияде».⁹

Таким образом, межклановые связи весьма масштабно проявились в ходе сирийского конфликта. Во-первых, консолидация как антирежимных, так и во многом проправительственных сил на местах, особенно в глубинке, происходила по родо-племенному признаку. Стали возникать племенные ополчения, лидерами которых нередко становились сами шейхи (правда, необязательно «первого эшелона»). Во-вторых, поддержка оппозиции со стороны большинства аравийских монархий в значительной степени осуществлялась по «племенным каналам», что также способствовало укреплению сирийских трайбалистских структур. Лозунг «поможем братьям в Сирии» для населения Саудовской Аравии, Кувейта, Катара и др. носил вполне конкретный характер, поскольку сирийские арабские племена – не просто выходцы из Аравии, но до сих пор имеют там соплеменников. Некоторые из этих соплеменников, как описано выше, занимают влиятельные позиции, например, в той же Саудовской Аравии или даже породнены, как уже отмечалось выше, с правящим королевским домом Саудов, который, среди прочего, профинансировал создание антиправительственных племенных ополчений, наиболее показательным среди которых с точки зрения иллюстративности стала «Бригада короля Абдель Азиза» (*Лива аль-Малик Абдель Азиз* под командованием некоего саудовского подданного Сувейлема аль-Гбейна) в Ракке, состоявшая из представителей племени Аназа. Даже названия входивших в нее батальонов

весьма красноречивы: «Ахрар Аназа», «Сарая Фидаан»¹⁰, «Катибат аль-Ваилия».¹¹

Надо сказать, что мобилизация самих племен и вокруг племен в САР не прошла мимо сирийских и западных экспертов. Выше уже цитировалась работа сирийца Х.Духана «Племена и трайбализм в сирийском восстании», опубликованная еще в конце 2012 г. За ней последовал целый ряд работ от представителей западных «мозговых трестов» и исследовательских центров. Причем не только в Сирии. Аналитики присмотрелись к племенному фактору и в целом ряде других арабских государств, вытащив на свет гораздо более широкую картину возродившегося трайбализма. Среди многих работ отметим увесистый сборник статей под редакцией израильского исследователя Узи Раби «Племена и государства на изменяющемся Ближнем Востоке».¹²

В Ираке ситуация в сфере трайбализма схожа с сирийской, если не сказать, что племенной фактор там играет, пожалуй, даже большую роль, чем в САР. К тому же стремительный «возврат населения в племена» начался гораздо раньше – с момента американской агрессии в 2003 г. Ярким показателем роли кланового сообщества стала его роль в борьбе с джихадистским движением в стране в 2006-2007 гг. Результативность этой борьбы появилась лишь тогда, когда де-факто управлявшие Ираком американцы начали опираться не столько на правительственные силы, сколько на суннитское племенное ополчение «сахва». Сформированная в рамках запущенной Пентагоном кампании структура «Сыны Ирака» насчитывала до 90 тыс. бойцов.¹³ В результате данного процесса произошло значительное укрепление племен. В их среде даже зазвучали идеи о проведении конгресса иракских суннитских племен с целью создания автономного суннитского района.¹⁴

Перетянув на себя целый ряд функций, ранее жестко закрепленных за государством, племена центрального и северного Ирака столкнулись с тем, что они стали одной

из главных мишеней т.н. «Исламского государства» (запрещено в РФ). Другой момент – неоднократно упоминающаяся экспертами «маргинализация» данных племен со стороны центрального правительства в Багдаде. Речь о том, что американцы, подталкивая к созданию «сахва», обещали, что Багдад затем инкорпорирует племенные дружины в состав национальных силовых структур. Этого не произошло. Поэтому племена провинций Анбар и севера почти дружно решили не оказывать отпора очередным вооруженным исламистам. Главари террористов выходили сразу на шейхов и ставили ультиматум: либо племя приносит клятву лояльности этой террористической организации, либо подвергнется кровавому наказанию.

Как бы то ни было, примечателен уже сам факт работы непосредственно с племенами (и их лидерами) как автономными общественными единицами. О роли и месте местных властей, подчиненных Багдаду, говорить даже не приходится. После освобождения территорий, контролировавшихся «Исламским государством», племена и иракское правительство кодифицировали свои отношения через т.н. пакты, в которых стороны принимали на себя взаимные обязательства. Например, четыре племенные конфедерации района Хавиджа (юго-западная часть провинции Киркук) в составе порядка 60 племен в подписанных ими документах обязались уважать, поддерживать и сотрудничать с государственными силами безопасности, в т.ч. Иракскими бригадами сил безопасности, подразделениями Сил народной мобилизации и местными полицейскими.¹⁵

В соседней Иордании антирежимные протесты тоже оказались упакованы в клановую оболочку. Речь в первую очередь о движении «Хирак», которое объединило не менее 40 молодежных оппозиционных групп, состоящих из представителей коренных иорданских (можно даже сказать трансйорданских, т.е. происходящих сугубо с восточного берега р.Иордан) кланов, причем в основном из глубинки.¹⁶ Тех самых кланов, которые десятилетиями

рассматривались как внутри самой Иордании, так и извне в качестве главной опоры королевской власти Хашимитов. Причина, толкающая «опору режима» на манифестацию недовольства, понятна – ухудшающиеся социальные условия, меньшее внимание племенам и их нуждам.

«Неолиберальные реформы маргинализировали традиционного кланового союзника [властей], который опирался на субсидии, занятость в госсекторе и социальные выплаты. В это же время монархия сократила льготы племенным вождям. В 2001 г. правительство обрезало затраты на общественное управление, сократив муниципальные советы – мощный инструмент влияния кланов – с 328 до 94. (...) Все эти новые политические и социально-экономические условия обеспечили сохраняющуюся релевантность племенной самоидентификации».¹⁷

То есть восточноиорданское население в ситуации, когда условия жизни толкают его на выражение несогласия, обращается не к политическим партиям или «прогрессивным НПО», а к собственным племенам. Одна из входящих в «Хирак» структур называется, к примеру, «Объединение представителей племени Бени Сахр за реформы».

Еще одной формой иорданской клановой работы стали группы взаимопомощи для соплеменников. Это добровольные организации, регистрируемые как НПО, занимаются содействием своим кланам через целевое перераспределение средств, аккумулируемых в виде взносов от выходцев из тех или иных племен. Понятно, что трайбалистская смычка играет здесь ведущую роль, гораздо более осязаемую, чем еще полтора десятилетия назад.

В Ливии местные эксперты именно в усилившемся трайбализме и перехвате влияния на население со стороны племенных лидеров видят, например, причины того, что весной 2011 г. Восточная Ливия (Киренаика) быстро перешла на сторону антикаддафистов. При этом в обществе произошел раскол на «победившие племена» и «проигравшие племена». Поддержка первыми – залог

успешной политической карьеры в новых ливийских условиях.

На самом свежем этапе трайбализм вообще превратился в фактор, чуть ли не определяющий будущее страны:

«С началом войны за Триполи между силами Временного правительства и Правительства национального согласия войска Временного правительства проделали путь в сотни километров из Бенгази через аль-Джафру в направлении аш-Швейрафа и Гарьяна, достигнув предместий Триполи. И этого марша не было бы без поддержки и содействия племен. В то время как Правительство нацсогласия поначалу не придавало значения привлечению племен. Как рассказал один из шейхов племени Ауляд Абу Сейф (Бусейф), он лично намекнул главе Президентского совета Фаизу Сараджу о необходимости привлекать на свою сторону племена, сказав, что тому «требуется иметь при себе такого, как Халифа Хнейш». Хнейш был тем человеком, которому М.Каддафи поручил отвечать за дела племен при прежнем режиме. Через несколько недель боев за Триполи Правительство нацсогласия поняло важность обеспечения поддержки племен, и Президентский совет начал встречаться с делегациями племен и давать им обещания. В итоге вопрос лояльности племен стал предметом открытой конкуренции между противоборствующими сторонами, и каждая из них старается публично продемонстрировать степень своей трайбалистской поддержки».¹⁸

Значительный рост «трайбалистских отношений» наблюдается и в монархиях Персидского залива, где родо-племенные отношения в общем-то никогда особо не отступали под давлением государства и арабского национализма, как это имело место в зоне Леванта. Собственно само формирование этих монархий во многом происходило именно на племенной основе, включая их наследственные правящие династии, идущие от признанных клановым сообществом авторитетных вождей, таких как Сабахи в Кувейте, Аль Халифа в Бахрейне, Аль Тани в Катаре, Аль Нахайян в Абу-Даби и т.п.

На Западе почему-то считают, что в монархиях в Заливе неоднозначно относятся к племенному фактору. Су-

дя по всему, это основано как на утверждениях представителей тамошней верхушки, которая явно старается не выглядеть архаичной («племена – это что-то из прошлого»), так и на отдельных шагах государства. Среди примеров – официальный запрет на т.н. «негативные клановые прозвища» на саудовском Национальном верблюжьем фестивале и на использование «исторических или племенных фамилий» на муниципальных выборах в Саудовской Аравии в ноябре 2005 г. Помимо этого Совет шуры в той же стране запретил создание внутриплеменных схем финансовой поддержки и даже выступил с предложением вовсе отменить племенные фамилии (как это было предписано в Ираке с 1970-х гг. и практически до самого американского вторжения).

На деле же все, что связано с кланами и трайбализмом в Аравии, получает поддержку и освещение. Трайбалистская культура пропагандируется, прославляется и преподносится как неотъемлемая часть национальной идентичности. Множатся разного рода племенные съезды и сходы, издание брошюр и книг по генеалогии и истории конкретных племен. Если вновь обратиться к саудовскому примеру, то в 2015 г., когда начался «катарский кризис», наследный принц Мухаммед бен Сальман устроил масштабную процедуру выражения племенами Восточной провинции КСА (которая граничит с Катаром и имеет ряд общих с ним племен) лояльности Эр-Рияду и поддержки его политики. Помимо этого власти Саудовской Аравии и ОАЭ предприняли ряд неудачных попыток поднять против Дохи катарские кланы, обиженные правителями Аль Тани. Примечательно, что в Катаре тоже пошли на аналогичные шаги: организовали публичную демонстрацию лояльности и «подкопы» под саудовские и эмиратские племена, родственные катарским.

Таким образом, разговор о вполне очевидном ренессансе трайбализма – это не только и не столько антропология или этнические изыскания. Речь идет о том, что на сцену вышла реальность, которая напрямую будет влиять

на государственное и общественное развитие арабских стран в ближайшие десятилетия. Рассуждения о демократии, плюрализме и толерантности на Ближнем Востоке неизбежно следует вести с большой поправкой на родоплеменные отношения и устои. По мнению иракских экспертов Усамы Гаризи и Хайдара аль-Ибрагими, «трайбализм лежит в основе суннитской политической идентичности и мобилизации, данный факт следует учитывать, когда рассматривается вопрос о том, что делать с суннитскими переживаниями насчет своей политической маргинализации».¹⁹ А вот слова арабского друзского писателя из Израиля Сальмана Масальхи: «Трайбалистская природа арабских обществ глубоко укоренена в прошлом, ее корни уходят в доисламскую эру (...). Поскольку арабские общества по своей природе трайбалистские, различные формы монахий и эмиратов – естественное продолжение этой всепроникающей социальной структуры, в которой лояльность племени идет прежде всего остального».²⁰

Конечно, ситуация в различных арабских странах в том, что касается трайбализма, неодинакова. Тем не менее очевидно, что регион вступит в третье десятилетие XXI века в условиях совсем иных места и роли племен в жизни государств, чем буквально пару десятилетий назад. И, похоже, восстановление государственных институтов и их реформирование (там, где прокатилась «арабская весна»), общественно-политическое развитие всего региона должно будет еще раз пройти этап, который арабские общества уже, казалось, оставили позади еще в XX веке.

¹ Sultan Mohammed Zakaria. Democratisation effort vs. clientelism and tribalism. Публикация в ливанской газете Дейли Стар, 9 февраля 2013 г. (<https://www.thedailystar.net/news-detail-268370>)

² Osama Gharizi and Haidar al-Ibrahimi. Baghdad Must Seize The Chance To Work With Iraq's Tribes. January 17, 2018 (<https://warontherocks.com/2018/01/baghdad-must-seize-chance-work-iraqs-tribes/>).

³ Thomas Hüsen. The Neo-Tribal Competitive Order in the Borderline of Egypt and Libya // *Respacing Africa*. Vol. 4. Edited by Ulf Engel and Paul Nugent. Leiden: Brill, 2010. С. 174.

⁴ Nikolaos Van Dam. *The Struggle for Power in Syria. Politics and Society under Asad and the Ba'th Party*. London: I.B.Tauris publishers, 1996. С. 146, 148.

⁵ Haian Dukhan. *Tribes and Tribalism in the Syrian Uprising* (далее – Dukhan). С.3 (работа размещена здесь:

<https://core.ac.uk/download/pdf/30319586.pdf>)

⁶ Thomas Hüsen. Tribal Politics in the Borderline of Egypt and Libya. Palgrave Macmillan (Springer International Publishing), 2018. С. 4.

⁷ <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/08/02/on-tribalism-and-arabia/>

⁸ Hassan Hassan. Why tribes matter in Syria. // *Guardian*, 25.07.2012. (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/jul/25/syria-tribal-rivalries-shape-future>)

⁹ Там же.

¹⁰ Фидаан – одно из племен, входящих в конфедерацию Аназа.

¹¹ <https://www.alalamtv.net/news/1525638/السعودي-قائد-كتائب-عزّة-مطلوب-لدا-عش>

¹² Uzi Rabi. *Tribes and States in a Changing Middle East*. Oxford University Press, 2016.

¹³ CRS Report for Congress: Hussein D. Hassan. Iraq: Tribal Structure, Social, and Political Activities. Updated April 6, 2008 (<https://fas.org/sgp/crs/mideast/RS22626.pdf>).

¹⁴ <https://www.globalsecurity.org/wmd/library/news/iraq/2015/iraq-151007-voa03.htm>

¹⁵ Osama Gharizi and Haidar al-Ibrahimi. Baghdad Must Seize The Chance To Work With Iraq's Tribes. January 17, 2018

(<https://warontherocks.com/2018/01/baghdad-must-seize-chance-work-iraqs-tribes/>).

¹⁶ Sean L. Yom. Tribal Politics in Contemporary Jordan: The Case of the Hirak Movement // *The Middle East Journal*. Vol.68, No.2, Spring 2014. С. 229.

¹⁷ Jessica Watkins. Tribes and Tribalism in a Neoliberal Jordan. June 13, 2018 (<https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/07/16/tribes-and-tribalism-in-a-neo-liberal-jordan/>).

¹⁸ Хусейн Салем Марджейн. Аш-Шейх ва аль-Кабиля фи Харб Тараблус 2019 (Шейхи и племена в битве за Триполи в 2019 г.). Ч.2 на сайте <https://www.minbarlibya.org/?p=14856>.

¹⁹ Osama Gharizi and Haidar al-Ibrahimi. Baghdad Must Seize The Chance To Work With Iraq's Tribes. January 17, 2018

(<https://warontherocks.com/2018/01/baghdad-must-seize-chance-work-iraqs-tribes/>).

²⁰ Цит. по: Philip Carl Salzman. Why There Is No Peace in the Middle East. October 14, 2017

(<https://www.gatestoneinstitute.org/11117/middle-east-tribal-culture>).

А. Вальтер

КИБЕРВОЙНА КАК НОВЫЙ ЭТАП ИРАНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

Израиль и Иран взаимодействуют с момента создания Государства Израиль в 1948 году, их соответствующие региональные стратегические интересы во многом определили их взаимоотношения. Отношения между двумя странами были относительно близкими до Исламской революции 1979 года. Поставки оружия из Израиля в Иран продолжались в течение непродолжительного времени, однако с 1982 года никаких публично признанных сделок заключено не было. Вторжение Израиля в Ливан в 1982 году мобилизовало шиитов. Иранские военные появились в Ливане и было создано шиитское движение «Хизбалла» для борьбы с Израилем. Иран также вооружал и финансировал «Исламский джихад», который осуществляет террористические нападения в самом Израиле и из сектора Газа, а спорная ядерная программа Ирана повысила ставки для обеих сторон в их региональном соперничестве. Новым фактором ирано-израильского конфликта стало противостояние в кибернетическом пространстве.

Иранские возможности в киберпространстве

С ноября 2010 года организация под названием Cyber Defense Command работает в Иране под руководством Passive civil defence organisation, которая сама по себе

является подразделением Объединенного штаба ВС Ирана¹.

Согласно отчету 2014 г., представленному израильским Институтом исследований в области национальной безопасности, Иран является «одним из самых активных игроков на международной киберарене»². В 2013 году генерал Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) Мохаммад Хусейн Сепехр заявил, что Иран «четвертая крупнейшая киберармия мира»³.

Иранское правительство не раз обвинялось западными аналитиками в его кибератаках против США, Израиля и арабских стран Персидского залива, но Иран отрицает все, в том числе конкретные обвинения в причастности к хакерским атакам на американские банки в 2012 году⁴. Конфликт между Ираном и Соединенными Штатами был назван в середине 2013 года Майклом Джозефом Гроссом «первой в истории кибервойной».

Iranian Cyber Army (ICA) – иранская хакерская группа. Считается, что она связана с иранским правительством, и хотя официально Тегеран не признает ее, ICA поклялась в верности Верховному лидеру ИРИ аятолле Али Хаме-неи. Группа взяла на себя ответственность за несколько атак, проведенных через интернет с 2009 года, в частности, нападения на Baidu и Twitter. Атака на Baidu привела к так называемой китайско-иранской хакерской войне. В 2012 году группа, идентифицированная как Parastoo, взломала серверы Международного агентства по атомной энергии, но есть подозрения, что именно ICA стоит за этой атакой.

Подрывная деятельность, проводимая иранскими хакерами, в целом уменьшилась с момента подписания в 2014 году Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе. В последние годы, особенно при президенте Хасане Роухани, было сделано меньше громких заявлений в отношении киберопераций Ирана.

Массовая утечка мозгов в Иране, когда многие из его самых ярких инженеров и программистов уезжают

из страны по политическим и экономическим причинам, налагает ограничения на развитие его кибервозможностей. По оценкам министра науки, исследований и технологий Ирана, 150 000 высококвалифицированных специалистов эмигрируют из Ирана ежегодно, что составляет 150 млрд долларов ежегодных экономических потерь. Когда иранские специалисты отправляются в США и Европу, возможности страны для эффективных наступательных и оборонительных киберопераций уходят вместе с ними.

Несмотря на системные проблемы, связанные с бюрократической дисфункцией и недостаточными инвестициями в кибербезопасность, Иран имеет потенциал для стимулирования более эффективных операций. Попытки правительства, университетов и частного сектора создать профессиональное сообщество по кибербезопасности, такое как проведение турниров Capture the Flag, неизбежно приведут к появлению более широкого кадрового резерва.

Попытки прогнозировать будущее иранских киберопераций сдерживаются секретностью иранского государства в отношении его деятельности и неопределенным геополитическим климатом. Как и в большинстве стран, у Ирана, похоже, нет четкой доктрины относительно того, когда он будет участвовать в подрывных операциях и принимать ответные меры в киберпространстве.

Иранская киберугроза для Израиля

В израильском руководстве основное внимание уделяется Ирану и «Хизбалле», которые уступают Израилю в киберпространстве, но представляют собой серьезную угрозу на игровом поле, где гибкие киберпреступления почти всегда превосходят застойную киберзащиту. Например, в 2011 году главный хакер «Исламского джихада» Маагад бен Джувад Ойде взламывал беспилотники Армии обороны Израиля, когда они пролетали над Газой, а также некоторые сети аэропорта Бен-Гурион⁵.

В апреле 2015 года палестинский хакер взломал израильские серверы, системы премьер-министра, министерств обороны и образования, Службы общей безопасности (ШАБАК), тель-авивской полиции и местного фондового рынка. Два дня спустя израильтяне нанесли ответный удар, взломав Центральное статистическое бюро Палестины (Palestinian Central Bureau of Statistics), где хранится информация, касающаяся 4 млн человек. Данные, касающиеся примерно 700 палестинских государственных служащих, министров и журналистов, были загружены в интернет.

Хотя Иран обычно воспринимается как кибернетическая держава третьего уровня, не обладающая возможностями Китая, России и Соединенных Штатов, он эффективно использует недостаточную готовность противников внутри и за пределами Ирана.

Благодаря технической экспертизе кибератак исследователи, документирующие эти кампании, могут дать уникальное представление о мировоззрении и возможностях иранских служб безопасности и о том, как они реагируют на быстро меняющиеся технологические и геополитические условия. Похоже, что угроза в киберпространстве Ирана против Израиля все еще ограничена. В прошлом усилия Ирана по кибернетическому воздействию на Израиль сводились к уничтожению веб-сайтов и запуску ложной информации, размещенной на новостных сайтах и оказывали незначительное влияние на общественность. Анализ кибернетических атак ИРИ против Израиля по сравнению с другими усилиями Ирана в этой области в настоящее время показывает, что Израиль не является центральной целью.

Тем не менее, заглядывая в будущее, можно наметить несколько более серьезных сценариев, когда Иран использует свои инструменты влияния в киберпространстве против Израиля. Иран может преуспеть в создании поддельных новостей о готовящихся атаках Израиля, чтобы вызвать панику среди населения и / или временно

сорвать процесс принятия решений Израилем. Точно так же Иран может преуспеть в подборе тем, способных убедить вражеское государство или террористическую организацию в предполагаемом нападении Израиля, что, в свою очередь, приведет к упреждающему нападению на него. Так, в декабре 2016 года Ирану удалось получить словесный ответ Пакистана на ложное сообщение о том, что Израиль пригрозил Пакистану ядерной атакой, если Исламабад направит войска в Сирию.

В марте 2019 года ШАБАК сообщил, что мобильный телефон кандидата на пост премьер-министра Израиля Бени Ганца был взломан иранской разведкой⁶.

Еще в начале марта 2019 г. эксперты по безопасности Microsoft предупредили об экономическом ущербе, причиненном деятельностью связанных с Ираном хакерских групп, которые работают над проникновением в системы предприятий и правительств по всему миру. По данным компании, хакеры уже нанесли сотни миллионов долларов ущерба, похитив секретные данные и стертв информацию из компьютерных сетей 200 компаний за последние два года⁷.

Поскольку Израиль противостоит кампании влияния Ирана в киберпространстве, он должен сосредоточиться главным образом на защитных мерах, включая разоблачение и срыв иранских усилий. Помимо этого, Израиль должен использовать разоблачение и срыв атак Ирана в киберпространстве для достижения политических выгод, представляя их как еще одно проявление негативно-го регионального поведения Ирана и нарушений международных норм.

Создание в Израиле Национального органа по киберзащите

В сентябре 2014 года Нетаньяху объявил о создании нового Национального органа по киберзащите, чья оборонительная роль заключалась в защите государственных структур от кибератак. Это агентство должно осу-

ществлять работу и координацию всех оперативных аспектов кибервойны. Апрель 2016 года ознаменовал официальное начало деятельности Национального органа по киберзащите⁸. Логика, которая привела к его созданию, заключается в том, что кибербезопасность и общая безопасность требуют тесного сотрудничества между всеми частями гражданского сектора, и, следовательно, необходимо создать гражданский орган, который будет заниматься исключительно кибербезопасностью и в будущем возьмет на себя часть работы, традиционно выполняемой службой безопасности Израиля ШАБАК для защиты важнейших национальных инфраструктур.

Первая и основная функция Национального органа по киберзащите заключается в том, чтобы реализовывать по мере необходимости все усилия по защите в киберпространстве в пользу полного и непрерывного ответа на кибератаки, отражение киберугроз в режиме реального времени. Среди его функций также: обязанность формулировать оценку текущей ситуации, сбор и исследование разведывательных данных, а также работа со специальными учреждениями (Постановление Правительства № 2444 от 15 февраля 2015 года⁹).

В августе 2016 года комитет Кнессета по иностранным делам и обороне опубликовал доклад «Разделение ответственности и полномочий по киберзащите в Израиле». Доклад представлял собой работу подкомитета по киберобороне во главе с Ави Дихтером, бывшим главой ШАБАКа. Целью комитета являлось «изучение и надзор за тем, как государство готовится к киберпространственной обороне, и анализ важности решения правительства о создании Национального органа по киберзащите и его реализации». В отчете комитета выделяются следующие выводы:

- Национальный орган по киберзащите не должен превращаться в еще одно разведывательное агентство. Он должен основывать свою работу на информации, собранной сторонами в разведывательном сообществе, и открытых данных.

- Комитет постановил, что закон о кибернетике должен разрабатываться при сотрудничестве и участии всех соответствующих сторон в оборонной и гражданской системах. Ограничения, налагаемые на ШАБАК с точки зрения индивидуальных прав, должны также налагаться на этот орган.

- Учитывая, что возможности полиции в киберпространстве ограничены из-за законодательных ограничений и нехватки ресурсов, обсуждение этого вопроса следует расширить.

- В военное время важно возложить ответственность за интеграцию усилий в киберпространстве и управление ими на субъект, находящийся на передовой линии сражения (ЦАХАЛ или Израильское космическое агентство, в зависимости от характера конфликта), в то время как форум по вопросам обороны органа будет продолжать функционировать и позволит ему непосредственно и через свое представительство влиять на диапазон военных усилий, возглавляемых ЦАХАЛом.

- В течение следующих пяти лет механизм киберпространства следует периодически пересматривать с учетом потенциальной угрозы и относительно небольшого опыта Израиля в борьбе с ней.

Израильский сектор кибербезопасности

Израильцы были первыми, кто предвидел потенциальную угрозу, создаваемую киберсектором, когда они создали – более десяти лет назад – структуру под названием «Директорат С4i» (Командование, управление, связь и компьютеры). Управление действовало в составе Генерального штаба ЦАХАЛа.

Государство Израиль разработало исключительные кибервозможности, которые превосходят все другие страны в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. В январе 2017 года премьер-министр Биньямин Нетаньяху объявил, что Израиль стал одной из пяти ведущих мировых кибернетических держав¹⁰. Израиль проводит

тайные кибероперации, которые строго засекречены и редко признаются официально.

Взгляд на израильский технологический сектор сразу показывает, что в стране происходит нечто особенное. Израильтян часто называют «нацией стартапов». В стране тысячи начинающих высокотехнологичных предприятий; Агентство Reuters сообщило¹¹, что по крайней мере 450 компаний разрабатывают приложения для сетевой безопасности, брандмауэры и, в некоторых случаях, инструменты государственного надзора¹².

Процветающая индустрия высоких технологий привлекла многонациональные компании, включая Microsoft, Google, Apple и IBM. На окраине Беэр-Шевы в пустыне Негев построен огромный инновационный центр; Парк передовых технологий (Advanced technology park), который объединяет исследования, проводимые учеными в Университете Бен-Гуриона, с новаторской технологией, разработанной израильскими начинающими компаниями. Что еще более важно, к 2020 году инновационный центр станет домом для новой штаб-квартиры Управления разведки и связи сил армии Израиля.

Подразделение 8200 (unit 8200), входящее в Управление военной разведки Армии обороны Израиля (АМАН)¹³ – инкубатор для израильского сектора высоких технологий. Подразделение 8200 (ранее Подразделение 848) представляет собой элитный разведывательный корпус в составе АМАН. Первоначально подразделение было сформировано в 1952 году по образцу Агентства национальной безопасности США. В Подразделении 8200 насчитывается около 5000 человек, многие из которых отбираются после демонстрации потенциала во внеклассных занятиях, таких как программа Magshimim Cyber. Подразделение 8200 служит главной центральной службой сбора разведданных в Израиле и специализируется на радиоэлектронной борьбе и расшифровке кодов и шифров.

Хотя наступательные кибероперации Подразделения 8200 остаются в строжайшем секрете, бывший командир

подразделения Авихай Абрахами заявил «Форбс», что «нет крупной операции Моссада или любого другого израильского разведывательного агентства, в которой бы не участвовал 8200»¹⁴. Существует много публично задокументированных инцидентов, которые подтверждают эту позицию:

- **Stuxnet** (2010 г.): Согласно информации от членов команды по национальной безопасности президента США Барака Обамы¹⁵, причастных к подрывной кибератаке на ядерном объекте в Натанзе в Иране, вирус Stuxnet был частью совместной операции (операция «Олимпийские игры») разведывательных служб США и Израиля. Подразделение 8200 предположительно сотрудничало с АНБ, работая под аббревиатурой ISNU (Израильское национальное подразделение SIGINT). Сообщается, что совместными усилиями Соединенных Штатов и Израиля Stuxnet уничтожил более 1000 ядерных центрифуг и, согласно статье Business Insider, затормозил атомную программу Тегерана по крайней мере на два года. Этот вирус саботировал усилия Ирана по обогащению урана, ускоряя и разрушая его центрифуги.

- **Операция Orchard** (сентябрь 2007 г.): Подразделение израильской радиоэлектронной защиты ослепило сирийские радарные системы, что позволило нанести точный авиаудар¹⁶ по сирийскому ядерному объекту в Дейр-эз-Зоре.

- **Операция Full disclosure** (март 2014 г.): Иранский корабль с оружием и военной техникой был обнаружен¹⁷ в Красном море Армией обороны Израиля на основе разведывательных данных, полученных с помощью «передовых киберкоммуникационных возможностей».

- **Инцидент с Ogero** (май 2017 г.): Правительство Ливана обвинило Израиль в совершении изощренной кибератаки на государственную телекоммуникационную компанию Огеро с целью распространения дезинформации путем массовых телефонных звонков ливанским гражданам¹⁸.

- **Сорвана планируемая террористическая атака ИГ** (февраль 2018 года): Армия обороны Израиля сообщила¹⁹, что Подразделение 8200 поделилось перехваченными

сообщениями с австралийскими властями, чтобы предотвратить потенциальную террористическую атаку «Исламского государства» (ИГ, запрещено в России) на гражданский самолет.

Другие подразделения в составе Управления военной разведки и Управления киберзащиты (J6 / C4i) отвечают за наступательные и оборонительные аспекты кибербезопасности в рамках ЦАХАЛа. Подразделения израильского разведывательного сообщества, в том числе Служба внешней разведки (Моссад) и Служба общей безопасности (ШАБАК), также располагают внутренними кибернетическими возможностями.

За последнее десятилетие исследователи в области безопасности зарегистрировали серию скрытых кибершпионажных атак. Многие компании включают вредоносные программы с плагинами, фреймворками или эксплойтами, которые имеют сходство друг с другом. Некоторые из вредоносных кампаний также содержат технические ссылки на вирус Stuxnet. Приведем примеры:

- **Flame** (2007-2012 гг.): Многофункциональное модульное вредоносное ПО, очевидно, произведенное современной командой в целях кибершпионажа. Географическими целями его стали Иран, Израиль и палестинские территории. Вредоносная программа предположительно заразила иранские нефтяные объекты. Сообщалось, что вредоносная программа Flame имеет общий плагин со Stuxnet. В статье «Washington Post» говорится, что целью кампании кибершпионажа Flame было предоставление информации для кибератак Stuxnet²⁰.

- **Duqu** (2009-2011 гг.): сложное многоэтапное вредоносное ПО, в основном предназначенное для производителей промышленных систем в двенадцати странах, включая Иран и Судан.

- **Gauss** (2011–2012 гг.): модульное вредоносное ПО, предназначенное для кражи системной информации и учетных данных, в первую очередь для Ливана, а также

для других вирусов в Израиле и Палестине. Вредоносная программа содержала модуль для получения учетных данных ливанского банка.

- **MiniFlame** (2012 г.): Прецизионное кибершпионажное вредоносное ПО, нацеленное менее чем на сотню машин в Ливане, Иране, Кувейте, Катаре и на палестинских территориях.

- **Duqu 2.0** (2014-2015 гг.): сложная вредоносная программа для кибершпионажа, направленная на организации и объекты, связанные с переговорами по ядерному соглашению Ирана в Вене.

Множество агентств и структур отказываются от того значения, которое Израиль придает этому виду войны, однако поскольку это «молодой», постоянно развивающийся сектор, все еще существуют некоторые нерешенные проблемы, такие как отсутствие интеграции между различными структурами. Тем не менее, по крайней мере в том, что касается сектора кибербезопасности, Израиль сегодня считается одной из самых передовых стран в мире.

Политические подходы к киберугрозе со стороны Ирана

Подходы к киберугрозе со стороны Ирана могут быть следующими:

- 1) использование существующих структур для целенаправленных санкций или обвинений,
- 2) улучшение обмена информацией об угрозах между обществами,
- 3) поддержка инициатив по повышению информационной безопасности.

Режим всеобъемлющих санкций против Ирана вряд ли существенно помешает ему в развитии наступательных кибернетических возможностей. Иранцы обычно используют серверы за пределами страны, размещаемые в сетях в Европе и России, которые предоставляют услу-

ги другим сетям киберпреступности или регистрируются с использованием ложной информации.

Там, где предусмотрены санкции, Управление по контролю за иностранными активами Министерства финансов США поддерживает целевые программы, которые могут быть задействованы против международных организаций, которые расширяют возможности Ирана по надзору за его населением (Executive Order № 13606²¹) и несут ответственность за кибер-операции против американской инфраструктуры (Executive Order № 13694). Санкции и другие финансовые механизмы могут быть использованы для того, чтобы помешать странам или другим субъектам оказывать поддержку иранским наступательным кибероперациям. В исполнительном указе 13606 в качестве примера в его полномочиях указывается любая организация, будь то в Иране или где-либо еще, которая содействовала иранскому правительству в его «нарушении работы компьютеров и сетей, мониторинге и отслеживании».

Обмен информацией является одной из наиболее распространенных стратегий, применяемых Соединенными Штатами, Европой и частным сектором для снижения эффективности иранских киберопераций. После нападения на Saudi Aramco²² Соединенные Штаты использовали свое превосходство в мониторинге для укрепления разведывательных отношений со своими арабскими союзниками в Персидском заливе. Это чрезвычайно ценный ресурс, который следует расширять по мере возможности, и дальнейшая поддержка может быть оказана региональным союзникам. Точно так же ФБР предоставило уведомления и способствовало обмену информацией с частным сектором о конкретных иранских кампаниях.

Интернет-платформы и коммуникационные сервисы, такие как Facebook и Google, сыграли позитивную роль в предоставлении инструментов, помогающих людям защищаться от атак. Эти инициативы поднимают планку для злоумышленников и должны рассматриваться в тех-

нологических компаниях как основное обязательство по обеспечению безопасности пользователей.

Соединенные Штаты и Европейский союз будут продолжать продвигать программы и нормы в области доступа в интернет и кибербезопасности, которые отдают приоритет свободному и безопасному потоку информации против вызовов таких стран, как Иран, Китай и Россия. Помимо финансирования гражданского общества, это включает продвижение демократических ценностей в рамках управления интернетом, таких как Интернет-корпорация по присвоению имен и номеров (ICANN) и Международный союз электросвязи (МСЭ). Это также подчеркивает важность внутренней политики в отношении усилий по обеспечению свободы интернета: предложения об ослаблении продуктов информационной безопасности, таких как приложения с зашифрованными сообщениями, могут нанести вред отдельным лицам в странах, где верховенство права является слабым, а «черный ход» доступа к сетям связи обычно подавляется.

Выводы и заключения

Кибервойна ведется не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире (киберпреступность, криминальный аспект интернета выросли на 30% за последний год). Однако на Ближнем Востоке, где продолжаются войны, важность кибервойны возрастает.

Цели кибервойны разнообразны: они варьируются от шпионажа (проникновения на серверы противников или мониторинга различных социальных сетей) до дезинформации, пропаганды, психологической войны, вербовки источников, блокировки критических инфраструктур, вплоть до идентификации людей для их задержания или устранения. Кибератаки могут блокировать деятельность больниц (с тяжелыми последствиями с точки зрения жертв), препятствовать подаче энергии или воды, разрушать городскую сеть (даже останавливать светофоры), создавать помехи электронным ракетным системам. Бло-

кировать телекоммуникации страны (радио, телефон, телевидение) и систему командования и управления армией, создавать помехи и ослеплять радары и диспетчерские вышки аэропорта с его воздушным движением, – этот список может быть расширен.

В ближайшем будущем из-за своего наступательного потенциала этот нетрадиционный вид войны будет широко развиваться на Ближнем Востоке, и основными игроками, в силу их специфических возможностей, будут Израиль и Иран.

С учетом создания новых органов, специализирующихся на киберпространстве, центр тяжести национального кибернетического персонала следует постепенно перенести на вопросы, связанные с областью национального киберпространства в целом (развитие промышленности, поощрение НИОКР, наращивание человеческого капитала, расширение образования и управления с помощью кибернетических усилий и т.д.), и конкретно на вопросы, связанные с национальной кибербезопасностью, такие, как строительство, стабильность и живучесть национального киберпространства в обычное время и в чрезвычайных ситуациях в тех областях, которые находятся вне компетенции органа, области, которые должны быть четко определены. После того как этот орган будет прочно закреплен за канцелярией премьер-министра, следует рассмотреть вопрос о его передаче в более подходящее правительственное министерство.

Что касается организационных изменений, то необходимо определить интерфейсы и отдельные сферы ответственности и полномочий, принадлежащие администрации, Армии обороны Израиля и разведывательному сообществу. Например, органу предлагается анализировать и исследовать разведывательные данные и собирать их из источников в гражданской системе Израиля и в других местах (информация с мест, гражданских компаний и коллег за рубежом). Это, например, поднимает вопрос о том, как в Израиле проводилась бы Единая разведыва-

тельная оценка, если бы о признаках нападения стало известно органу, который не расследует большинство аспектов противника, в то время как информация и знания, объясняющие признаки нападения (кто является нападающим и каковы его цели и т. д.), поступали в разведывательное сообщество. Поэтому разделение ответственности и сотрудничества между всеми органами, участвующими в кибервойне, в контексте разведки, обороны, нападения и комплексного управления кампаниями должно определяться с системной точки зрения. Например, необходимо определить, кто обеспечивает оценку интеллекта и раннее предупреждение, и кто командует киберсистемами.

Функции Армии обороны Израиля по защите киберпространства в чрезвычайных ситуациях и в военное время должны регулироваться, и должны быть определены границы между армией и властями, а также между спецслужбами и полицией. Первоначальное регулирование уже началось, но предстоит пройти долгий путь. Предложение о том, чтобы Армия обороны Израиля несла ответственность за руководство киберзащитой государства в военное время, противоречит текущей реальности главным образом потому, что любому, кто не глубоко вовлечен и не работает в киберпространстве государства на повседневной основе в обычное время, будет трудно взять на себя эффективную ответственность за эту задачу, как только государство перейдет в режим чрезвычайной ситуации.

И наконец, организационные изменения, какими бы сложными они ни были, не обязательно свидетельствуют о наличии потенциала или способности защищать киберпространство. Поэтому необходимо установить критерии и практические тесты на прочность системы киберзащиты, чтобы можно было оценить нынешнюю ситуацию и дополнительную ценность будущих действий на местах.

¹ Bastani, Hossein (December 13, 2012). "Structure of Iran's Cyber Warfare". Institut Français d'Analyse Stratégique. Retrieved March 18, 2015.

² Siboni, Gabi; Kronenfeld, Sami (April 3, 2014). "Developments in Iranian Cyber Warfare, 2013–2014". INSS Insight. Institute for National Security Studies. Retrieved March 18, 2015.

³ <https://www.hackread.com/iran-biggest-cyber-army-israel/>

⁴ "US General: Iran's Cyber War Machine 'A Force To Be Reckoned With'". Business Insider. Retrieved 2017-11-14.

⁵ <https://www.jpost.com/Arab-Israeli-Conflict/Cyber-war-nightmares-How-can-Iran-Hezbollah-use-cyber-to-fight-Israel-542361>

⁶ <https://securityaffairs.co/wordpress/82460/intelligence/benny-gantz-hacked-iranian-cyberspies.html>

⁷ <https://securityaffairs.co/wordpress/82097/apt/economic-damages-caused.html>

⁸ <https://www.inss.org.il/publication/structuring-israels-cyber-defense/>

⁹ <https://www.inss.org.il/publication/structuring-israels-cyber-defense/>

¹⁰ <https://mfa.gov.il/MFA/PressRoom/2017/Pages/PM-Netanyahu-addresses-TAU-Cyber-Tech-conference-26-June-2017.aspx>

¹¹ <https://www.reuters.com/article/us-israel-cyber-intel/intel-to-collaborate-with-israels-team8-illusive-on-cybersecurity-idUSKBN19C1KO>

¹² <https://www.secalliance.com/blog/spies-in-the-middle-east/>

¹³ <https://vc.ru/tribuna/15773-unit-8200>

¹⁴ <https://www.forbes.com/sites/richardbehar/2016/05/11/inside-israels-secret-startup-machine/#6c95755d1a51>

¹⁵ <https://www.nytimes.com/2012/06/01/world/middleeast/obama-ordered-wave-of-cyberattacks-against-iran.html?pagewanted=all>

¹⁶ <https://www.politico.eu/article/israels-syria-inside-secret-raid-on-nuclear-reactor/>

¹⁷ <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-26451421>

¹⁸ <https://www.haaretz.com/israel-news/israel-responsible-for-anti-hezbollah-propaganda-phone-hack-lebanon-says-1.5471465>

¹⁹ <https://www.idf.il/en/minisites/terror-and-threats/8200-unit-thwarts-an-isis-attack/>

²⁰ https://www.washingtonpost.com/world/national-security/us-israel-developed-computer-virus-to-slow-iranian-nuclear-efforts-officials-say/2012/06/19/gJQA6xBPoV_story.html?noredirect=on&utm_term=.6f0d27c6fec2

²¹ <https://carnegieendowment.org/2018/01/04/iran-s-cyber-threat-conclusion-and-prescriptions-pub-75143>

²² <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-05-14/saudi-aramco-pumping-stations-targeted-in-limited-attack-spa>

А.Т. Волков

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СВОБОДА СЛОВА В ЕГИПТЕ

В последние несколько лет ситуация вокруг соблюдения прав человека и политических свобод в Египте из относительно сложной стала максимально критической. Правозащитная организация Human Rights Watch выражает глубокую озабоченность репрессиями и атмосферой «запугивания» в этой стране, особенно в связи с увеличением правительственных арестов диссидентов, запретов новостных сайтов, которые указывают на негативные стороны нынешнего египетского режима, преследованием журналистов и правозащитников¹. Приход к власти Абдель Фаттаха ас-Сиси, по их мнению, вылился в тотальное несоблюдение прав человека, особенно в отношении тех, кто критикует его деятельность². Сторонники А.Ф. ас-Сиси говорят, что жесткие правоохранные и экономические меры необходимы для защиты стабильности в стране, которая восстанавливается от политического хаоса, решает огромные экономические проблемы и борется с исламистскими боевиками. ООН сообщает о «серьезной эскалации» операций органов госбезопасности против оппозиции, что превращается в «хроническую проблему». Правозащитные организации осуждают правительство А.Ф. ас-Сиси с 2013 года за преследование светских и левых активистов, а также исламистов, связанных с организацией «Братья-мусульмане»³.

В отношении последних все обстоит крайне сложно: члены и сторонники «Братьев-мусульман» в Египте подвергаются постоянным преследованиям, беспрецедентным за всю историю организации. Напомним, что в декабре 2013 года Каирский Верховный суд не только запретил деятельность этой организации с конфискацией её собственности и вкладов, но и признал ее террористической структурой⁴. Баллотировавшись на пост президента страны в 2014 году, А.Ф. ас-Сиси заявил в своем предвыборном интервью, что «такого понятия, как ассоциация "Братья-мусульмане" в период моего президентства вообще не будет существовать», имея в виду то, что исламистам не удастся больше прийти к власти⁵. Многие эксперты считают, что путем борьбы с «внутренним врагом» А.Ф. ас-Сиси «легитимизирует» свою власть, давая понять простым египтянам, что им необходимо иметь военных у власти, так как они являются единственной силой, которая может обеспечить стабильность в стране⁶.

По данным различных правозащитных организаций, уже к маю 2014 года не менее 16000 человек, в основном члены и сторонники «Братьев-мусульман», были арестованы. В марте 2014 года 529 «братьев» были приговорены к смертной казни, в апреле того же года к высшей мере приговорили еще 683 члена и сторонника организации⁷. Впоследствии большую часть смертных приговоров заменили тюремным заключением, однако многочисленные уголовные процессы продолжаются до сих пор. «Братья-мусульмане» стали удобным «козлом отпущения» для режима А.Ф. ас-Сиси, на них «навешивают» самые разные обвинения – от террористических актов до безработицы и роста цен, и это уже начинает выглядеть просто комично. Насильственные исчезновения, жестокое обращение в тюрьмах и повсеместное распространение пыток и возможных внесудебных казней заметно возросло после марта 2015 года, когда А.Ф. ас-Сиси назначил на пост министра внутренних дел Магди Абд аль-Гаффара.

По мнению организации Human Rights Watch, «вместо того, чтобы защищать своих граждан от пыток и насильственных исчезновений, египетское правительство предпочитает критиковать и нападать на группы, призывающие к проведению подобных расследований»⁸. На данный момент практически все высшее руководство организации «Братья-мусульмане» в Египте находится за решеткой или скрывается от правосудия, а их активы по приказу генерального прокурора Египта Хишама Бараката от 13 сентября 2018 года временно заморожены⁹. По мнению катарского телеканала «Аль-Джазира», «все происходящее сегодня в Египте есть ни что иное, как передел собственности под видом борьбы с терроризмом». Проще говоря, это означает, что руководство АРЕ во главе с А.Ф. ас-Сиси на легитимной основе «отжало» деньги и бизнес у обеспеченных лидеров и членов организации «Братья-мусульмане». В интервью «Аль-Джазира.нэт» (Aljazeera.net) юрист Гамаль Аид, член «Каирского института исследований прав человека», сказал, что «были также заморожены активы пяти видных правозащитников и трех общественных организаций по правам человека, тех, кто оказывал поддержку членам организации "Братья-мусульмане"». Гамаль Аид подчеркивает, что многие обвинения в сговоре с террористами или экстремистами являются «заведомо сфабрированными, ложными обвинениями». Юрист сожалеет о том, что «тем надеждам, которые после революции 25 января египетский народ лелеял о настоящей демократии в стране, не суждено было сбыться с приходом к власти военных во главе с А.Ф.ас-Сиси»¹⁰.

Надо сказать, что сам А.Ф. ас-Сиси не раз подчеркивал, что вопросы прав человека и гражданских свобод в его стране не должны рассматриваться по западному примеру из-за «внутренних и региональных особенностей» Египта. Напомним речь нынешнего президента АРЕ во время пресс-конференции по итогам саммита ЕС и ЛАГ в феврале 2019 года, когда он призвал «не смотреть

на Египет с европейской точки зрения». А.Ф. ас-Сиси подчеркнул, что «в то время, как Европа стремится к улучшению благосостояния населения, главная задача Египта – избежать новых терактов и вооруженных противостояний»¹¹.

В ноябре 2018 года правозащитная организация Amnesty International обнародовала информацию о том, что египетские власти арестовали 19 адвокатов и активистов, в том числе 8 женщин, «в рамках продолжающегося подавления гражданского общества в стране». Эти аресты подтолкнули «Египетскую организацию по защите прав и свобод» (Egyptian Coordination for Rights and Freedom), которая оказывает правовую помощь и документирует нарушения прав человека, приостановить свою деятельность, объяснив это «враждебным отношением к гражданскому обществу в Египте сегодня» и собирается требовать прямого вмешательства Совета по правам человека ООН в данную ситуацию. Представитель Amnesty International Наджия Бунаим говорит, что эта «пугающая волна арестов, направленная против правозащитного сообщества, является еще одной ужасающей неудачей для прав человека в Египте. В результате этих арестов египетские власти вновь продемонстрировали свою безжалостную решимость подавить всякую активность и подавить правозащитное движение в стране. Любой, кто осмелится говорить о нарушениях прав человека в Египте сегодня, находится в опасности»¹². Н.Бунаим настаивает, что «систематическое преследование правозащитников в Египте должно прекратиться. Они должны иметь возможность выполнять свою работу, не опасаясь преследований, арестов или тюремного заключения. Все те, кто арестованы за свою правозащитную деятельность, должны быть немедленно освобождены».

Хочется напомнить, что организация Amnesty International также сообщает, что египетские власти арестовывают людей по политическим обвинениям, долгое время удерживая их в одиночных камерах и подвергая жестокому

обращению, которое сильно похоже на пытки. В заключении доклада этой НПО упоминается о том, что «десятки правозащитников, журналистов ... египетские заключённые, удерживаемые в тюрьмах по политическим обвинениям, посажены в одиночные камеры на неопределённый срок, и очень часто это продолжается по несколько лет, что само по себе является пыткой. Заключённые находятся в этих камерах 24 часа в сутки в течение нескольких недель, в ужасных условиях, без какого-либо общения с людьми»¹³. Amnesty International проверила 36 случаев содержания заключённых «в одиночных камерах в течение длительного времени, без связи с внешним миром». Заключённым разрешается делать физические упражнения один час в день, но не разрешается общаться друг с другом, а также запрещены посещения родственников.

Сотрудник французского Института международных стратегических отношений Карим Битар сказал, что «все эти аресты являются продолжением политики репрессий, проводимой все последние годы, чтобы ликвидировать все силы, способные обеспечить баланс с такими органами власти, как парламент, суд, СМИ, НПО, интеллигенция и т.д.». К. Битар считает, что «аресты, несомненно, связаны с растущим чувством недовольства среди широких слоёв египетского населения, а также с ощущениями режима, что он сможет избежать наказания, поскольку Запад решил закрывать глаза на его преступления... Западное пристрастие к арабскому авторитаризму предоставляет карт-бланш правителям на Ближнем Востоке, которые чувствуют, что им сходят с рук все репрессии»¹⁴. И с этим трудно не согласиться: ведь несмотря на то, что администрация президента США Д. Трампа, как лицемерно утверждают американские источники, по-прежнему «серьезно обеспокоена ситуацией с правами человека в Египте и будет неустанно продолжать поднимать эти вопросы в разговорах с египетскими руководителями», в сентябре 2018 года госсекретарь Майк Помпео все же

санкционировал выделение 1,2 млрд долларов военной помощи США Египту, мотивируя это тем, что «укрепление сотрудничества в области безопасности с Египтом важно для национальной безопасности США»¹⁵. Д. Трампу удобно иметь в союзниках такого правителя, как А.Ф. ас-Сиси, а в апреле 2019 года издание «New York Post» сообщило о том, что США могут признать ассоциацию «Братья-мусульмане» террористической организацией. В частности, администрация Д. Трампа поручила сотрудникам ведомств и дипломатам, ответственным за национальную безопасность, заняться этим вопросом после встречи президента США с главой Египта А.Ф. ас-Сиси¹⁶. Переговоры должны были состояться в Белом доме 9 апреля.

Даниэль Бенджамин, бывший координатор по борьбе с терроризмом в Госдепартаменте, сказал, что ведомство рассмотрело вопрос о признании организации «Братья-мусульмане» террористической в 2017 и 2018 годах и пришло к выводу, что «для этого нет никаких правовых оснований». Д. Бенджамин заметил, что «это продолжает быть правдой», а также обвинил администрацию Д. Трампа в искажении фактов и форсировании процесса «по политическим причинам»¹⁷. Многие правозащитные группы также выражают обеспокоенность тем, что А.Ф. ас-Сиси может использовать это для оправдания еще более жестких репрессий против своих оппонентов¹⁸. Нельзя не согласиться с Эндрю Миллером, заместителем директора по политике в Проекте по демократии на Ближнем Востоке (The Project on Middle East Democracy), который утверждает, что, «учитывая склонность ас-Сиси называть всех своих критиков членами "Братьев-мусульман", признание их террористической организацией в США поможет еще больше делегитимизировать его противников внутри страны и на международной арене»¹⁹.

Информационно-аналитический сайт «The Middle East Observer» призывает взглянуть на проблему борьбы с инакомыслием в Египте с иной перспективы. Он указы-

вает на то, что «диктатура – это бомба замедленного действия, и она рано или поздно взорвется в руках того, кто ее подложил». «The Middle East Observer» предупреждает о растущем влиянии вербовщиков «Исламского государства» (ИГ) в египетских тюрьмах, которые А.Ф. ас-Сиси «напичкал» политзаключенными. По информации этого сайта, ИГ ищет наиболее подверженных его влиянию людей, играя на чувствах гнева, безысходности и желания мести, и «радикализирует» их. Один из бывших заключенных сказал «The Middle East Observer», что «чем дольше будет продолжаться жестокая и репрессивная политика ас-Сиси (против оппозиции и инакомыслия вообще – авт.), тем легче будет ИГ завербовать себе новых членов из бывших заключенных и еще больше дестабилизировать Египет и регион... Ведь те, кого вербует ИГ, привлекают потом и других, это напоминает лесной пожар»²⁰.

Совершенно очевидно, что благодаря принятию новых поправок в конституцию АРЕ в апреле 2019 года о демократии египетскому обществу не придется и мечтать. Президент А.Ф. ас-Сиси сможет находиться у власти вплоть до 2030 года. Напомним, что поправки увеличивают срок полномочий президента с 4 до 6 лет, а нынешний президентский срок А.Ф.ас-Сиси продлевается на два года. Таким образом, президент Египта закончит свой второй президентский срок не в 2022, а в 2024 году. Реакция крупных держав на его действия была вполне предсказуемой: «изменения такого рода – это внутреннее дело Египта»²¹. Закрывая глаза на вопиющие нарушения прав человека в АРЕ, мировые и региональные лидеры все же предпочитают видеть А.Ф. ас-Сиси у власти, считая его надежным партнером и делая ставку на стабильность как самого Египта, так и региона.

¹ <https://antizoomby.livejournal.com/656254.html> Произвольные аресты в Египте стали хронической проблемой.

-
- ² <https://www.hrw.org/world-report/2018/country-chapters/egypt>
- ³ <http://www.iimes.ru/?p=51114> Волков А. Т. О ситуации с организацией «Братья-мусульмане» в современном Египте.
- ⁴ <https://www.timesofisrael.com/egypt-cracks-down-on-muslim-brotherhood-arrests-dozens/>
- ⁵ <https://www.theguardian.com/world/2014/may/06/abdel-fatah-al-sisi-muslim-brotherhood-egypt>
- ⁶ https://www.gazeta.ru/politics/2018/03/31_a_11701856.shtml?updated
- ⁷ <https://www.interfax.ru/world/366679> Суд Египта приговорил к смертной казни 529 сторонников "Братьев-мусульман".
- ⁸ https://arabic.rt.com/middle_east/980232 منظمة العفو الدولية تتهاجم مصر - ومطالب بتدخل الأمم المتحدة
- ⁹ <https://gulffnews.com/news/mena/egypt/egypt-freezes-assets-of-muslim-brotherhood-charities-1.2277460>
- ¹⁰ <http://www.aljazeera.net/news/humanrights/2016/9/22> الحقوقي المصري جمال عيد تجريد أمو النالين ير دعا
- ¹¹ <https://www.masress.com/almsyoon/1339040> الإرهاب والهجرة على رأس اهتمامات القصة العربية الأوروبية
- ¹² <https://allafrica.com/stories/201811020299.html> Egypt: At Least 19 Human Rights Activists Arrested in 'Chilling'. New Crackdown <http://www.aljazeera.net/news/humanrights/2016/9/22> الحقوقي المصري جمال - عيد - تجريد - أمو النالين ير دعا
- ¹³ <https://www.dw.com/en/egypt-using-solitary-confinement-as-torture-amnesty/a-43678606> Egypt using solitary confinement as 'torture': Amnesty International.
- ¹⁴ <https://annabaa.org/arabic/rights/15627> في مصر: عندما أصبح الاعتقال التعسفي مشكلة مزمنة
- ¹⁵ <https://www.militarytimes.com/news/pentagon-congress/2018/09/09/us-to-release-12-billion-in-military-aid-to-egypt/> US to release \$1.2 billion in military aid to Egypt.
- ¹⁶ <https://www.foreignaffairs.com/articles/2019-05-17/muslim-brotherhood-not-terrorist-organization>
- ¹⁷ http://www.iimes.ru/?p=55551#_edn11 Волков А.Т. К вопросу о намерении президента США Д.Трампа внести движение «Братья-мусульмане» в список иностранных террористических организаций.
- ¹⁸ <https://www.aljazeera.com/news/2019/04/trump-seek-s-designate-muslim-brotherhood-terror-group-nyt-190430084630495.html>
- ¹⁹ <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/05/trump-allies-push-back-muslim-brotherhood-terror.html>
- ²⁰ <https://www.middleeastobserver.org/2019/04/04/sisi-crushes-dissent-and-fuels-isis/> Sisi Crushes Dissent and Fuels ISIS.
- ²¹ https://www.gazeta.ru/politics/2019/04/26_a_12323671.shtml

В.Д. Демидюк

О ПОЛИТИКЕ США В СИРИЙСКОМ КУРДИСТАНЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Формирование четкой позиции по курдскому вопросу для отдельных глобальных игроков на Ближнем Востоке, включая США, в настоящий момент является необходимостью, поскольку именно курды представляют собой новую политическую силу региона.

Вторжение международной коалиции в Ирак в 2003 г., равно как и принятие Конституции Ирака в 2005 г. стали предпосылками активизации курдского движения во всех частях исторического Курдистана, в особенности в Ираке и соседней Сирии.

В ходе вооруженного конфликта в Сирии сирийским курдам удалось добиться фактической автономии, результатом чего стало отсутствие согласования их действий с центральным правительством в Дамаске. Это привело к ужесточению политики региональных держав (в частности, Турции) в отношении курдов. А референдум о независимости в Иракском Курдистане в сентябре 2017 г. еще раз продемонстрировал тот факт, что столкновение между курдами и «державами-метрополиями» – Турцией, Ираком и Сирией – неизбежно. Более того, одним из результатов референдума 2017 г. стала перегруппировка сил, связанная с отставкой президента курдской автономии в Ираке Масуда Барзани. И если до 2017 г. ориентиром для развития курдского движения выступал

Иракский Курдистан, то после референдума и смены власти в Эрбиле наблюдается переход лидерства в курдском движении из Иракского Курдистана в автономное курдское образование, провозглашённое в январе 2014 года на севере Сирии под названием Рожавы (от курдского слова «запад»).

Сейчас можно утверждать, что именно политика Соединенных Штатов Америки в отношении Сирийского (Западного) Курдистана представляет собой тот фактор, который способен оказать влияние на развитие курдского движения в Сирии.

Ниже автор сделает попытку выявить позицию США по курдскому вопросу в Сирии в настоящее время.

В 2003 г. США продолжили проведение активной политики на Ближнем Востоке, осуществив интервенцию в Ирак в составе международной коалиции, в связи с чем произошло свержение режима Саддама Хусейна и усилилась активизация движения иракских курдов. Именно в Ираке в 2003 г. курдское движение впервые получило поддержку со стороны США, оказав коалиции помощь при проведении военной операции и предоставив американскому десанту территории курдских провинций для высадки и размещения¹.

В 2015 г. США попытались повторить успех сотрудничества с курдским движением уже в Рожаве, обозначив сирийских курдов в качестве союзников в борьбе с «Исламским государством» (ИГ, запрещено в России)².

Следует заметить, что Сирия выступает «младшим партнером» Турции и Ирана в сдерживании курдского национализма. Дамаск с озабоченностью наблюдал за успехами иракских курдов: после 2003 г. курды в Сирии стали более открыто протестовать против жесткой дискриминационной антикурдской политики в стране, а многие из них начали сражаться в рядах турецкой Рабочей партии Курдистана (РПК) и иранской «Партии свободной жизни» (ПСЖ)³.

Сирийская сторона не воспринимает курдское региональное правительство в Рожаве в качестве полноценного

политического игрока, однако в результате усиления позиций Иракского Курдистана на международной арене и роста противостояния между курдами и арабами в Ираке Дамаск принимает более агрессивную линию поведения в отношении курдского вопроса⁴.

Основными проблемами, вокруг которых выстраивалась позиция Дамаска в курдском вопросе с 2003 г., стало беспокойство по поводу того, что США после смены режима в Багдаде смогут повторить подобную кампанию и в отношении Дамаска, основываясь на союзе с курдами⁵. Многие арабские националисты в Сирии считали и продолжают считать создание сильной курдской автономии в Ираке попыткой США построить «второй Израиль», т.е. новое неарабское государство. Это, в свою очередь, ослабило бы арабский мир. Именно поэтому поддержка сирийских курдов со стороны США впоследствии была расценена центральным сирийским правительством как агрессивная стратегия Вашингтона в отношении Дамаска⁶.

После начала вооруженного конфликта в Сирии в 2011 г. сирийские курды получили возможность активизировать борьбу за независимость. В ходе вооруженного конфликта в 2012 г. они заняли стратегические территории на северо-востоке страны в Кобани, Африне и Амуде, где начали строить гражданские институты и органы управления⁷.

Непосредственная поддержка сирийских курдов со стороны США началась лишь в 2015 г. с поставок оружия курдским Отрядам народной самообороны. Еще в 2013 г. по заявлениям тогдашнего президента США Б. Обамы Вашингтон рассматривал конфликт в Сирии с позиции борьбы «профессиональной армии Асада», с одной стороны, и «коалиции фермеров, плотников и инженеров», с другой, при этом не выделяя особо интересы каких-либо групп, в том числе, этнических⁸. И хотя уже в 2013 г. курды представляли собой передний фронт борьбы с ИГ, прямой поддержки из Вашингтона все еще не было, что можно объяснить переговорами США и Ирана по ядерной

программе. Учитывая, что в 2013 г. Вашингтону удалось достичь определенного прогресса по ядерному соглашению, а Иран выступал против усиления курдов в регионе, нежелание администрации Обамы подвергать опасности проводимые переговоры и вырабатывать более четкую сирийскую стратегию является вполне логичным⁹.

Вместе с тем решение об оказании помощи сирийским курдам было связано с началом кампании против ИГ в 2014 г. и окончательным оформлением «Сил демократической Сирии» (СДС) под эгидой международной коалиции против ИГ в 2015 г. Так, несмотря на то, что СДС представляют собой зонтичную организацию, включающую в себя, в том числе, арабские оппозиционные группы, во главе организации стоят именно курдские Отряды народной самообороны. Вместе с тем США стремились сохранить целостность Сирии. Однако при поддержке курдского движения это представляется невозможным¹⁰.

Стоит отметить, что союз с сирийскими курдами сказался на отношениях Вашингтона с Анкарой и Тегераном. Так, после потери летом 2012 г. сирийским режимом позиций на границе с Турцией и началом построения курдских гражданских институтов на этой территории турецкое правительство ультимативно заявило, что Анкара не примет никаких форм курдского самоуправления в Сирии и в противном случае будет вынуждена вмешаться¹¹. Такая позиция Турции обусловлена тем, что Сирия является уже вторым после Ирака государством в регионе, распад которого обостряет проблему турецких курдов. Анкара сохранила приверженность такой политике и к моменту начала оказания помощи курдам со стороны США в 2015 г., что вылилось в недовольство турецкого руководства позицией Вашингтона – стратегического партнера Турции в рамках НАТО. Таким образом, перед США возникла опасность потерять союзника в регионе.

Иранское правительство также опасается роста влияния турецкой РПК на территории Рожавы, так как это будет способствовать укреплению ПСЖ, действующей

в Иранском Курдистане и имеющей прочные контакты с РПК¹². В данном отношении США могли потерять весь прогресс, достигнутый в процессе переговоров с Ираном по ядерной сделке.

Ситуация осложнялась и тем, что с августа 2017 г. со стороны Турции прозвучали заявления о возможном начале совместной с Ираном кампании против РПК. После визита президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана в Тегеран и его встречи с президентом Ирана Хасаном Роухани и аятоллой Али Хаменеи в 2018 г. было объявлено о вероятном начале совместных турецко-иранских действий против РПК и иранской ПСЖ¹³.

Столкнувшись с негативной позицией держав касательно политики в Сирийском Курдистане и усилением напряженности в отношениях с Турцией и Ираном, Вашингтон в 2017 г. заявил о постепенном прекращении поставок вооружений в Рожаву¹⁴.

Безусловно, Анкара стремилась ускорить прекращение американских поставок в Рожаву. Министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу в ноябре 2017 г. заявил, что турецкое правительство «удовлетворено данным решением и хочет практического осуществления данного шага», имея в виду полное прекращение военного сотрудничества США с сирийскими курдами¹⁵. На настоящий момент, однако, невозможно, за неимением открытых источников, сказать, были ли окончательно прекращены поставки в Рожаву, но является очевидным, что непосредственно военные контакты завершены не были.

Вместе с тем 1 декабря 2017 г. министр обороны США Дж. Меттис сделал заявление об отзыве морского подразделения, обеспечивающего артиллерийскую поддержку Отрядам народной самообороны в Сирийском Курдистане. Он также объявил о переходе в урегулировании сирийского конфликта от «военных усилий» к «дипломатическому решению»¹⁶.

При этом США оказались в неоднозначной ситуации. В Вашингтоне понимали, что в случае прекращения поддерж-

ки курдского ополчения в Сирии (в особенности осуществленном в спешном порядке) США вновь могут столкнуться с обвинениями в предательстве интересов своих курдских союзников (ранее обвинения были связаны с тем, что Соединенные Штаты остались в стороне, не поддержав референдум о независимости в Иракском Курдистане).

С другой стороны, после прихода в США к власти Д.Трампа исчез важный фактор, сдерживавший оказание однозначной поддержки сирийским курдам со стороны Вашингтона, – Иран и переговоры по ядерному соглашению. Это было обусловлено сменой администрации и новой жесткой позицией Д.Трампа по Ирану¹⁷. В связи с этим США могли продолжить как поставки оружия в Рожаву, так и военные контакты с курдским ополчением. Тем не менее этого сделано не было.

Решение администрации Д.Трампа все-таки прекратить вооружение Отрядов народной самообороны в Рожаве могло быть связано с притязаниями Вашингтона получить больше рычагов воздействия на мирный процесс по Сирии. Так, в перспективе Турция могла отказаться от своих претензий к США по поводу политики в Рожаве, а стабильные отношения с Анкарой были необходимы США в том случае, если турецкое правительство через свои контакты с Россией смогло бы обеспечить Вашингтону ее влияние и активное участие при урегулировании сирийского конфликта.

Курдская сторона, несомненно, была разочарована подобным решением своего наиболее влиятельного союзника, так как после прекращения американской военной помощи возникала угроза нападения Турции на Сирийский Курдистан. Таким образом, сирийские курды рассчитывали на то, что США, по меньшей мере, сохраняют военное присутствие в Сирии, чтобы избежать подобного сценария, даже если курдское ополчение перестанет получать оружие из США.

В 2018 г. озабоченность Турции усилением позиций сирийских курдов вылилась в проведение военной операции в Африне (Сирия). Одной из задач данной военной

кампании было «обезвредить» курдских боевиков на сирийско-турецкой границе, а также помешать им объединить контролируемые территории со всеми курдскими районами Сирии. Тот факт, что США сохранили военное присутствие на северо-востоке Сирии, не позволил Анкаре расширить кампанию и предотвратить усиление курдских Отрядов народной самообороны¹⁸.

Таким образом, США искусственно создали статус-кво в этом районе, который необходимо было поддерживать, путем обеспечения там дорогостоящего военного присутствия.

После заявления в январе 2018 г. бывшего госсекретаря Р. Тиллерсона о том, что США планируют сохранить свои войска на территории Сирии до 2021 г., период неопределенности для местных союзников Вашингтона закончился. Тем не менее открытым все еще оставался вопрос, сохранят ли США свое присутствие в Сирии после президентских выборов 2020 г.¹⁹

Ситуация коренным образом изменилась, когда в декабре 2018 г. президент США Д.Трамп официально заявил о принятии решения вывести американские войска с территории Сирии полностью, отметив, что США не могут постоянно выступать гарантом безопасности в регионе²⁰. Тем самым Вашингтон возложил ответственность за обеспечение порядка на Иран, Россию, Сирию и Турцию. По заявлению пресс-секретаря Белого дома С. Сандерс, США приступили к выводу войск в том же месяце²¹.

Предполагаемый на тот момент вывод американских войск к апрелю 2019 г. кардинально отразился на положении сирийских курдов, так как, несмотря на заявления США об их стремлении договориться с Турцией, в ходе переговоров не удалось прийти к конкретным договоренностям по курдскому вопросу²². Отсутствие гарантий, что Турция не вторгнется на контролируемые курдами территории на северо-востоке Сирии, увеличивает шанс того, что американские войска не будут выведены в указанный срок. Это подтверждалось и тем, что в Государственном департаменте США заявляли, что конкретная дата вывода войск неизвестна²³.

Такое затягивание, тем не менее, никак не связано с поддержкой курдского движения, хотя на настоящем этапе совершенно ясно, что новое военно-политическое устройство Сирии невозможно представить без учета фактора курдских Отрядов народной самообороны. Тем более, что они представляют собой военное крыло наиболее влиятельной в Сирии курдской партии «Демократический союз».

Интересы США скорее всего заключаются в желании оказать непосредственное влияние на политические процессы в послевоенной Сирии. США также могут быть заинтересованы в военных инвестициях. Так, Вашингтон вложил в усовершенствование наземной военной инфраструктуры (американская база «Румейлан», аэропорт Айн-Исса в Сирии). Еще одной причиной для США сохранить присутствие в Сирии может стать получение экономических дивидендов в процессе послевоенного восстановления Сирии.

В то же время у США фактически больше нет причин поддерживать сирийских курдов, поскольку Вашингтон уже получил доступ к логистическим узлам Северной Сирии. Сейчас было бы более логичным сфокусироваться на урегулировании отношений с главным союзником США в регионе – Турцией, и отдалить ее от выстраивания стратегических отношений с Россией.

Обобщая все вышесказанное, можно отметить, что политика США играла и продолжает играть огромную роль в развитии Сирийского Курдистана. Курдское ополчение в Рожаве расценивалось американской стороной как ценный союзник в борьбе с ИГ. Основной проблемой для Сирийского Курдистана стала агрессивная политика Турции и Ирана. Можно сделать вывод, что первостепенное значение для сирийских курдов имела помощь вооружением и военной техникой, однако в условиях изменения позиции США по отношению к сирийскому конфликту, связанного со сменой двух администраций в Вашингтоне, американская политическая поддержка

стала единственной возможностью для Сирийского Курдистана построить если не независимость, то хотя бы прочную автономию на северо-востоке Сирии.

В целом такие факторы, как уже сформированные в Рожаве курдские политические и военные институты, сохранение статуса-кво с Турцией, а также политическая поддержка со стороны США, дают шансы рассчитывать на включение сирийских курдов в переговорный процесс по Сирии именно по инициативе Вашингтона.

¹ Asseburg M. Regionale Ordnung im Nahen und Mittleren Osten und die Rolle externer Akteure [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.swp-berlin.org/publikation/neu-ordnung-in-nah-mittelost/> – 2007.

² Barret, R. The Islamic State /R. Barret // TheSoufan Group. – New York, 2014.

³ Steinberg, G. Die neue Kurdenfrage/ G. Steinberg // Stiftung Wissenschaft und Politik [Electronic resource] – Mode of access: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/studien/2011_S12_sbg_ks.pdf – 2011.

⁴ Там же.

⁵ Syria: Too Fragile to Ignore // German Institute for International and Security Affairs [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2019C07/> – 2019.

⁶ Romano, D. Social Movement Theory and Political Mobilization in Kurdistan/ D.Romano // The Kurdish Question Revisited. – C.Hurst&Co (Publishers) Ltd. – 2017.

⁷ Kardas Saban Turkey's Syria Policy and the Kurds: Resisting Temptation / Saban Kardas // German Marshall Fund of the United States, 2012.

⁸ Executive Summary US Policy in Syria: A Seven-year Reckoning // The Atlantic Council. – 2018.

⁹ Executive Summary US Policy in Syria: A Seven-year Reckoning // The Atlantic Council. – [Electronic resource] – Mode of access: https://www.atlanticcouncil.org/images/publications/US_Policy_in_Syria-A_Seven-Year_Reckoning.pdf – 2018.

¹⁰ Hoover Institution The United States in Northeastern Syria: Geopolitical Strategy Cannot Ignore Local Reality – [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.scribd.com/document/383981576/The-United-States-in-Northeastern-Syria-Geopolitical-Strategy-Cannot-Ignore-Local-Reality> – 2018.

¹¹ Barkey, H. The Transformation of Turkey's Kurdish Question/ H.Barkey // The Kurdish Question Revisited. – C.Hurst&Co (Publishers) Ltd. – 2017.

¹² Posch, W. Fellow Aryans and Muslim Brothers: Iranian Narratives on the Kurds / W. Posch // The Kurdish Question Revisited. – C.Hurst&Co (Publishers) Ltd. – 2017.

¹³ Scalbert-Yücel, C. The PKK, the Kurdish Movement, and the Emergence of Kurdish Cultural Policies in Turkey / C. Scalbert-Yücel // The Kurdish Question Revisited. – C.Hurst&Co (Publishers) Ltd. – 2017.

¹⁴ Carol Morello, Erin Cunningham Trump tells Turkish president U.S. will stop arming Kurds in Syria // The Washington Post – [Electronic resource] – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/trump-tells-turkish-president-us-will-stop-arming-kurds-in-syria/2017/11/24/61548936-d148-11e7-a1a3-0d1e45a6de3d_story.html?utm_term=.4916df169041 – 2017.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Executive Summary US Policy in Syria: A Seven-year Reckoning / The Atlantic Council – [Electronic resource] – Mode of access: https://www.atlanticcouncil.org/images/publications/US_Policy_in_Syria-_A_Seven-Year_Reckoning.pdf – 2018.

¹⁷ Remarks by President Trump on Iran Strategy // The Whitehouse Briefing Statement [Electronic resource] – 2017.

¹⁸ TURKEY SAYS CAMPAIGN AGAINST KURDISH YPG IN AFRIN WILL BE SWIFT // The Jerusalem Post [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.jpost.com/Middle-East/Turkey-says-campaign-against-Kurdish-YPG-in-Afrin-will-be-swift-539432> – 2018.

¹⁹ Executive Summary US Policy in Syria: A Seven-year Reckoning / The Atlantic Council – – [Electronic resource] – Mode of access: https://www.atlanticcouncil.org/images/publications/US_Policy_in_Syria-_A_Seven-Year_Reckoning.pdf – 2018.

²⁰ Seligman L. The Unintended Consequences of Trump's Decision to Withdraw From Syria / L. Seligman // The FP Group – [Electronic resource] – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2019/01/28/unintended-consequences-trump-decision-withdraw-syria/> – 2019.

²¹ Bulent Aliriza Trump, Erdogan, and the Surprise U.S. Troop Withdrawal from Syria // Center for strategic and international studies – [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.csis.org/analysis/trump-erdogan-and-surprise-us-troop-withdrawal-syria> – 2018.

²² Там же.

²³ Will Todman Settling Kurdish Self-Determination in Northeast Syria // Center for strategic and international studies – [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.csis.org/analysis/settling-kurdish-self-determination-northeast-syria> – 2019.

М.В. Казанин

ОБ АКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КНР НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И АФРИКАНСКОМ РОГЕ

Отношения КНР со странами Ближнего Востока и Африки развиваются не одно десятилетие, о заинтересованности Китая в политическом и экономическом взаимодействии со странами этих регионов мира свидетельствует регулярное проведение в Пекине Форума китайско-арабского сотрудничества (последний состоялся 05.06.2014 г.). Данный формат встреч КНР и стран-участниц Лиги арабских государств (ЛАГ) был инициирован председателем КНР Ху Цзиньтао еще в 2004 г. в ходе его визита в Каир.

Известно, что Ближний Восток – это основа энергетической безопасности КНР, ситуация в странах-экспортерах нефти – Сирии и Ираке – является прямой угрозой экономическим интересам китайского государства. Напротив, стабильное развитие отношений Китая с государствами этого региона необходимо для продолжения экономической экспансии Поднебесной. Около 70% объема торговли Китая приходится на страны-члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива – ОАЭ, Оман, Бахрейн, Катар, Кувейт, Королевство Саудовская Аравия (КСА); треть от общего объема торговли составляет нефть¹.

Внутренний рынок стран Ближнего Востока является крайне привлекательным для китайских производителей техники и технологий, поскольку европейский и амери-

канский рынки, во-первых, перенасыщены, и, во-вторых, отличаются острой конкурентной борьбой.

Для закрепления своего влияния официальный Пекин запустил переговоры по организации режима свободной торговли, что позволит снизить стоимость импорта нефти из региона. Наиболее успешны переговоры о заключении Соглашений о свободной торговле с Израилем и КСА.

Китайские компании вкладывают миллиарды долларов США в инфраструктурные проекты в странах Ближнего Востока и Африканского Рога. Так, специальная экономическая зона в районе обновленного Суэцкого канала является местом сосредоточения 30 китайских корпораций, которые инвестировали в египетскую водную транспортную артерию около 30 млрд долл. США. Отметим, что китайские дипломаты и политики высшего ранга усиленно лоббируют экономические интересы национальных компаний в этих странах.

Присутствие в странах Ближнего Востока и Восточной Африки необходимо КНР как с точки зрения стабильности получения углеводородного сырья (китайцы активно строят НПЗ в ближневосточных странах), так и с точки зрения экономики потребления, поскольку «арабы» активно приобретают китайские товары, также ежегодно растет количество китайских туристов, посещающих самые «дорогие» страны региона.

Кроме того, в китайских проектах «Нового шелкового пути» и «Морского шелкового пути» явно прослеживается ключевая роль стран БВ – это транспортно-перегрузочные узлы для китайских грузов. «Морской шелковый путь» должен пролегать через Аденский залив, Красное море, и этот стратегический транспортный план включает реализацию части другого военно-экономического плана «Нить жемчуга», который предусматривает создание нескольких военно-морских баз в строящихся глубоководных портах (способны принимать надводные корабли и атомные подводные лодки, а также грузовые суда водоизмещением от 50 000 тонн и более)².

Официальный Пекин установил стратегические партнерские отношения со всеми государствами-членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), и с шестью странами подписаны соглашения по сотрудничеству в рамках стратегического проекта «Один пояс, один путь» (КСА, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Катар, Кувейт, Иордания, Оман). Кроме того, государства-члены ССАГПЗ являются партнерами КНР по Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций.

По данным СМИ КНР, официальный Пекин планирует открыть для стран-членов ССАГПЗ кредитную линию на реализацию проектов по следующим направлениям:

- модернизация промышленных предприятий (15 млрд долл. США);
- развитие торговых сетей (10 млрд долл. США);
- кредитование малого и среднего бизнеса по сниженным ставкам (10 млрд долл. США);
- развитие энергетики, высокотехнологичных производств и базовой инфраструктуры в Катаре и ОАЭ (20 млрд долл. США).

Из приведенных выше цифр очевидно, что официальный Пекин для закрепления своих позиций и развития сотрудничества со странами региона Персидского залива планирует выделить сумму, сопоставимую с объемом инвестиций в «Китайско-пакистанский экономический коридор» (43 млрд долл. США). Вероятно, что указанные цифры в «кредитной линии» для стран Персидского залива будут подвергнуты корректировке в сторону увеличения, поскольку государства-члены ССАГПЗ являются стратегическими поставщиками нефти и природного газа для Поднебесной.

Фактически участие стран региона Персидского залива в стратегическом плане «Один пояс, один путь» соответствует разработанному китайскими стратегами еще в 2014 г. формату «1+2+3», который включает следующие элементы:

«1» – сотрудничество в области энергоресурсов, для стабильности которого военно-политическое руководство КНР будет предпринимать адекватные меры в междуна-

родно-правовом поле. Следует отметить, что китайские компании планируют создавать опасные нефтехимические производства в странах-поставщиках сырой нефти, чтобы снизить экологические риски в Китае;

«2» – развитие базовой инфраструктуры, а также «инструментов» торгово-инвестиционного сотрудничества. Официальный Пекин планирует в течение ближайших 10 лет увеличить объем двусторонней торговли со странами Персидского залива с 240 до 600 млрд долл. США;

«3» – продвижение сотрудничества КНР со странами региона Персидского залива по таким направлениям, как: атомная энергетика, искусственные спутники земли и новые источники энергии. Данные направления должны обеспечить прорывное развитие региона, а также позволят китайским компаниям занять место на рынке высокотехнологичной продукции ключевых государств «арабского мира»³.

Сотрудничество КНР и КСА

Основа сотрудничества КНР и КСА

Представляется возможным выделить следующие факторы, обуславливающие сотрудничество КНР и КСА.

Фактор первый. «Нефть – это кровь промышленности» и в этих условиях для «второй экономики мира – Китая» необходимы регулярные поставки как сырой нефти для создания резервов, так и нефтепродуктов для непосредственной продажи на внутреннем рынке.

Фактор второй. Регион Персидского залива является ключевым в вопросах транспортной доступности рынков на других континентах.

По мнению китайских аналитиков, руководству Поднебесной необходимо поощрять развитие культурного взаимодействия со странами Персидского залива, поскольку устойчивое сотрудничество в области культуры является залогом доверительного и долгосрочного парт-

нерства в экономике. В качестве примера удачного «культурного» маневра председателя КНР Си Цзиньпина можно привести названия стратегических планов «Новый шелковый путь» и «Морской шелковый путь 21-го века», которые оказали прямое воздействие на восприятие руководителей стран Персидского залива.

Председатель КНР определил следующие принципы дальнейшего развития отношений между Поднебесной и КСА, которые должны стать залогом развития политических, культурных и экономических контактов:

первый – взаимное уважение и взаимное доверие;

второй – равенство;

третий – взаимная поддержка и предоставление преференций;

четвертый – взаимные интересы и общая победа;

пятый – укрепление доверия между народами и искоренение недоверия.

Как заявил руководитель китайского государства, Китай и Саудовская Аравия «находятся в одной лодке и обе страны должны доверять и полагаться друг на друга, и, установив тесный контакт, двигаться к будущим свершениям».

КНР и КСА официально установили дипломатические отношения в 1990 г., а в 2008 г. они уже получили статус «стратегических и дружественных».

Экономические аспекты китайско-саудовского сотрудничества

Следует отметить, что с начала 90-х гг. прошлого столетия КСА является основным торгово-экономическим партнером КНР на Ближнем Востоке, именно в королевстве китайские компании реализуют важнейшие инженерные проекты. В 2014 г. объем двусторонней торговли составил 69,15 млрд долл. США, что в 230 раз больше по сравнению с показателями 1990 г. По объемам поставок нефти в КНР саудовские компании занимают лидирующие позиции. Так, в 2014 г. из КСА в Китай было импортировано почти 50 млн тонн нефти, что составило 16,1% от импорта.

В настоящее время в КСА осуществляют коммерческую деятельность более 160 компаний из КНР. Они участвуют в строительстве железных дорог, портов, электростанций (вероятно, будет построена АЭС на три энергоблока с реакторами «АСР-1400»), жилых домов и сетей сотовой связи. По данным статистики, в 2014 г. китайские компании подписали контрактов на строительство на общую сумму в 9,47 млрд долл. США (увеличение на 48,5% по сравнению с 2013 г.), а за 10 месяцев 2015 г. подписано контрактов еще на 5,37 млрд долл. США⁴.

Сотрудничество в области переработки нефти

Одним из самых важных проектов стало строительство самого большого НПЗ на побережье Красного моря в г. Янбу (КСА). Контракт стоимостью 8,5 млрд долл. США реализуют CNPC 62% акций (КНР) и Saudi Aramco 37,5% акций (КСА). Согласно плану, НПЗ будет занимать территорию в 5 200 кв. км и позволит ежегодно перерабатывать 20 млн тонн нефти, а доходы китайской стороны составят около 100 млрд долл. США ежегодно. Первая очередь этого гигантского завода была запущена 16 января 2015 г., но пока предприятие в основном производит только высокоочищенное дизельное топливо.

Кроме того, Saudi Aramco в сотрудничестве с «Китайской северной промышленной группой компаний», также известной как НОРИНКО (ведущий производитель вооружения и военной техники для подразделений Сухопутных войск НОАК), еще в 2015 г. начала подготовку к созданию СП, которое будет контролировать деятельность нового нефтеперерабатывающего/нефтехимического кластера, запланированного в провинции Ляонин в районе города Паньцзинь.

В результате проведенной подготовительной работы саудовские инвесторы смогли ознакомиться с проектом будущего предприятия, которое будет способно перерабатывать 15 млн тонн нефти ежегодно и поставлять национальным и зарубежным потребителям такие продукты, как бензин (высокоочищенный авиационный бен-

зин), высокоочищенное дизельное топливо, авиационный керосин, базовые гидрокрекинговые масла для двигателей внутреннего сгорания, этилен и параксилोल. Кроме основного НПЗ на территории будут возведены два нефтехимических комбината.

Для сравнения: в настоящее время суммарные мощности нефтеперерабатывающих предприятий НОРИНКО, расположенных в провинции Ляонин, – всего 8 млн тонн нефти в год⁵.

Строительство базовой инфраструктуры

Первой из китайских компаний, получивших доступ к железнодорожным проектам в КСА, стала China South Locomotive & Rolling Stock Corporation. Первый контракт с Эр-Риядом был заключен еще в 2009 г. Крупнейшая китайская компания по производству подвижного состава обязалась поставить грузовые вагоны разного предназначения для доставки грузов из северных районов страны в южные порты. Кроме того, контракт подразумевал участие китайской компании в развитии базовой инфраструктуры для строящейся ж/д линии «Юг-Север». Трудности при реализации данного проекта определяют природные и климатические особенности: песок, высокие температуры, сильный ветер.

Следует отметить, что конкуренцию китайским железнодорожникам в арабских проектах составляют мировые лидеры рынка: «Альстом» (Франция), «Хёндэ» и «Самсунг» (Республика Корея). При этом 18-е строительное управление China Railway Group Limited в сотрудничестве с французской «Альстом» и саудовскими АСС и MASCO успешно справляется со строительством высокоскоростной железнодорожной магистрали «Харамейн», связывающей три ключевых города КСА на западном побережье: Мекку – Джиду – Медину. Протяженность данной ж/д линии составит 450 км (по другим данным, 480 км), по плану скорость перемещения пассажирских поездов – 360 км/ч, что позволит добраться из Мекки в Медину

за два часа, а из Джиды в Мекку за 30 минут. Замысел строительства подобной железной дороги появился у официального Эр-Рияда еще в 2008 г., однако к переговорам с иностранными компаниями об участии в этом проекте приступили только в 2009 г. По информации СМИ КНР, 18-е строительное управление China Railway Group Limited получило долю в 21,25% (384,5 млн долл. США) от первоначальной стоимости работ, которая на тот момент составляла 1,8 млрд долл. США, однако в процессе строительства объем инвестиций в проект составил 6 млрд долл. США. С учетом трехкратного удорожания проекта чистая прибыль 18-го строительного управления China Railway Group Limited уже составила 380 млн долл. США.

Китайские строители выполнили практически все строительные работы по возведению бетонного основания пути, 27 мостовых эстакад и 13 арочных проходов для верблюдов. По информации СМИ КНР, в отдельных случаях для выполнения работ в срок использовался известный «по стройкам социализма» метод – «ударные трудовые дни». Запуск линии «Мекка – Медина» состоялся 25 сентября 2018 г. На ней задействованы 35 составов по 15 вагонов (3 вагона бизнес-класса), что позволит перевозить до 15 млн пассажиров ежегодно.⁶

К 2016 г. китайские строители реализовали проект легкого наземного метро в г. Мекка. В рамках данного проекта возведена линия протяженностью 19,66 км, построено девять станций (семь из них на эстакадах). Проект выполнен за 22 месяца. Данная ветка обеспечивает перевозку до 72 000 человек в час.⁷

В настоящее время КСА располагает ж/д линиями общей протяженностью всего 1200 км, а после реализации ряда крупномасштабных проектов (Мекка – Джидда – Медина, «Юг – Север» и др.) в течение ближайших пяти – восьми лет планируется дополнительно ввести в строй еще 5800 км скоростных (до 250 км/ч) и высокоскоростных (до 400 км/ч) путей. Для этого в бюджете КСА предусмотрены 16,5 млрд долл. США инвестиций.⁸

***Сотрудничество КНР и Израиля:
более четверти века
доверительного партнерства***

КНР и Государство Израиль официально установили дипломатические отношения 24 января 1992 г., хотя фактически КНР и Израиль начали сотрудничество еще в середине 1970-х гг. с совместных разработок вооружения и военной техники. За прошедшие (с 1992 г.) годы были подписаны двусторонние соглашения, позволившие установить и развить сотрудничество в таких областях, как туризм, культурные обмены, авиационное сообщение, миграция рабочей силы и т.д.

***Экономические аспекты
китайско-израильского сотрудничества***

Заместитель председателя научного совета КНР по Ближнему Востоку и по совместительству начальник Научно-исследовательского центра иудаизма г. Шанхай Пань Гуан отмечает, что в 2016 г. объем двусторонней торговли между КНР и Израилем достиг 11, 3 млрд долл. США и китайские компании инвестировали более 6 млрд долл. США в совместные проекты.

Израильские специалисты отмечают, что за прошедшие 25 лет объем товарооборота между Израилем и КНР вырос в 200 раз, а между КНР и США в 20 раз. С учетом постоянных контактов между предпринимателями двух государств Израиль одобрил выдачу гражданам КНР многократных виз сроком на 10 лет⁹.

Для иллюстрации развития двустороннего сотрудничества представляется возможным привести следующие данные: в 2016 г. в Израиле побывало более 80000 туристов из Поднебесной, что на 69% больше, чем годом ранее¹⁰.

Китайская China Railway Tunnel Group Co., Ltd в сотрудничестве с израильской Solel Boneh Infrastructure реализует проект строительства ветки легкого метро в Тель-Авиве протяженностью 23 км. Китайские строители

возведут шесть подземных станций, проложат два туннеля общей протяженностью 10 560 м. Стоимость проекта составляет 4,99 млрд юаней, и китайская корпорация получит 51% акций управляющей компании, которая будет эксплуатировать новую ветку легкого метро¹¹.

«Один пояс, один путь» и Израиль

Израильско-китайское сотрудничество обусловлено процессом реализации стратегической инициативы председателя КНР «Один пояс, один путь». Фактически Израиль уже принимает участие в этом геоэкономическом проекте Поднебесной по формированию новой экономической реальности.

По данным китайских источников, китайские и израильские инженеры прорабатывают план строительства высокоскоростной железной дороги, соединяющей Средиземное и Красное моря, что позволит оперативно отправлять товары из Азии как в Европу, так и в страны Африки. Этот и другие проекты позволят Израилю стать транспортным хабом, который свяжет КНР, страны Азии, Европы и Северной Африки в рамках плана «Морской шелковый путь XXI века».

Модернизация портов Израиля

Китайская Shanghai International Port (Group) Co., Ltd получила право эксплуатации инфраструктуры нового порта Хайфы сроком на 25 лет. По данным СМИ КНР, китайская корпорация построит на территории порта новый контейнерный терминал с причальной стенкой общей протяженностью 1500 м, установит все необходимое погрузочное оборудование, которое позволит обрабатывать 1,86 млн контейнеров в год.

Соглашение между SIPG и Министерством транспорта Израиля было подписано в мае 2015 г. и предусматривало, что за шесть лет до момента начала управленческой деятельности китайские подрядчики проведут модернизацию инфраструктуры грузового терминала порта.

Совокупная стоимость работ вместе с новым оборудованием была оценена в 2 млрд долл. США.

По результатам работы китайских строителей в порту Хайфы должна быть увеличена длина основной причальной стенки на 700 м (общая длина составит 1500 м), что позволит одновременно принимать не менее четырех контейнеровозов вместимостью более 12000 контейнеров, которые обеспечивают перевозку грузов из Шанхая в порты Европы. Таким образом, данная морская гавань станет ведущим элементом в системе морских перевозок Израиля.

На момент подписания соглашения министр транспорта еврейского государства Исраэль Кац отмечал, что у КНР и Израиля есть отличные перспективы сотрудничества в области развития транспортной инфраструктуры, в которую официальный Тель-Авив ежегодно инвестирует от 4 до 5 млрд долл. США¹².

По мнению израильских специалистов, появление SIPG на рынке морских перевозок в Израиле позволит местным производителям получить более низкие тарифы на транспортировку продукции в Европу или в Азию, поскольку национальные перевозчики установили непомерно высокие цены на свои услуги. Кроме того, с учетом специфики работы и жизни в Израиле китайская корпорация планировала принять на работу до тысячи местных жителей на исполнительные и руководящие должности среднего уровня.

Как сообщают СМИ КНР, официальный Вашингтон оказывает давление на военно-политическое руководство Израиля с целью пересмотра соглашения с китайской компанией Shanghai International Port Group о предоставлении ей права управления коммерческими перевозками через порт Хайфа.

Китайские обозреватели, проживающие в Израиле, сообщают, что официальный Вашингтон намерен добиться проведения дополнительной проверки условий соглашения с точки зрения обеспечения национальной безопасности еврейского государства, поскольку в акватории

порта Хайфы размещена военно-морская база ВМС Израиля, на которой дислоцированы дизель-электрические подводные лодки проекта «Дельфин». Данные субмарины позволяют осуществлять пуски ракет Rorpeye Turbo с ядерными головными частями и наносить удары по целям в любой из мусульманских стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Китайские военные эксперты называют такой повод надуманным, поскольку места базирования ДЭПЛ давно известны, их тактико-технические характеристики, равно как и возможности их вооружения, являются «секретом Полишинеля» для большинства военных разведок мира. Интерес китайской военной или нелегальной разведки к подводным силам израильского флота может быть объяснен только лишь необходимостью оповещения официального Тегерана о подготовке к реальной операции с участием рассматриваемых ДЭПЛ¹³.

В ситуации с портом Хайфа необходимо отметить еще и военно-морской аспект израильско-американского сотрудничества. В настоящий момент рассматриваемая морская гавань является пунктом временного размещения надводных боевых кораблей 6-го флота ВМС США (возможно базирование атомных авианосцев типа «Нимиц»), который действует в Средиземном море и является весомым аргументом США в отношениях с любым из государств этого бассейна. Командующий 6-го флота ВМС США уже заявил, что перевод порта Хайфы под управление китайской компании повлияет на присутствие американских военных кораблей в Израиле.

Опасность отказа Израиля от подписанного соглашения состоит в том, что китайские компании являются основными инвесторами как в израильские высокотехнологичные предприятия, так и в «старт-апы», которые впоследствии выходят на мировой уровень.

Другая китайская корпорация – China Harbor Engineering Co., Ltd к 2022 г. реализует проект по расширению возможностей порта Ашдод, который станет мостом меж-

ду Европой и Азией. Стоимость работ и нового оборудования составит 867 млн долл. США.

Кроме того, китайская Cosco Shipping Ports and China Merchants Port Holdings разработала и намерена реализовать проект расширения порта Эйлат¹⁴.

Военно-техническое сотрудничество КНР и Израиля

Как отмечают китайские специалисты, оборонно-промышленный комплекс (ОПК) Израиля был создан при серьезной технической и финансовой поддержке США, поскольку еврейское государство является одним из основных и эффективных партнеров Вашингтона на Ближнем Востоке. При этом необходимо учитывать, что разработки израильских специалистов регулярно используют в своей продукции американские корпорации, получающие основные тендеры на поставку вооружений, военной и специальной техники (ВВСТ) для Вооруженных Сил США.

Конечно, израильские разработчики ВВСТ достаточно активно контактируют с военными из разных регионов. Еще в 70-е и 80-е гг. прошлого столетия представители ОПК Израиля установили тесные контакты с партнерами из КНР.

В результате китайско-израильского военно-технического сотрудничества, реализуемого вопреки официальному Вашингтону, конструкторы и специалисты предприятий ОПК КНР освоили технологии проектирования и изготовления:

- управляемых ракет класса «воздух-воздух»;
- легких разведывательных беспилотных летательных аппаратов;
- беспилотных летательных снарядов, предназначенных для ударов по радиолокационным станциям вероятного противника.

Именно благодаря израильской разработке национального истребителя «Лави» китайские авиастроители

смогли создать собственный легкий одномоторный истребитель под обозначением «Цзянь-10», который позволил заменить устаревшие модели боевых самолетов ВВС НОАК. Анализ фотоматериалов позволяет утверждать, что при формулировании тактико-технического задания на «Лави» израильские специалисты учитывали возможности другого известного истребителя – F-16, который обладает достаточной маневренностью, но при необходимости может поднимать значительную бомбовую нагрузку для ликвидации наземных объектов вероятного противника.

Сотрудничество в борьбе с терроризмом

По данным китайских источников, первые официальные контакты правоохранителей Израиля и КНР состоялись в 2007 г., когда в Шанхай с официальным визитом прибыл начальник управления полиции г.Тель-Авив, который провел несколько встреч с представителями Министерства общественной безопасности (МОБ) КНР и сотрудниками Научно-исследовательского центра антитеррора НИИ Современных международных отношений (СМО) КНР. Специалисты указанного института проводили анализ внешних террористических угроз мероприятиям летней Олимпиады, которая состоялась в Пекине и других крупных городах КНР в 2008 г.

По окончании визита начальник управления полиции г. Тель-Авив пригласил китайских коллег посетить Израиль и перейти к более эффективному сотрудничеству – обмену информацией о террористических организациях и методиках предотвращения террористических актов и проведения антитеррористических операций.

Следует отметить, что именно после этой двусторонней встречи специалисты НИИ СМО КНР провели оценку антитеррористических мер защиты олимпийских объектов и пришли к выводу о необходимости проведения серии учений подразделений МОБ и Народной вооруженной полиции (НВП) в аэропортах нескольких городов западных

провинций. Кроме того, перед военнослужащими инженерных подразделений Сухопутных войск НОАК была поставлена задача разработать порядок эвакуации граждан со спортивных мероприятий в случае применения террористами химического или биологического оружия.

Одновременно руководство МОБ приняло решение о направлении специальных подразделений на учебные сборы в Израиль, которые стали постоянными с 2012 г., когда руководство пограничной полиции МАГАВ предложило проводить одномесячные курсы для военнослужащих МОБ и НВП на территории Израиля. Именно в рамках этих курсов представители специальных подразделений МОБ и НВП познакомились с передовыми техническими разработками израильских конструкторов, которые создали Corner Shot – специальное гибкое устройство, позволяющее вести стрельбу буквально из-за угла¹⁵.

По данным китайских источников, Научно-исследовательский институт антитеррора Народного университета полиции КНР активно сотрудничает со специальными службами Израиля в разработке тактических приемов проведения операций по ликвидации или захвату террористов. В совместной китайско-израильской образовательной программе по подготовке будущих офицеров антитеррористических подразделений с китайской стороны ежегодно участвуют 80 курсантов, которые проходят соответствующий жесткий отбор.

Будущие правоохранители обучаются в совершенстве использовать такое огнестрельное оружие, как штурмовая винтовка, снайперская винтовка и пистолет. Кроме того, слушатели получают необходимые знания в области ведения разведки и сбора информации, опроса подозреваемых и планирования мероприятий по ликвидации террористов.

Кроме подготовки спецподразделений стороны ведут активный обмен информацией о деятельности террористических группировок и их дальнейших планах. Следует отметить, что значительную часть информации о событиях «арабской весны» в странах Северной Африки и

Ближнего Востока китайские военные и спецслужбы получали от своих израильских партнеров¹⁶.

Представляется возможным предположить, что благодаря усилиям министерств и ведомств КНР и Израиля товарооборот между двумя государствами будет только расти, а способность израильских специальных служб и Армии обороны Израиля бороться с террористической угрозой является гарантом расширения двустороннего взаимовыгодного и доверительного партнерства.

Китай и Джибути: гарантированный аванпост на Восточном побережье Африки

Отношения КНР и Джибути были установлены в 1979 г. после обретения независимости этой восточноафриканской страной от Франции. Период с 1980 по 2002 гг. отмечен активными межправительственными контактами между двумя государствами.

КНР регулярно выделяет займы на строительство госпиталей, образовательных и правительственных учреждений в Джибути. Так, на строительство госпиталей «Арта», «Таджур» и «Оратта» было выделено 24,2 млн долл. США, а на комплекс зданий МИД – 2,4 млн долл. США¹⁷.

Китайские транспортно-логистические компании постепенно расширяют свое присутствие в порту Джибути: построен новый контейнерный терминал Doraleh стоимостью 400 млн долл. США. Он представляет собой комплекс причальных сооружений длиной 4130 м (15 причалов), где установлено самое современное оборудование для разгрузочно-погрузочных работ.

Китайские строительные компании планируют инвестировать четыре млрд долл. США в строительство ж/д ветки Джибути-Эфиопия (протяженность 450 км), двух аэропортов и метрополитена.

Достоверно известно, что официальный Пекин еще в феврале 2014 г. достиг договоренности с руководством

восточноафриканского государства по строительству пункта материально-технического обеспечения (ПМТО) в порту Обок (залив Таджур). Согласно договору, ВМС КНР получили право аренды участка земли площадью 0,36 кв. км под ПМТО сроком на 10 лет с возможностью продления. Стоимость аренды участка земли для ПМТО ВМС КНР составляет 20 млн долл. США¹⁸.

Подобное расположение ПМТО позволяет избежать столкновений военных кораблей и гражданских судов, а также обеспечит удобный проход дизель-электрических подводных лодок ВМС НОАК, осуществляющих боевое патрулирование в Индийском океане.

Официальное подтверждение властями Джибути факта подписания соглашения о строительстве ПМТО для ВМС НОАК (ориентировочная стоимость работ от 185 до 200 млн долл. США) вызвало неодобрение официального Вашингтона. По мнению американских политиков, военное присутствие КНР в этой части земного шара может помешать США эффективно осуществлять сбор информации о действии террористических групп и пиратских бандформирований.

В ответ на такое заявление научный сотрудник НИИ Военного искусства ВМС НОАК Чжан Цзюньшэ заметил, что подобные замечания «смехотворны» и если США планируют в дальнейшем тесно сотрудничать с Поднебесной в области борьбы с пиратством и терроризмом, то им следует делиться «драгоценной и чувствительной информацией» с другими государствами. Также, по мнению китайского военного аналитика, США больше распространяют слухи о «китайской угрозе», нежели пытаются установить эффективное взаимодействие¹⁹.

Кроме опасений Вашингтон озвучил свое контрпредложение, в рамках которого американская сторона готова вложить 140 млн долл. США в развитие инфраструктуры ВБ «Кэмп-Лемонье», однако суммарные китайские инвестиции (около 9 млрд долл. США) в развитие аэропорта, порта и железной дороги в Джибути перекрывают «заманчивое» предложение от Белого Дома.

Новый ПМТО в Джибути необходим ВМС НОАК для обеспечения антипиратских миссий в Аденском заливе и западной части Индийского океана, в сочетании с новым аэродромом он позволит китайской военной авиации установить регулярное сообщение с планируемым ПМТО в Намибии и авиационной базой в Зимбабве, а также осуществлять полеты в другие дружественные КНР страны африканского континента (Кения, Танзания, Замбия, Зимбабве, Ботсвана). Современный аэродром в Джибути необходим КНР для обеспечения как специальных контр-террористических (в Мали и Нигерии) и антипиратских (в районе Сомали) миссий, так и для миротворческих операций.

ПМТО в Джибути предназначен для временного базирования подразделений морской пехоты (МП), надводных кораблей и подводных лодок, выполняющих учебно-боевые и боевые задачи в акватории Индийского океана²⁰.

Основная задача первого официального ПМТО ВМС НОАК за рубежом – обеспечение безопасности национальных интересов КНР в восточной части Африканского континента и на Аравийском полуострове. Вышестоящее Командование ПМТО – Командование Южного Военного Округа НОАК. Данный пункт постоянной дислокации позволяет на регулярной основе размещать от 2000 до 4000 морских пехотинцев (т.е. формировать полноценную батальонно-тактическую группу), что не скажется на боеготовности подразделения МП ВМС НОАК, поскольку их численность уже выросла за счет перевода шести бригад СВ в состав ВМС.

ПМТО Джибути будет представлять собой шестиугольный укрепленный район неправильной формы с двумя контрольно-пропускными пунктами (КПП), тройной защитной стеной из железобетона, кроме того, перед основной стеной ПМТО будет выкопан ров. На углах основной стены возведены наблюдательные башни, которые обеспечивают часовым круговой обзор. По обе стороны от основного и запасного КПП построены укрепления, пред-

ставляющие собой бетонированный окоп с железобетонным перекрытием трапецевидной формы.

По данным китайских источников, территория базы разделена на следующие сектора:

- площадка для сухих грузов;
- склад вооружения и военной техники;
- район обслуживания техники;
- район зданий официальных делегаций;
- командный центр;
- район зданий управления действиями авиации и сил флота;
- район расположения батальона МП;
- вертолетная площадка;
- район обслуживания авиационной техники;
- склад ГСМ;
- причальные сооружения;
- укрепленные укрытия.

На территории базы возведены и функционируют командный центр, под которым создан подземный укрепленный комплекс обеспечения жизнедеятельности базы, а также склады боеприпасов, вооружения, продовольствия и оборудование, обеспечивающее возможность независимого функционирования ПМТО в случае отключения внешних источников электропитания. Второй вход в подземные укрепленные сооружения оборудован в районе обслуживания авиационной техники. Кроме того, введены в строй все здания, предназначенные для групп управления действиями авиации, сил флота, а также моторизованных подразделений МП, дислоцированных на пункте²¹.

Действующая часть ПМТО в перспективе будет предназначена для размещения генеральных грузов и дислокации постоянного и переменного состава подразделений МП и спецподразделений видов вооруженных сил, которые будут проходить обучение действиям в суровых условиях Восточной Африки.

Согласно планам Управления национальной мобилизации Центрального военного совета КНР, в ходе последующих двух этапов расширения ПМТО будут отдельно построены причалы для размещения многоцелевых атомных подводных лодок и надводных кораблей. По данным западных специальных служб, на патрулирование в западную часть Индийского океана периодически выходит по одной АПЛ проекта 039G.

Запланировано строительство шести причальных стенок длиной по 200 метров каждая, однако 30 мая 2018 г. ВМС НОАК начали строить причальную стенку длиной до 450 метров, что позволит швартовать большинство надводных боевых кораблей и подводных лодок. После завершения полного комплекса причальных сооружений ПМТО Джибути станет первым полноценным пунктом базирования авианосно-ударной группы ВМС НОАК на случай проведения океанских походов. Кроме того, китайские военные строители планируют возвести район военных мастерских (планируется обеспечить ремонт корабельных систем, а также проводить обслуживание палубных вертолетов) и складов ракетно-артиллерийского вооружения²².

В планах китайских военных увеличение количества емкостей для хранения судового мазута, дизельного топлива (необходимо для колесной техники и бронетехники военного контингента) и вместительности складов сменно-запасных частей на случай ремонта гражданских судов.

Структурная организация ПМТО включает следующие элементы:

- 3-4 отряда комплексного обеспечения и поддержки;
- 2 отряда разведки и охранения;
- отряд сторожевых кораблей;
- вертолетная эскадрилья;
- отряд радиотехнической разведки;
- отряд санитарно-медицинского обеспечения;
- отряд тылового обеспечения.

В список задач отрядов комплексного обеспечения и поддержки входят: снабжение экипажей; обслуживание и ремонт надводных кораблей, подводных лодок, вертолетов и БПЛА; специальная техническая поддержка миротворческих подразделений НОАК в Африке, обслуживание техники, узлов и агрегатов ПМТО и прилегающего контейнерного терминала. Отряды разведки и охраны обязаны осуществлять охрану ПМТО, обеспечивать безопасность личного состава, граждан КНР и граждан других государств, находящихся в расположении, а также лиц, содействующих развитию сотрудничества между КНР и Джибути. Кроме того, военнослужащие данных подразделений несут обязанности по охране водного района.

Отряд сторожевых кораблей (в составе фрегатов проекта 054А) предназначен для охраны ПМТО, охраны водного района, борьбы с пиратами и несения боевого дежурства в заданном районе мирового океана.

На ПМТО полностью готовы вертолетная площадка, девять стоянок для авиационной техники, восемь ангаров и центр управления полетами. Некоторые китайские специалисты отмечают, что решение о строительстве вертолетной площадки серьезно сократило оперативные возможности по доставке грузов и личного состава подразделений самолетами военно-транспортной авиации ВВС НОАК. Тем не менее длина ВПП (396 м) вполне позволяет китайским военным применять разведывательно-ударные беспилотные летательные аппараты «Радуга-3, 4», а также квадрокоптеры или вертолетные БПЛА для несения постоянного дежурства.

Вероятно, в качестве основной единицы авиационной техники в Джибути будут выступать новейшие военно-транспортные вертолеты Z-18А или проверенные временем Ми-171 (для перевозок на континенте) и Чжи-9С (для перевозок на кораблях). Прикрытие будут обеспечивать легкие ударные вертолеты Чжи-19. Всего на ПМТО предусмотрена возможность размещения полноценной эскадрильи винтокрылых машин²³.

ПМТО Джибути является первым в системе опорных пунктов ВМС НОАК на побережье Африки, в которую будут входить Момбаса (Кения), Дар-эс-Салам (Танзания), Дурбан, Порт-Элизабет и Кейптаун (ЮАР) и Уолфиш-Бей (Намибия). Для осуществления патрулирования вдоль побережья «черного континента» ВМС НОАК уже сейчас обладают достаточным количеством надежных и современных надводных и подводных кораблей, которым для обеспечения деятельности необходимы пункты материально-технического обеспечения.

¹ И дай и лу фачжань синь цзюйю: цун чжунго юй чжундун хэцзо кайци (Новые возможности «одного пояса , одного пути»: начинаем с сотрудничества КНР со странами Ближнего Востока)
URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/fwtydl/zgzx/201801/20180102698377.shtml> [Электронный ресурс] Ministry of Commerce of People's Republic of China (дата обращения: 28.04.2019).

² И дай и лу: чжуна дуйцзе («Один пояс, один путь»: совпадение КНР и арабского мира)
URL: http://www.xinhuanet.com/globe/2018-07/19/c_137314569.htm [Электронный ресурс] Xinhua News Agency (дата обращения: 29.04.2019).

³ Чжундун гоцзя цзичу шэши цзяньшэ юй и дай и лу хэцзо цянъзинь (Строительство базовой инфраструктуры и перспективы сотрудничества в рамках плана «один пояс, один путь»)
URL: <http://iwaas.cass.cn/xszy/zdlw/201904/P020190425331099669096.pdf> [Электронный ресурс] China Academy of Social Science. (дата обращения: 01.05.2019).

⁴ Шатэ алабо юй чжунго цзинмао хэцзо (Саудовская Аравия и торгово-экономическое сотрудничество с КНР)
URL: <http://history.mofcom.gov.cn/?bandr=stalbyzgdjmhz> [Электронный ресурс] Ministry of Commerce of People's Republic of China (дата обращения: 01.05.2019).

⁵ Шатэ юй вого гунцзянь чао бай и юань шихуа гунсы (Саудовская Аравия и КНР создают нефтехимическую компанию стоимостью несколько миллиардов юаней)
URL: http://www.xinhuanet.com/energy/2019-03/27/c_1124287216.htm [Электронный ресурс] Xinhua News Agency (дата обращения: 02.05.2019).

⁶ Шатэ май май гаоте машан тяожу шиюн (Железнодорожная ветка Мекка-Медина скоро будет введена в строй)
URL: <https://xw.qq.com/cmsid/20180926A19UXP00> [Электронный ресурс] Pengxunwang (дата обращения: 01.05.2019).

⁷ Шатэ лиядэ дите сянму (Проект метро в Эр-Рияде, Саудовская Аравия)
URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/2017-01-11/doc-ifxzqhka2668163.shtml>
[Электронный ресурс] Sina Corporation (дата обращения: 03.05.2019).

⁸ Гоцзи цзигуань тожань шатэ телу шичан (Международная корпорация развивает сотрудничество на арабийском рынке железнодорожных перевозок)
URL: <http://www.crcc.cn/zhuanti/%E6%B2%99%E7%89%B9%E9%BA%A6%E5%8A%A0%E8%BD%BB%E8%BD%A8%E9%A1%B9%E7%9B%AE/g650/s1606/t45448.aspx.html> [Электронный ресурс] China Railway Construction Corporation (дата обращения: 04.05.2019).

⁹ Исэле дуй геце ичжун хэцзо чунмань синьсинь (Израиль полностью доверяет сотрудничеству с КНР в различных сферах)
URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/26/c_1124674642.htm
[Электронный ресурс] Xinhua News Agency (дата обращения: 26.06.2019).

¹⁰ Чжунго исэле цзинмао хэцзо цзянькуан (Общие данные о торгово-экономическом сотрудничестве КНР и Израиля)
URL: <http://xyf.mofcom.gov.cn/article/tj/hz/201903/20190302839885.shtml>
[Электронный ресурс] Ministry of Commerce of People's Republic of China Department of Western Asian and African Affairs (дата обращения: 06.05.2019).

¹¹ Шэньчжэнь дите шэньбяо исэле телавэйфу цингуй (Шэньчжэньская компания получила тендер на строительство легкого метро в Тель-Авиве)
URL: <https://www.chinanews.com/cj/2017/09-03/8321248.shtml> [Электронный ресурс] China News Net (дата обращения: 04.04.2019).

¹² Чжунго хо исэле чжаньлюэ ганкоу эрши у нянь иньюнцюань (Китай получил право пользования израильским портом сроком на 25 лет)
URL: http://news.ifeng.com/a/20180921/60078154_0.shtml [Электронный ресурс] Phoenix Media (дата обращения: 02.03.2019).

¹³ Чжунго цаньюй юй исэле ганкоу цзяньшэ (Китай участвует в строительстве портов в Израиле)
URL: <http://mideast.shisu.edu.cn/c3/dc/c3991a115676/page.htm> [Электронный ресурс] Shanghai International Studies University (дата обращения: 21.04.2019).

¹⁴ Чжунго ганвань Исэле ашдодэ сянму (Китайские компании реализуют проект в израильском порту Ашдод)
URL: <http://news.cri.cn/20181214/83df9251-df6c-a139-1d36-8ab45e0766ac.html>
[Электронный ресурс] CRI Online (дата обращения: 12.03.2019).

¹⁵ Чжунго фанькун шинянь: фанькун гоцзи хэцзо куньянь чжунчжун (Десятилетие борьбы с терроризмом в КНР: международное сотрудничество становится все сложнее)
URL: <http://opinion.m4.cn/2014-08/1240875.shtml> [Электронный ресурс] 4month net (дата обращения: 21.02.2019).

¹⁶ Исэле фанькун чжуаньцзя: чжунго инюй гоцзи цзяньли гунтун фань-кунци (Израильские специалисты: КНР должна создавать совместный международный антитеррористический орган)

URL: <http://www.cjss.org.cn/a/zhongwen/youtaishijie/2014/1124/245.html>
[Электронный ресурс] Shanghai Academy of Social Sciences (дата обращения: 01.03.2019).

¹⁷ Гунсян фачжань синь цзюй (Новая возможность совместного развития)
URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/k/201901/20190102830494.shtml>
[Электронный ресурс] Ministry of Commerce of People's Republic of China (дата обращения: 01.05.2019).

¹⁸ Журнал «Корабельное знание». – Пекин: Изд-во Китайской кораблестроительной промышленной корпорации. 2017. № 9. – С. 34-39.

¹⁹ Там же. С. 40-44.

²⁰ Там же.

²¹ Журнал «Корабельное знание». – Пекин: Изд-во Китайской кораблестроительной промышленной корпорации. 2017. № 8. – 98 с.

²² Там же.

²³ Там же. С. 45-46.

А.А. Кашина

ТУНИС: БЕДЖИ КАИД АС-СЕБСИ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Период восстановления после потрясений «арабской весны», которые парализовали в ряде арабских стран мирную жизнь, в Тунисе пусть и затянулся, но проходил относительно благополучно. Не забывая, что на долю тунисцев выпал острый политический кризис 2013 г. и шок от терактов 2015 г., все же уместно говорить о прогрессе в создании здесь своей демократической модели. В западной прессе не раз подчеркивали такие «демократические» заслуги Туниса, как проведение свободных честных и прозрачных выборов, легитимность органов власти и открытое управление ими, свободу СМИ и НПО, уважение прав женщин и меньшинств и т.д. Приняв новые стандарты политической жизни после событий 2011 г., тунисцы еще не получили долгожданного экономического благополучия и процветания, но миролюбие и дух национального единства – это те качества, которые помогают надеяться на лучшее. Дух единства, толерантность, способность к консенсусу и неотвратимое желание идти вперед – это то, что укрепляет связи в обществе. Воплощением этих качеств в сердцах многих тунисцев стал ушедший из жизни 25 июля 2019 г. первый президент Второй Тунисской Республики Беджи Каид ас-Себси. Или «Бежбуж», как ласково называли своего лидера миллионы тунисцев.

Американское издание «Нью-Йорк таймс» в посвященной Каиду ас-Себси статье назвала его «президентом, который вел Тунис к демократии».¹ Неизменно в костюме, который слегка свисал с его худощавой и даже хрупкой фигуры, в очках, за которыми срывался серьезный, почти пристальный взгляд, Беджи Каид ас-Себси больше был похож на европейского чиновника, чем свергнутый диктатор Зин аль-Абидин Бен Али, который время от времени появлялся на публике в традиционном бурнусе. Будучи самым пожилым после королевы Великобритании Елизаветы II правителем, 92-летний Каид ас-Себси был не просто искусным политиком, но и человеком чести, человеком эпохи славного первого тунисского президента Хабиба Бургибы – модернизатора и инициатора светских реформ. Сравнивая Каида ас-Себси с президентом Египта Абдель Фаттахом ас-Сиси, тоже пришедшим к власти после восстаний 2011 г., кто-то шутил, что, мол, разница между ними невелика – только точка в фамилии (записанные по-арабски фамилии ас-Себси и ас-Сиси отличаются одной точкой под буквой). Тем не менее сравнение совершенно несправедливо. В то время как египетский президент политический ислам в лице «Братьев-мусульман» задушил на корню, Беджи Каид ас-Себси, даже будучи оппонентом исламистов, заключил с умеренным исламистским движением «Ан-Нахда» альянс. Так, в Тунисе умеренные исламисты остались значимой частью политического пространства.

Жизнь и карьера

Семья Каидов ас-Себси жила в Сиди-Бу-Саиде, живописном северном пригороде столицы, когда 29 ноября 1926 г. у них родился первенец – Беджи. Еще в детстве он потерял отца, и с тех пор мать одна воспитывала детей. Получая неплохой доход с земельных участков, семья Беджи не нуждалась. Важное значение в его жизни сыграл круг знакомств, который он приобрел во время учебы. В сущности, образование Каид ас-Себси получил

вполне типичное для представителя молодежной элиты своего времени. Сначала ему удалось поступить в престижный коллеж Садыкийя. В этом элитном учебном заведении школьная программа сочетала в себе достижения как европейской науки, так и арабского наследия. Среднее образование он закончил во французском городе Дижон, после чего поступил на юридический факультет Сорбонны. В школьные годы Беджи интересовался политикой: его занимали идеи освободительного движения, ведь Тунис тогда был протекторатом Франции. В возрасте 15 лет (1941 г.) он уже состоял в партии Новый Дустур, ставившей своей целью, как говорил ее основатель и будущий тунисский президент Хабиб Бургиба, «освобождение Туниса в орбите Франции».² Во время университетской учебы Каид ас-Себси сблизился с Жаном Хабибом Бургибой, сыном Хабиба Бургибы от французки Матильды Лефра. А в 1950 г. Каид ас-Себси впервые познакомился с самим харизматичным лидером освободительного движения, тогда еще председателем партии Новый Дустур. Х.Бургиба сразу сделался кумиром и «духовным отцом» для Каида-ас-Себси. Спустя многие годы он посветил ему свои мемуары – «Хабиб Бургиба: добрые зерна и плевелы» (Тунис, 2009 г.),³ а обосновавшись в президентской резиденции, неизменно на столике держал бронзовый бюст первого президента страны.

На родину молодой юрист вернулся после Второй мировой войны, в 1952 г. Здесь 26-летний Каид ас-Себси поступил на работу в адвокатскую контору Фатхи Зухейра, который ему доверил в команде с другими адвокатами защищать, в частности, активистов Нового Дустура. Кроме того, Каид ас-Себси помогал в профессиональном плане Всеобщему союзу тунисских трудящихся (ВСТТ, профцентр). Политическая карьера началась с провозглашением независимости Туниса в 1956 г.

Победа на выборах Национального учредительного собрания (НУС) 25 марта 1956 г. Нового Дустура дала право Хабибу Бургибе сформировать кабинет министров,

куда Каида ас-Себси пригласили на должность атташе. Став в 1957 г. советником президента Бургибы, Каид ас-Себси занимал разные, в том числе ключевые посты в его окружении. В 1965-1969 гг. он был министром внутренних дел. Затем в 1969 г. после ротации стал министром обороны. Для Каида ас-Себси назначение стало неожиданностью. Осенью 1969 г. он готовился отправиться послом в США, но его верительная грамота была спешно отозвана, после того, как на парламентских выборах, где Каид ас-Себси возглавлял партийный список по столичному округу, Социалистическая дустуровская партия (СДП, с 1964 г. название партии Новый Дустур) одержала победу. В ноябре 1969 г. Каид ас-Себси вошел в состав парламента и правительства в должности министра обороны. На посту министра обороны Беджи уже через год сменил Хасиб Бен Амар. Дело в том, что тунисский президент опасался влияния военных на политику, поэтому на должности министра обороны никто долго не засиживался, и еще с 1957 г. офицеры и солдаты на действующей военной службе не имели права членства в какой-либо политической организации.⁴ После этого Каид ас-Себси все же отправился за границу. На этот раз в Париж в ранге тунисского посла во Франции.

В 1971 г. Каид ас-Себси начал отходить от партийной деятельности, разочаровавшись в линии СДП, о чем он искренне рассказал в статье французской газете «Ле Монд» 12 января 1972 г.⁵ Представляя в партии «фракцию либералов», ратовавших за открытость, демократичность, политические свободы и восстановление практики избрания всех партийных органов, к 1974 г. он совсем вышел из ее рядов. А тем временем на IX съезде СДП в сентябре 1974 г. Хабиб Бургиба был избран пожизненным президентом, правящая партия и государство окончательно слились в одно целое. Оставив политическую и дипломатическую деятельность, Каид ас-Себси вновь принялся за тихую работу в адвокатской конторе на родине, где плечом к плечу трудился с близкими ему

по духу либералами Хасибом Бен Аммаром, Мухаммедом Салихом Бельходжей и, конечно, Ахмедом Местири. Последний основал в 1978 г. свою партию – Движение демократов-социалистов, куда примкнули отколовшиеся от СДП либералы, а среди них и Беджи Каид ас-Себси. Кроме того, Каид ас-Себси сотрудничал с редакцией либерального издания «Ар-Рай» («Взгляд»), основал издание – «Димократийа» («Демократия») на французском языке, где время от времени публиковал заметки, и вел дружбу с деятелями тунисской Лиги за права человека.

После смены политической программы и переориентации СДП на политику открытых дверей и либерализацию в 1980 г. Каид ас-Себси, восстановивший членство в СДП, вернулся в правительство, которое возглавил Мухаммед Мзали. На первых порах Каид-ас-Себси работал министром без портфеля, но, учитывая его прежние заслуги и опыт, вскоре, 15 апреля 1981 г., ему поручили возглавить внешнеполитическое ведомство. Это был трудный исторический этап, когда в Тунисе располагалась штаб-квартира ООП, и в октябре 1985 г. она подверглась налету израильских ВВС. В эти годы резко ухудшились отношения между США и соседней с Тунисом Ливией, пока не дошло до операции американских ВВС по бомбардировке Триполи и Бенгази в апреле 1986 г. В должности министра иностранных дел Каид ас-Себси проработал более пяти лет – в сентябре 1986 г. он подал в отставку. Около года после этого с ноября 1986 г. Беджи Каид ас-Себси выполнял обязанности тунисского посла в ФРГ, где его и застал бескровный переворот 7 ноября 1987 г., в результате которого в президентском кресле оказался Зин Аль-Абидин Бен Али.

После этой «жасминовой революции» Каид ас-Себси вернулся в Тунис, где его качества кадрового политика и дипломата были оценены. Вскоре он оказался в президиуме СДП, переименованной в 1988 г. в Демократическое конституционное объединение (ДКО), вместе со своими товарищами по службе Хасибом Бен Аммаром, Рашидом

Дрисом и Йазом Бен Ашуром. В 1989 г. Каид ас-Себси вновь получил парламентский мандат, возглавив комитет по внешней политике, а с сентября 1990 г. по октябрь 1991 г. он был избран спикером Палаты депутатов. В возрасте 65 лет Каид ас-Себси вышел на пенсию, но, будучи человеком энергичным, порой возвращался к адвокатской практике. Однако революция 2011 г. заставила его вновь с головой уйти в политику.

На пути в Карфагенский дворец

После свержения режима Бен Али государственные чиновники, связанные с диктатором и его режимом, оказались дискредитированы. Проходила кампания за лишение их полного права участия в политике. Площадь перед зданием правительства то и дело наполнялась протестующими палаточных городков, которые требовали отставки правительства и его чистку от представителей режима Бен Али. Одним словом, обстановка оставалась напряженной. В этих обстоятельствах временно исполняющий обязанности президента Фуад Мебазаа предложил Каиду ас-Себси возглавить третье переходное правительство, а первые два состава правительства во главе с Мухаммедом аль-Ганнуши потерпели неудачу и были разогнаны.

Беджи Каид ас-Себси 7 марта сформировал правительство, в котором не было «осколков» прежнего режима и амбициозных политиков, желавших личной власти. Это было полностью правительство технократов, которые намеревались, в первую очередь, укрепить экономику и безопасность. Третье переходное правительство предприняло много действий, позитивно оцененных гражданами. Например, упразднило пост министра информации, памятуя о прежней практике жесткого цензурирования СМИ. Другим важным решением стала ликвидация «тайной полиции» и отдела госбезопасности – особого отдела МВД, который фабриковал дела против оппозиционеров и подозреваемых в нелояльности. Правительство Каида ас-Себси выполнило и еще одно требование протестующих:

9 марта была официально распущена бывшая партия власти – Демократическое конституционное объединение, и ее активы были конфискованы в пользу государства. За несколько месяцев Каид ас-Себси совершил турне по различным странам и провел контакты с целью привлечь в страну иностранные кредиты, которые в итоге были обещаны США, странами ЕС, Алжиром, Марокко и др. Каиду ас-Себси регулярно приходилось проводить нелегкие переговоры о взаимном контроле незаконной миграции с руководством Италии и Франции. Миграционный кризис ударял не только по туниССкому бюджету, но, что самое главное, сильно ослабил безопасность. К апрелю 2011 г. на территории Туниса разместилось уже более 200 тыс. ливийских беженцев, количество нелегальных мигрантов трудно поддавалось подсчету. Вооруженные формирования несколько раз нарушали тунисско-ливийскую границу, на близлежащие к Ливии тунисские поселки сыпались бомбы и снаряды.

Об отношении Каида ас-Себси к исламистам можно судить по небольшому сюжету, который имел место в мае 2011 г. Тогда в Тунисе активно готовились к выборам в Национальное учредительное собрание, которые изначально были запланированы на июль, а затем по техническим причинам были перенесены на октябрь 2011 г. Из-за утечки информации неожиданно распространились слухи о том, что в случае победы на выборах движения умеренных исламистов «Ан-Нахда», произойдет военный переворот во главе с армейским генералом Рашидом Аммаром. Эти слова бывшего в январе – марте 2011 г. министра внутренних дел Фархата Раджхи, записанные, как казалось министру, на выключенную камеру, тут же были названы Каидом ас-Себси «опасными и безосновательными». Тем не менее есть основания предполагать, что, ни случись этого казуса, слухи стали бы явью, и Каид ас-Себси наверняка это знал. Таким образом, заподозрить Каида ас-Себси в симпатии к нахдистам совершенно невозможно. Более того, Раджхи в интервью характеризовал

правительство Каида ас-Себси как «марионеточное», указав на его связь с Камелем Эльтайифом (Kamel Eltaïef), «серым кардиналом» и политическим советником Бен Али (до появления второй жены президента Лейлы Трабелси, которая быстро прибрала к рукам бразды правления). Считается, что крупный тунисский бизнесмен Эльтайиф сыграл ведущую роль в бескровном перевороте 7 ноября 1987 г., в результате которого Бен Али пришел к власти. В радиоинтервью в мае 2011 г. бизнесмен уверял, что лично с Каидом ас-Себси не знаком, но на вопрос, о причастности к назначению его премьер-министром ответил уклончиво. К слову, в июле 2019 г., накануне очередных выборов, появились слухи, что этот влиятельный бизнесмен, который сильно не любит исламистов, будто бы готов поддержать кандидатом в президенты представителя от военных – Абделькарима Збиди, бывшего дважды министром обороны: с января 2011 г. по март 2013 г. и с сентября 2017 г. по июль 2019 г.

Третье переходное правительство проработало до 13 декабря 2011 г. К этому времени состоялись выборы в Национальное учредительное собрание (23 октября 2011 г.), ставшие «звездным часом» для движения «Ан-Нахда». Заполучив 41% голосов избирателей, исламисты оформили альянс с двумя светскими по духу партиями – Конгресс за республику и Демократический форум за труд и свободы, и таким образом обеспечили себе в совокупности 138 парламентских мандатов из 217. Эта коалиция во главе с исламистами, прозванная «Тройкой», поручила формирование нового кабинета министров члену движения «Ан-Нахда» Хамади Джебали. Как только он это сделал, временное правительство Каида ас-Себси сложило свои полномочия, как и обещало.

Нахдисты, которые в своем большинстве не имели опыта управления, т.к. до «Революции 14 января» в лучшем случае находились в зарубежной иммиграции или глубоком подполье, а в худшем – много лет провели в заключении, в 2011 – 2013 гг. нападали на свободные СМИ,

пытались провести ущемляющий права женщин проект конституции, пытались исламизировать образование и в этом ключе восстанавливали коранические школы и переписывали учебные пособия, вводя обязательное преподавание на арабском языке, а в довершении всего разрешили деятельность салафитской партии «Ансар аш-Шариа» (признана террористической в РФ).⁶ Политика исламистов в духе слома светских общественных устоев в пользу исламских традиций проводилась резко и бескомпромиссно – она моментально разделила население на лагерь исламистов и модернистов. В марте 2012 г. почти изо дня в день имели место демонстрации сторонников то исламистов с лозунгом «Тунис – мусульманская страна!», то модернистов с лозунгом «Тунис – светская страна!», хулиганские действия салафитов и в ответ – не менее дерзкие попытки унижения исламских ценностей. В те дни нахдисты, впервые осознав опасность раскола национального единства, «притормозили» и объявили, что отказались от намерения включать в конституцию положение о шариате как источнике права. Светские круги небезосновательно опасались, что Тунис может встать на путь теократии иранского типа. Постепенно либеральные центристские и левоцентристские партии стали объединяться, а их объединения складывались в оппозиционный исламистам блок.

Одним из инициаторов такого блока был, в частности, Беджи Каид ас-Себси. В марте 2012 г. он провел первое собрание «Национального общества идейного наследия Х. Бургибы», объединившегося вокруг идеи светских ценностей и демократии. В нем приняли участие около 50 карликовых партий, в том числе образованных на руинах ДКО. В июне того же года Каид ас-Себси учредил партию «Нидаа Тунис» («Призыв Туниса») на подчеркнуто антиисламской платформе. Политический лидер рассчитывал на то, что объединенные светские партии вполне могут дать отпор движению «Ан-Нахда» на очередных выборах. «Тройку» во главе с нахдистами тем

временем уже винули в остром социально-политическом кризисе, пик которого пришелся на 2013 г. и который поставил страну на грань гражданской войны. Салафиты (сами, а также, не исключено, инспирированные нахдистами) регулярно угрожали или нападали на активистов светских партий. Однако политическое убийство левого лидера Шукри Бельаида 6 февраля 2013 г. и спустя всего несколько месяцев, 25 июля, депутата НУС Мухаммеда Брахми стали последней каплей.

За вклад в разрешение кризиса 2013 г. Квартет национального диалога (Всеобщий союз туниских трудящихся, Тунисский союз торговли, промышленности и ремесел, Тунисская лига за права человека и Национальная ассоциация адвокатов) получил в 2015 г. Нобелевскую премию мира. Исламисты же, предвидя свое грядущее поражение, задумались о «диалоге с оппозицией», безусловно, не без оглядки на июльский военный переворот в Египте, где правительство «Братьев-мусульман» оказалось вне закона. В августе 2013 г. духовный лидер «Ан-Нахды» Рашид Ганнуши провел встречу с Беджи Каидом ас-Себси, но, с целью не привлекать внимания произошло это в Париже и как бы случайно. Он довел до сведения лидера светских оппозиционеров Каида ас-Себси, что не хотел бы повторения египетского сценария и обещал, что правительство исламистов передаст полномочия правительству технократов, но за это останется в легальном политическом пространстве.

Между тем исламисты сильно уступили на парламентских выборах 26 октября 2014 г., в результате которых партия «Нидаа Тунис» победила, гарантировав себе 86 парламентских мест из 217. Однако, не набрав квалифицированного большинства, партия Беджи Каида ас-Себси вскоре образовала коалицию со находящимися на втором месте нахдистами (69 мест). Этот шаг Каида ас-Себси был трактован в ключе соблюдения консенсуса и воли к народному единству. Впрочем, на тот момент он отвечал обоюдным интересам сторон.

Дворцовые войны: Карфаген против Касбы*

Через два месяца после победы «Нидаа Тунис» на выборах Собрания народных представителей, состоялись президентские выборы, которые проходили в два раунда. Завершались они полной победой 88-летнего Беджи Каида ас-Себси 21 декабря 2014 г. И все же, несмотря на кажущейся триумф светских сил, их безоговорочного доминирования в органах власти не случилось.

Первая из причин состояла в том, что успех хрупких демократических преобразований был оттенен катастрофически низким уровнем безопасности. Теракт в музее Бардо, втором крупнейшем музее Африки после Каирского музея, 17 марта 2015 г. унес жизни 21 человек. Среди них в основном были иностранные туристы. 26 июня 2015 г. в результате вооружённого нападения террориста на пляже одного из отелей курортного г. Сус, было убито 39 человек, еще 40 – ранено. В ноябре 2015 г. террористы взорвали в столице автобус с президентской гвардией: 12 человек убито.

В свете этих событий в Тунисе была реформирована и усилена служба безопасности, произведена чистка министерств обороны и внутренних дел от ставленников «Ан-Нахды». Активизировались контакты Туниса по линии спецслужб с Алжиром, США и Францией. Сухопутная граница с Ливией, откуда просачивались контрабандой наркотики, оружие и боевики, была отрезана рвом, а вдоль него установлены камеры и сенсорные датчики. Усилены посты охраны. Кроме того, было закрыто более 80 «подозрительных» мечетей, установлен регламент работы религиозных учреждений. Когда в июне 2015 г. в парламенте шло утверждение Закона о борьбе с терроризмом, в зале не было проголосовавших «против», пусть даже этим законом автоматически ограничивалось право на проведение собраний и демонстраций.

* Название официальной резиденции правительства.

Вторая причина заключалась в том, что исламисты, хитро лавируя и меняя партнеров, умудрялись оставаться весомым и влиятельным политическим игроком, способным взять реванш. На фоне потрясений первого полугодия 2015 г. Каид ас-Себси поддержал отставку правительства и его замену на «правительство национального единства» в рамках Карфагенского соглашения от 1 июля 2016 г. между основными политическими силами (9 партий и 3 общественных организации). Суть этого соглашения сводилась к тому, что при обязательстве следовать утвержденной внутривнутриполитической линии (проведение социально-экономических реформ, противодействие терроризму, разделение религии и государства и т.д.) союзники в лице «Нидаа Тунис» и «Ан-Нахды», заключая альянс, гарантировали себе парламентское большинство и делили ключевые посты в «правительстве национального единства». Возглавил его в августе 2016 г. выдвинутый по инициативе президента кандидат – Юсеф Шахед. Именно вокруг него развернулся кризис в руководстве партии «Нидаа Тунис», которую к тому моменту Каид ас-Себси, учитывая обязанность президента быть беспартийным, покинул.

В январе 2016 г. исполнительным директором «Нидаа Тунис» стал амбициозный, но не слишком осторожный и дипломатичный сын президента Хафез Каид ас-Себси, что вызвало неодобрение членов партии «Нидаа Тунис», поскольку было расценено как попытка организовать передачу власти в рамках одной семьи. Хафез Каид ас-Себси должен был «унаследовать» популярную партию и стать кандидатом на президентских выборах 2019 г. Однако конфликт Хафеза с Шахедом смешал все карты. В июне 2018 г. Хафез стал требовать исключения Шахеда из партии и его отставки с поста председателя «правительства национального единства». Формальным поводом было предполагаемое стремление Шахеда участвовать в выборах 2019 г. и вытекающие отсюда опасения Хафеза, что премьер-министр начнет злоупотреблять

своим положением. Президент Беджи Каида ас-Себси также поддержал отставку Шахеда, но парламент проголосовал иначе: премьер-министр встретил поддержку депутатов, в том числе многочисленных в парламенте нахдистов.

В результате вышеизложенного конфликта в парламентской фракции «Нидаа Тунис» осталось всего 37 парламентариев – покинувшие ее ряды перебежали в другие партии, некоторые стали независимыми. Каид ас-Себси тяжело переживал это политическое поражение. Осенью 2018 г. он на правах основателя «Нидаа Тунис» официально объявил о выходе из соглашения с «Ан-Нахдой», восходившего к его парижской встрече 2013 г. с Рашидом Ганнуши. И сколько бы Каида ас-Себси ни обвинял Шахеда в том, что тот попал под влияние нахдистов, которые «хитростью захватили правительство, обеспечив себе поддержку квалифицированного большинства», он и его партия «Нидаа Тунис» осталась в меньшинстве и теряла популярность. Суровая реальность отражала, к величайшему сожалению Каида ас-Себси, тот факт, что форма правления в Тунисе после 2011 г. сменилась с президентской республики на парламентскую.

Отчаявшись, Каид ас-Себси выдвинул 20 марта 2019 г. законопроект изменения конституции (принятой в 2014 г.), где, по его мнению, содержалась противоречивая трактовка, которая на практике сильно ограничивает власть президента, передавая ее полноту премьер-министру. Согласно ст. 71 конституции «исполнительную власть осуществляет президент республики совместно с правительством, которое возглавляет премьер-министр», но практика ее применения, – уверял Каида ас-Себси, – препятствует возможности согласовывать политику с президентом. Он ссылаясь на предпринятую перегруппировку в правительстве Шахеда, когда в ноябре 2018 г. было назначено 13 новых министров, и которая не потребовала одобрения президента. Как и следовало ожидать, законопроект надолго остался в очереди на рассмотрение.

Принципиального решения не удалось добиться Каиду ас-Себси и еще по одному важному вопросу. Опасаясь перспективы реванша исламистов президент на упреждение предлагал более внятно сформулировать положения Конституции Туниса, касающиеся места религии. Во второй главе конституции, с одной стороны, говорится об отделении государства от религии: «Тунис – светское государство», а с другой стороны, в ст.1 Основного закона указано, что «государственная религия – ислам». Это подвигает исламистов считать исламский закон (шариат) источником права в Тунисе. Если бы эту расплывчатую формулировку удалось изменить, то вполне вероятно, получили бы продвижение проекты Комитета по демократическим свободам при президенте. Беджи Каид ас-Себси создал этот комитет в августе 2017 г., чтобы группа многопрофильных специалистов подготовила на рассмотрение парламента максимально демократичные реформы, отражающие замысел Конституции Туниса 2014 г. В итоге 12 июня 2018 г. комитет представил на суд общественности ряд невообразимых для мусульманской страны предложений, изложенных в документе на 233 страницах. Первая часть документа была посвящена личным свободам, вторая концентрировалась на равенстве полов. Среди предложений, вызвавших самую широкую реакцию, были следующие: отмена смертной казни, отмена «махра» (выкупа при замужестве), запрет на осуждение деятельности сексуальных меньшинств и полное уравнивание в правах на наследство мужчин и женщин. Выступая по случаю Женского дня в Тунисе 13 августа 2017 г. Каида ас-Себси отмечал: «равенство мужчины и женщины, которое закреплено тунисской конституцией, должно распространяться на все сферы, в том числе на право наследования».⁷

Положение в пользу большей доли наследства для наследника, чем для наследницы, пожалуй, долгое время воспринималось как незыблемое, поскольку оно упомянуто непосредственно в Коране. Тут на защиту готовы были

встать даже самые умеренные улемы, не говоря о шейхах Соборной мечети аз-Зейтуна и Ассоциации защиты Корана. Каид ас-Себси был готов сломать и это предубеждение, но, как и все остальные подобные проекты, этот был отложен в долгий ящик. «Законопроект о равенстве полов при наследовании теперь кажется невозможным без Каида ас-Себси», – признавался в августе 2019 г. депутат Рияд Бен Фадель.⁸ Однако кое-что президент все же успел. В сентябре 2017 г. он своим указом отменил принятый в 1973 г. запрет на брак тунисской женщины-мусульманки и мужчины другого вероисповедания.

«Мы должны знать правду!»

Вероятно, обладая более широкими полномочиями, президент Беджи Каида ас-Себси сумел бы, подобно своему предшественнику Х. Бургибе, оставить о себе память великого прогрессивного реформатора. Проведя большую часть своей жизни в коридорах власти, этот в полном смысле слова государственный деятель меньше всего хотел цепляться за власть, но был готов бескорыстно служить обществу невзирая на преклонный возраст. В начале 2019 г. журналисты спросили президента о намерении баллотироваться на второй срок, на что он заметил, что не является сторонником идеи пожизненного президентства, однако не опроверг вероятности выдвижения своей кандидатуры, «если это будет в интересах Тунисского государства».⁹ До окончания срока своих полномочий Каид ас-Себси не дожил всего несколько месяцев. С его смертью Тунис не просто простился с человеком – с ним ушла в прошлое целая эпоха, перевернулась важная страница, написанная такими блестящими политиками и фигурами национального масштаба, как Хеди Нуира, Мухаммед Мзали, Рашид Сфар и др.

За несколько недель до смерти Беджи Каида ас-Себси госпитализировали по причине недомогания, и сразу появились слухи о том, что 92-летний политик уже

не поправится. Некоторые даже преждевременно объявили о его кончине, но сообщение было тут же опровергнуто. Казалось, последние сомнения в трудоспособности президента были развеяны, когда 5 июля он подписал ряд важных указов: об очередном продлении чрезвычайного положения в стране, введенного после терактов 2015 г., а также указ о датах проведения президентских и парламентских выборов в 2019 г. Последний раз президента видели на публике в сопровождении министра обороны Абделькарима Збиди 22 июля 2019 г. во время официальных мероприятий.

25 июля тунисские граждане ожидали услышать поздравительную речь Беджи Каида ас-Себси по поводу 62-й годовщины провозглашения Тунисской Республики, однако официальные источники сообщили о кончине президента в военном госпитале, куда его доставили после резкого ухудшения самочувствия.

В Тунисе был объявлен недельный траур. В знак солидарности Алжир, Мавритания, Ливия, Египет, Иордания и Ливан также объявили трехдневный траур. На торжественные похороны правителя съехались видные политические лидеры: президент Франции Эммануэль Макрон, президент Португалии Марсело Ребело де Соуза, король Испании Филипп VI, эмир Катара шейх Тамим бен Хамад Аль Тани, палестинский лидер Махмуд Аббас, временный президент Алжира Абделькадер Бенсалех, глава Правительства национального согласия Ливии Фаиз Саррадж и многие другие. Направлявшийся от президентской резиденции в Карфагене до кладбища Джеллаз траурный кортеж проехал по столичным улицам, где тысячи сограждан провожали своего президента в последний путь. В этой толпе, не знающей социально-политических различий, скорбели всем сердцем пыльный оборванец и разодетый франт, закутанные в мусульманский платок и здесь же легко одетые европейского вида женщины, по праву считавшие Каида ас-Себси продолжателем светских реформ и своим покровителем.

Едва сдерживая слезы, депутат парламента от партии «Нидаа Тунис» Фатима аль-Мессади обращалась к депутатам во время очередного заседания парламента 1 августа 2019 г., требуя установить причину смерти президента. Почти никто в СМИ не обратил внимания на эту просьбу – умереть от старости в возрасте 93 лет при средней продолжительности жизни в стране 74 года многие почли бы за добрую судьбу. Однако депутат почти открыто заявила, что покойный был преступно отравлен. По ее словам, президент подвергался давлению и угрозам с тех пор, как потребовал расследования по делу о «секретном комитете» в движении «Ан-Нахда». И эта версия имела под собой основание.

«Мы должны знать правду», – заявлял в январе 2019 г. президент Беджи Каид ас-Себси, принявший группу следователей по делу о причастности движения «Ан-Нахда» к политическим убийствам 2013 г. Это дело, казалось бы, уже замятое, вновь обрело огласку благодаря стараниям партии «Нидаа Тунис» и лично Каиду ас-Себси, объявившим буквально войну исламистам после разрыва коалиции с ними осенью 2018 г. В результате через три с лишним года после начала разбирательства по делу об убийствах политиков Шукри Бельаида и Мухаммеда Брахми, которое неоднократно по разным причинам приостанавливалось, суд вынес 10 января обвинение в преднамеренном убийстве Мустафе Хазру, который, судя по материалам следствия, возглавлял тайное боевое крыло движения «Ан-Нахда» и сотрудничал непосредственно с «черным департаментом» МВД, который существовал во время правления «Тройки» в 2001–2013 гг. Тайное боевое крыло обвиняется также в незаконном проникновении в структуры госвласти, сборе разведданных для иностранных спецслужб, а также намеренном утаивании информации о политических убийствах 2013 г. Исламисты «Ан-Нахды» наотрез опровергли свою связь с упомянутой структурой под руководством Мустафы Хазра, который, как доказывают материалы «черного департамента»,

в свою очередь взаимодействовал с главой боевого подразделения «Ансар аш-Шариа» (запрещена в РФ) в Тунисе Мухаммедом аль-Авади. Как бы то ни было, наверное, разбирательства по этому делу теперь вновь будут отложены за неимением столь уж заинтересованных в правде сторон.

Между тем, переместившись в «мир иной», Каидас-Себси все же смог оказать посильное влияние на ход президентско-парламентских выборов 2019 г. Из-за необходимости соблюдать юридические формальности сроки их проведения в связи с кончиной президента и введением должности временного президента были изменены. Президентские выборы, который ранее ожидался 17 ноября, были перенесены на 15 сентября, а дата проведения парламентских выборов осталась прежней – 6 октября 2019 г. С учетом значительности фигуры премьер-министра по сравнению с президентом в Тунисе результаты парламентских выборов, если бы они предшествовали президентским, очевидно сильно бы на них отразились. Партия-фаворит, обладая широкой поддержкой электората, могла бы протащить своего кандидата в президенты. Таким образом, схема, по которой президентские выборы пройдут раньше, кажется более сбалансированной и независимой. Как бы то ни было, выборы 2019 г. – это уже третьи выборы, которые на демократической основе определяют будущий политический ландшафт в Тунисе, где до сих пор длится «переходный период», действует более 200 партий и на пост президента подано более 20 заявок. Остается лишь прислушаться к словам покойного Беджи Каидаас-Себси, что «демократию нельзя построить за восемь лет – реальные результаты требуют времени».

¹ Gall C., Blaise L. Béji Caïd Essebsi, President Who Guided Tunisia to Democracy, Dies at 92. – 25.07. 2019. – New York Times. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2019/07/25/world/africa/beji-caid-essebsi-tunisia-dead.html>

² Видясова М.Ф. Хабиб Бургиба// Политические портреты деятелей стран Ближнего и Среднего Востока: очерки: книга вторая / под ред. В.В. Наумкина и В.В. Попова. М.: МГИМО-Университет, 2018. – с. 46. (43–59).

³ Essebsi, Béji Caïd. Habib Bourguiba: le bon grain et l'ivraie. Tunis: Sud Editions, 2009.

⁴ Charfi M. Les ministres de Bourguiba, 1956-1987. Paris: Éditions L'Harmattan, 1989. – p. 80–81.

⁵ Подробнее: Видясова М.Ф. Тунис. Маршрут в XXI век. М.: Садра, 2018. – с. 444.

⁶ О деятельности правительства умеренных исламистов: Кашина А.А. «Революция свободы и достоинства» в Тунисе: большие надежды. М.: ИБВ, ДА МИД, 2018. – с. 190–200.

⁷ Ганми М. Карарат ас-Себси ли-салих аль-мар'а тусиру джадалан фи-тунис (Решения ас-Себси в пользу женщин вызвали дебаты в Тунисе). – 14.08.2017. – аль-Арабийя. – <https://www.alarabiya.net/ar/north-africa/2017/08/14/%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%B3%D8%A8%D8%B3%D9%8A-%D9%84%D8%B5%D8%A7%D9%84%D8%AD-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%B1%D8%A3%D8%A9-%D8%AA%D8%AB%D9%8A%D8%B1-%D8%AC%D8%AF%D9%84%D8%A7-%D9%81%D9%8A-%D8%AA%D9%88%D9%86%D8%B3>

⁸ Тунис...канун мусава аль-мар'а ва аот-раджуль абразу -ль-милафпат гейр аль-муктамаля ли-р-раис аар-рахиль ас-себси (Тунис. Закон о равенстве полов – величайший незавершенный проект покойного президента ас-Себси). – 27.07.2019. – Independent арабийя. –

<https://www.independentarabia.com/node/44426/%D8%A7%D9%84%D8%A3%D8%AE%D8%A8%D8%A7%D8%B1/%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%A7%D9%84%D9%85-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A8%D9%8A/%D8%AA%D9%88%D9%86%D8%B3-%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86-%D9%85%D8%B3%D8%A7%D9%88%D8%A7%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%B1%D8%A3%D8%A9-%D9%88%D8%A7%D9%84%D8%B1%D8%AC%D9%84-%D8%A3%D8%A8%D8%B1%D8%B2-%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%84%D9%81%D8%A7%D8%AA-%D8%BA%D9%8A%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%83%D8%AA%D9%85%D9%84%D8%A9-%D9%84%D9%84%D8%B1%D8%A6%D9%8A%D8%B3>

⁹ Ас-Себси ли сахифат аль-араб: ан-нахда татахаккам фи-ль-хукума ва-ль-ганнуши йад'амау аш-шахед фи интихабат ар-риаса. (Интервью ас-Себси газете «аль-Араб»: «Ан-Нахда» захватила правительство, а Р.Ганнуши поддержит Шахеда на президентских выборах). – 29.01.2019. – <https://www.babnet.net/cadredetail-175994.asp>

ВЫБОРЫ 2018–2019 гг. И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Годовой отрезок времени с 24 июня 2018 года по 23 июня 2019 года, возможно, может стать поворотной точкой в политической жизни Турецкой Республики.

Напомним, что 24 июня 2018 года в Турции досрочно прошли всеобщие президентские и парламентские выборы. Перенос сроков выборов, которые изначально планировались на ноябрь 2019 года, объяснялся руководством страны, включая и президента Р.Т. Эрдогана, как шаг, направленный на скорейшее преодоление внутривнутриполитической неопределенности – завершение процесса перехода страны от парламентской к президентской республике, в рамках поправок к Конституции страны, принятых после всенародного референдума 16 апреля 2017 года.

Этот тезис о необходимости сокращения переходного периода между двумя моделями государственного устройства отнюдь не вступает в противоречие с мнением тех критиков турецкой власти, кто утверждает, что перенос выборов на более ранний срок был обусловлен нарастающим грузом экономических проблем. А последние, в свою очередь, к ноябрю 2019 года грозили привести к нежелательным для правящей Партии справедливости и развития (ПСР) итогам голосования. А, следовательно, руководство страны просто было вынуждено пойти на этот шаг, заранее гарантируя продолжение периода своего правления.

Результатом политического расчета стал очередной успех как для Реджепа Тайипа Эрдогана, так и для его ПСР на выборах 24 июня 2018 года. Но и не без нюансов.

Р.Т. Эрдоган был выбран 52,59% голосов, тогда как его ближайший конкурент – кандидат от главной оппозиционной Народно-республиканской партии (НРП) – Мухаррем Индже заручился поддержкой 30,64% избирателей¹.

Налицо повторение Р.Т. Эрдоганом привычного для себя, из опыта предыдущих выборов, результата, а также демонстрация Мухарремом Индже ограниченного потенциала для того, чтобы стать в Турции объединительным кандидатом. Все же рейтинг НРП и так составляет 25%, и прибавка в 5% явно недостаточна для того, чтобы претендовать на президентское кресло.

Впрочем, оппозиция понимала это обстоятельство и ставила перед собой иную задачу – хотя бы по переводу выборов во второй тур голосования, где, как она считала, у неё возникнет больше шансов.

А для этого каждая оппозиционная партия выдвинула своего кандидата, не став блокироваться в этот раз вокруг единого оппозиционного кандидата: вновь образованная «альтернативная» националистическая Хорошая партия (ХП) выдвинула Мераль Акшенер, а прокурдская Партия демократии народов (ПДН) выдвинула Селахаттина Демирташа, который провел свою предвыборную кампанию прямо из тюремной камеры, создав уникальный в своем роде прецедент. Они набрали 7,29% и 8,40% голосов. Еще 0,89% получили Темель Карамоллаоглу от Партии счастья (ПС) и 0,20% – Догу Перинчек от Партии родины (ПР)².

Что же до парламентских выборов, то здесь выступление Партии справедливости и развития и правой Партии националистического движения (ПНД) как поодиночке, так и вместе – в составе коалиции «Народный альянс», продемонстрировало, что ПСР попала на нисходящую траекторию.

Партия справедливости и развития вместе с Партией националистического движения набрали на двоих –

53,66% (42,56% и 11,10%) голосов избирателей, что принесло им 295 и 49 депутатских мандатов соответственно³. При этом на предыдущих парламентских выборах, прошедших в 2015 году, ПСР набрала 49,49% голосов, а ПНД – 11,20% голосов⁴. То есть националисты повторили свой результат, и это даже после того, как от них откололась Хорошая партия, и смогли бы даже в одиночку преодолеть 10%-й избирательный барьер, не вступая ни в какие коалиции с ПСР. А вот ПСР без коалиции не имела бы большинства в 600-местном парламенте.

«Национальный альянс», в который объединились Народно-республиканская и Хорошая партии, а также Партия счастья, набрали на троих 33,94% голосов (22,64%, 9,96% и 1,34%), что обеспечило им 146, 43 и 0 мест соответственно⁵. Народно-республиканская партия не дотянула до предыдущего результата выборов 2015 года, когда она взяла 25,31% голосов⁶. Зато ХП продемонстрировала неплохой для новичка парламентской борьбы результат.

Прокурдская Партия демократии народов, на выборах 24 июня 2018 года набравшая 11,70% голосов избирателей и получившая 67 депутатских мандатов, показала себя зрелым политическим движением, которое уже не нуждается в подпорках в лице партнёров по законодательно разрешенным теперь в Турции коалициям, для того, чтобы обеспечивать себе присутствие в парламенте⁷. Хотя оппозиция с курдами официально не блокируется из имиджевых соображений, но, тем не менее, стоит отметить несомненную координацию в действиях между ними, что, в частности, стало отчетливо заметно на муниципальных выборах, состоявшихся 31 марта 2019 года, когда оппозиция, по сути, отказалась от конкуренции между собой, не выдвигая своих кандидатов в тех городах, где у другой оппозиционной партии были бы более хорошие шансы.

Таким образом, главным итогом выборов 24 июня 2018 года стало появление у президента Р.Т. Эрдогана целой «колоды» конкурентов, которые не будучи в состо-

янии пока победить его в первом туре, в принципе, готовы переводить президентские выборы во второй тур голосования, где работают уже совершенно другие законы.

Кроме того, возникла новая ситуация и в Великом национальном собрании (Меджлисе) Турции (ВНСТ). Теперь в турецком парламенте 5 партий: ПСР, НРП, ПДН, ПНД, ХП. Что это на практике означает? – А то, что теперь ПСР недостаточно набирать 45% или около того голосов избирателей, для того, чтобы получить большинство в парламенте, который к тому же стал ещё и более представительным: с выборов 2018 года в ВНСТ вместо 550 заседает уже 600 депутатов, но извлечь из этого факта для себя пользу у партии власти в 2018 году не получилось.

Впрочем, как показало дальнейшее развитие событий, случившееся на всеобщих выборах 24 июня 2018 года следует считать для власти большим успехом, и надо признать наличие у них дальновидного и грамотного политического расчета, с хорошим сбором социологии на местах. Поскольку за выборами последовало экономическое пике страны вниз, которое её изрядно встряхнуло: экономика начала падать, инфляция на отдельные категории товаров стала трехзначной, а турецкая лира серьезно ослабла по отношению к доллару и евро. И вот на таком негативном фоне 31 марта 2019 года в стране прошли муниципальные выборы.

Эти выборы стали для власти, пожалуй, вторым тяжелым ударом за всю эпоху её правления, с неудачных выборов июня 2015 года и перевыборов в ноябре 2015 года. Если буквально одной фразой, то карта Турции заметным образом изменилась по сравнению с предыдущими местными выборами: оппозиция взяла юг, запад и центр Турции, а также восток и юго-восток страны. Власть взяла Центральную Анатолию. Однако при этом потеряны для власти оказались крупнейшие провинции и города страны, включая Стамбул, Анкару, Измир и Анталию.

При этом, что, с точки зрения общих цифр, картина выглядит вроде как привычным образом: ПСР – 44,33%, НРП – 30,12%, ХП – 7,45%, ПНД – 7,31% и ПДН – 4,34%⁸.

Не должны удивлять невысокие показатели последних в списке трех партий – они, очевидным образом, работали на главных фаворитов гонки от ПСР и НРП. В первую очередь, это происходило в крупнейшем городе страны – Стамбуле, что в итоге и позволило одержать оппозиционному кандидату Экрему Имамоглу победу над опытейшим Бинали Йылдырымом с минимальным отрывом – 48,80% против 48,55%, что эквивалентно 21462 голосам разницы⁹.

После долгих разбирательств и требований оппозиции удостоверение мэра было всё же вручено Э. Имамоглу 17 апреля 2019 г.¹⁰

Однако это можно воспринимать лишь как тактический маневр власти: опротестовать с целью переназначения выборов, согласно турецкому законодательству, в этой ситуации можно было лишь результаты выборов состоявшихся.

6 мая 2019 года Высшая избирательная комиссия обнародовала решение, согласно которому выборы в Стамбуле были признаны недействительными¹¹. Это было объяснено тем, что были выявлены голосования людьми, пораженными в избирательных правах, а также наличие в составе избирательных комиссий неуполномоченных людей. Перевыборы в тот же день были назначены на 23 июня 2019 года.

В этих перевыборах власть очевидным образом пытается повторить сценарий 2015 года, когда проигранные, по сути, в июне выборы удалось переиграть в свою пользу в ноябре того же года.

Оппозиция, как сразу стало понятно, не готова к тому, чтобы перевести свой протест на площади и улицы городов. А ответа в юридической плоскости у оппозиционеров нет: в своем решении Высшая избирательная комиссия Турции оправдывает свое название, являясь высшей ин-

станцией, чье решение не опротестовывается. Ответственный подход оппозиции, не пожелавшей раскачивать лодку в стране, и так находящейся под грузом экономических и политических проблем, и предпочитающей действовать в правовой плоскости, должен, разумеется, вызывать чувство уважения, в первую очередь, у граждан страны. Вряд ли кто-то заинтересован в повторении беспорядков по сценарию площади Таксим и парка Гези в Стамбуле в 2013 году. Однако выиграть в шахматы у власти, которая ещё время от времени начинает с оппозицией боксировать, представляется делом крайне затруднительным. Для этого поражение на избирательных участках должно быть оглушительным и не вызывающим никаких, даже малейших, сомнений и возможности к протестам.

Говорить о таком разрыве в Стамбуле образца марта – июня 2019 года не представляется возможным. Однако в Турции «задули ветры перемен» и вот к следующим выборам 2023 года расклад обещает быть уже другим. Впрочем, для этого оппозиции предстоит вырастить своего оппозиционного кандидата на президентских выборах, коим при определенных обстоятельствах мог бы стать и сам Экрем Имамоглу. Идеальным для оппозиции является сценарий трамплина с поста мэра города Стамбул.

Однако Стамбул Экрему Имамоглу, второй раз подряд, взять представляется весьма маловероятным (на момент публикации статьи результат, скорее всего, уже будет известен).

А, следовательно, нужны иные пути для того, чтобы «светить» своего будущего кандидата перед избирателями. Каков на этот счет план у оппозиции, пока неясно, за исключением того, что она запасается «стратегическим терпением» и пытается опротестовать ... выборы президента Турции 24 июня 2018 года на тех же основаниях, на которых ВИК аннулировала выборы в Стамбуле 31 марта 2019 года. По утверждениям Народно-республиканской партии, там наблюдались ровно такие же нарушения. Но иначе, как «политическим хайпом» такой подход назвать

нельзя: это уход от главной проблемы, показывающий, что при существующем подходе у оппозиции «нет методов» на Партию справедливости и развития.

¹ 2018 Cumhurbaşkanlığı Seçimleri Beб: <https://www.haberturk.com/secim/secim2018/cumhurbaskanligi-secimi> Доступ: 03.05.2019.

² 2018 Cumhurbaşkanlığı Seçimleri Beб: <https://www.haberturk.com/secim/secim2018/cumhurbaskanligi-secimi> Доступ: 03.05.2019.

³ 27. Dönem Milletvekili Seçimleri. Beб: <https://www.haberturk.com/secim/secim2018/genel-secim> Доступ: 04.05.2019.

⁴ Kasım 2015 Milletvekili Dağılımı. Beб: <https://www.sabah.com.tr/secim/1-kasim-2015-genel-secimleri> Доступ: 06.05.2019.

⁵ 27. Dönem Milletvekili Seçimleri. Beб: <https://www.haberturk.com/secim/secim2018/genel-secim> Доступ: 04.05.2019.

⁶ Kasım 2015 Milletvekili Dağılımı. Beб: <https://www.sabah.com.tr/secim/1-kasim-2015-genel-secimleri> Доступ: 06.05.2019.

⁷ Kasım 2015 Milletvekili Dağılımı. Beб: <https://www.sabah.com.tr/secim/1-kasim-2015-genel-secimleri> Доступ: 06.05.2019.

⁸ 31 Mart 2019 Yerel Seçim Sonuçları. Beб: <https://secim.haberler.com/2019/yerel-secimler/> Доступ: 08.05.2019.

⁹ 31 Mart 2019 Yerel Seçim Sonuçları. Beб: <https://secim.haberler.com/2019/yerel-secimler/> Доступ: 08.05.2019.

¹⁰ CNN Türk. Ekrem İmamoğlu mazbatasını aldı. Beб: <https://www.cnnturk.com/turkiye/ekrem-imamoglu-mazbatasini-aldi> Доступ: 08.05.2019.

¹¹ T.C. Yüksek Seçim Kurumu. Beб: <http://ysk.gov.tr/> Доступ: 08.05.2019.

В.А. Корочкина

ИРАНСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЗАВЕРШАЮЩЕЙ СТАДИИ ВОЙНЫ В СИРИИ

Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху утверждает, что «Израиль хочет мира, но намерен и впредь решительно защищаться от любых нападков и предотвращать любые иранские попытки закрепиться в Сирии или где-либо еще». Израиль не допустит поставок оружия из Сирии проиранской шиитской организации «Хизбалла» в Ливане, а также иранского «ракетостроения и модернизации [ракет]» в этой стране. Израильское руководство всему миру доказывает, что иранцы «пересекают красные линии» и «играют с огнем», что военное присутствие и деятельность Ирана в Сирии представляет угрозу не только Израилю, но и стабильности всего региона, поэтому все региональные игроки, заинтересованные в стабилизации Ближнего Востока, «должны работать сообща с еврейским государством, чтобы сдержать Иран, предотвратить его военное закрепление на сирийской территории и прекратить поддержку «Хизбаллы»¹.

Эти геополитические послания оформились во внешнеполитические тезисы израильского руководства после того, как российские ВКС полностью изменили сценарий начавшегося в 2011 году сирийского вооруженного конфликта. Через семь лет войны стало очевидно, что Сирийская Арабская Республика (САР) и режим Башара

Асада спасением обязаны России и Ирану, которые в отличие от «западной коалиции» во главе с США и их главного союзника Израиля осуществляли военные операции на сирийской территории на законных основаниях. Москва и Тегеран действуют по приглашению легитимного президента, а значит, в той или иной степени не просто присутствуют в стране, но имеют на то основания. В этих условиях Израилю приходится договариваться с Россией как с ключевым игроком в этом регионе для обеспечения собственной безопасности и решения геополитических задач.

Регулярные встречи в Москве

С 30 сентября 2015 года, когда Россия начала военную операцию в Сирии на стороне президента Б. Асада, закрепилась на военных базах в Хмеймиме и Тартусе и полностью изменила расстановку сил в этой стране и в регионе, В. Путин и Б. Нетаньяху встретились 11 раз. После 17 сентября 2018 года, когда во время авиаударов израильских ВВС по сирийской территории ПВО Сирии сбили российский самолет-разведчик Ил-20, и Россия возложила ответственность за эту трагедию на Израиль, лидеры встретились дважды – 11 ноября 2018 года в Париже на мероприятиях по случаю окончания Первой мировой войны и в Москве 27 февраля 2019 года².

При каждой встрече с 2015 года президент России и премьер-министр Израиля сверяют часы в отношении работы механизма предотвращения конфликтных ситуаций между российскими и израильскими военными. Механизм деэскалации, разработанный с момента вступления России в сирийскую войну, призван гарантировать, что израильские и российские самолеты не столкнутся в небе Сирии³.

На встрече с В. Путиным в Москве 27 февраля 2019 года Б. Нетаньяху предупредил, что если Иран продолжит попытки военного закрепления в Сирии, Израиль «это остановит». «Если этот процесс не остановится сам по себе,

мы остановим его», – повторил Б.Нетаньяху израильским журналистам.

За год до этого, 10 февраля 2018 года, произошла военная эскалация на северной границе еврейского государства, приведшая к самому масштабному нападению на сирийские средства противовоздушной обороны, которое ВВС Израиля осуществили со времени военной операции «Мир Галилее» (Первой ливанской войны) в 1982 году. Началось с того, что с территории САР в израильском воздушном пространстве в течение полутора минут пребывал беспилотный летательный аппарат, сбитый боевым вертолетом Армии обороны Израиля (ЦАХАЛа). В Израиле утверждали, что БПЛА был иранским, и за агрессию против Израиля помимо Ирана несет ответственность Сирия, размещающая на своей территории иранские и проиранские военные силы. Проникновение иранского беспилотника было объявлено «серьезным и редким нарушением суверенитета Израиля», что должно повлечь последствия для Ирана. Израильские самолеты нанесли авиаудары по сирийским объектам, которые, по оценкам ЦАХАЛа, использовались иранцами⁴. Стороны приблизились к масштабной конфронтации в районе, ситуация в котором после боевых действий между Израилем и «Хизбаллой» в Ливане в 2006 году оставалась в значительной степени спокойной и стабильной.

Руководство Израиля поддерживает высокий градус озабоченности расширением иранского присутствия вдоль своей границы с Сирией и Ливаном. Б. Нетаньяху посещал Москву для согласования позиций, после чего у членов его кабинета появлялись реальные основания заявлять о том, что у Израиля есть «право и обязанность» защищаться от угроз, исходящих с сирийской территории.

Основные темы переговоров

После московской встречи Б. Нетаньяху и В. Путина в феврале 2019 года израильские официальные лица сообщили, что стороны достигли договоренностей по двум

основным вопросам: урегулированию двустороннего кризиса между Израилем и Россией и активизации диалога для решения проблемы присутствия иностранных войск в Сирии, прежде всего иранских.

Трагедия со сбитым российским самолетом-разведчиком Ил-20 в небе Сирии была исключена из повестки дня. Тем не менее, по мнению Амоса Ядлина, директора Института исследования национальной безопасности (INSS) Тель-Авивского университета, и Цви Магена, бывшего посла Израиля на Украине и в России, российское оборонное ведомство сопротивляется улучшению двусторонних отношений с Израилем. Российские военные придерживаются иной, более враждебной, в отличие от президента В. Путина, позиции в отношении Израиля⁵.

Что касается присутствия иностранных войск в Сирии, стороны договорились о создании совместной российско-израильской рабочей группы с участием представителей других стран, включая сирийцев, которые должны заняться координацией «вывода всех иностранных сил из Сирии». Согласно заявлению МИД РФ (что было отмечено в ходе посещения министром иностранных дел РФ Сергеем Лавровым стран Персидского залива в начале марта 2019 года), Россия стремится подключить к работе группы страны Персидского залива, в частности Саудовскую Аравию, а также задействовать их в процессе достижения политического урегулирования и восстановления Сирии.

Поскольку термин «иностранные силы» не означает тех, кто разместил своих военных на основе подписанного многолетнего двустороннего договора (Россия арендовала военно-морскую и военно-воздушную базы в САР на 49 лет), постольку, делают вывод израильские эксперты INSS, термин относится к следующим субъектам:

- Другим «законным» силам, ранее приглашенным Б.Асадом, которые теперь должны покинуть страну, т.к. в войне одержана победа. Это относится к иранцам. В работе группы предполагается участие сирийцев для того, чтобы решить вопрос с приглашением иранцев.

- «Нелегитимным» силам, которые вошли в Сирию после начала войны в 2011 году. Речь идет об американцах, турках и др.

- «Оккупационным силам», находящимся на сирийской земле с 1967 года. Это относится к израильскому присутствию на Голанских высотах.

В связи с отсутствием официальной информации о формате рабочей группы, эксперты INSS предположили, что возможно два объяснения причин, по которым Россия пошла на создание такого механизма. Первое предположение основывается на том, что в России якобы происходят перемены, вызванные усталостью от вовлеченности в сирийский конфликт, наметилось стремление дистанцироваться от Ирана. Второе предположение заключается в том, что интересы России в Сирии являются долгосрочными, и они не учитывают интересы еврейского государства, и это является опасным сценарием развития ситуации для Израиля.

Первое соображение исходит из того, что Россия сильно увязла в Сирии, и посредством создания рабочей группы, призванной обеспечить вывод иностранных сил из страны, пытается разрешить сирийский кризис. Это решение подразумевает международный диалог, способный прорвать политическую изоляцию. Российское предложение также может быть истолковано, как попытка изменить текущие правила игры в регионе. Москва активно выступает за стабильность, восстановление и политическое урегулирование в Сирии, несмотря на усиливающиеся разногласия с Турцией и Ираном относительно развития ситуации в Идлибе. Одновременно американцы выводят своих военных из САР, а западные державы отказываются участвовать в финансировании восстановления страны до тех пор, пока не будет политического урегулирования, в результате чего Россия остается наедине не только с этой проблемой, но и необходимостью послевоенного строительства республики. По дан-

ным израильских экспертов, в последние месяцы появились идеи о внесении изменений в Астанинский формат (структуру, которая занимается продвижением урегулирования в Сирии и включает Россию, Иран, Турцию и частично Сирию) и даже о его роспуске, в то время как и другие страны получили приглашение присоединиться к политическому процессу. Визит Башара Асада в Иран в начале марта, который не был согласован с Кремлем, разозлил Москву, которая расценила сирийско-иранское сближение как оскорбление и сигнал к тому, что Б. Асад заинтересован в том, чтобы иранцы оставались на сирийской земле независимо от позиции России по этому вопросу.

На этом фоне в Израиле допускают, что Россия разработала альтернативный подход к своей политике в отношении Сирии, позволяющий решить задачи на Ближнем Востоке и на международной арене. Москва может быть заинтересована в возобновлении сотрудничества с Израилем посредством создания той же рабочей группы, чтобы ускорить завершение сирийского конфликта. Этого можно добиваться параллельно с процессом политического урегулирования, который дает России дополнительное преимущество на сирийском фронте, а привлечение к урегулированию и восстановлению Сирии государств Персидского залива повышает региональный статус Москвы. Допускается также то, что Россия, иницируя региональное сотрудничество наряду со взаимодействием с Израилем по иранскому присутствию в Сирии, тем самым надеется улучшить российско-американские отношения и возобновить диалог с Вашингтоном.

Вторая предполагаемая причина, по которой Россия инициировала создание рабочей группы с Израилем по выводу иностранных сил из Сирии, заключается в том, что Кремль приготовил для Израиля опасную «ловушку». В этом случае В. Путин не пытается сблизиться с еврейским государством и Западом, а скорее продвигает российские интересы в САР – главным образом, стабилизацию

и восстановление страны – за счет Израиля, без какого-либо намерения вытеснить иранские силы с сирийской территории. Такое объяснение действий России основывается на оценках США и Израиля, согласно которым у России нет возможности и мотивации для вывода иранских сил из Сирии и даже для того, чтобы соблюсти договоренности и данные Израилю обещания удалить их от израильской границы.

Как пишут израильские эксперты, Россия разделяет фундаментальные интересы с Ираном, главным из которых является усиление режима Б. Асада и уход американцев из Сирии. Эти интересы считаются важными, и поэтому Россия будет стремиться ограничить свободу действий Израиля в Сирии. По факту такое ограничение уже произошло, однако израильские эксперты не берутся определить, вызвано ли это снижением активности Ирана на сирийской территории или, скорее, благоразумием Израиля перед лицом новых систем ПВО, развернутых в Сирии, и новых правил игры, которые Россия стремится навязать еврейскому государству в рамках механизма деконфликтизации. Таким образом, вполне возможно, что Москва намерена воспользоваться возобновленным диалогом с Израилем, подкрепленным обещаниями и, возможно, угрозами, чтобы ограничить его действия.

В INSS склоняются именно к этому варианту. В первых, по их мнению, возможность присоединения представителей САР к рабочей группе, в которую входит Израиль, для обсуждения вопроса о выводе иностранных войск из Сирии, весьма незначительна, если вообще существует. С израильской точки зрения, не приемлемо позволить России использовать рабочую группу в качестве посредника между Израилем и Сирией для того, чтобы внести в повестку дня восстановление сирийского контроля над Голанскими высотами (путем удаления «всех иностранных сил»). В Израиле по статусу Голанских высот наметился определенный консенсус, в рамках которого даже «центристские» партии призывали адми-

нистрацию Соединенных Штатов признать суверенитет Израиля над этой сирийской территорией.

Во-вторых, вероятность того, что создание рабочей группы положительно повлияет на диалог между Россией и Западом в целом и Соединенными Штатами, в частности, также крайне сомнительна. По мнению израильских экспертов, «вмешательство России в Сирию исчерпало свой потенциал в качестве повода для диалога с Западом с целью ослабления давления на Москву на международной арене. Европейские страны выступают против финансирования режима Б. Асада, и американская администрация со своей стороны занята внутренними проблемами». Следовательно, делается вывод, что Москва пытается обмануть Израиль предложением создать рабочую группу для продвижения вывода иностранных сил из Сирии, в том числе иранских, хотя сама в этом не заинтересована. Как вариант, в Москве, может быть, даже и осознают, что у этой группы нет практической возможности способствовать позитивным подвижкам в решении других вопросов на международной арене.

С учетом вышесказанного после визита Б. Нетаньяху в Москву 27 февраля 2019 года в Израиле так и не получили ответов на наиболее важные вопросы, касающиеся взаимодействия Израиля с Россией в отношении Сирии и присутствия Ирана в этой стране. Во-первых, изменился ли механизм предотвращения конфликтов между российскими и израильскими военными после падения российского военного самолета и решающего поворота в ходе сирийской войны? Во-вторых, удалось ли премьер-министру Израиля убедить В. Путина не передавать сирийским военным контроль над батареями С-300, размещенными в Сирии? В-третьих, является ли уменьшение количества авиаударов израильских ВВС по объектам в Сирии результатом снижения активности Ирана в этой стране или израильской уступкой России? В-четвертых, какое значение имеет совместная с Израилем рабочая группа по выводу иностранных сил из Сирии? Чему уде-

ляется основное внимание – выводу иранских сил или другим вопросам?

Отмечается, что если рабочая группа действительно займется выводом иранских сил из Сирии, это станет знаменательным событием, свидетельствующим о готовности России разорвать отношения с ее главным союзником в сирийском конфликте. Это приведет к весьма позитивным последствиям для Израиля не только в Сирии, но и в регионе. Однако в Израиле допускают также возможность, что предложение о создании рабочей группы является бюрократическим и дипломатическим прикрытием для России ее неспособности или нежелания убрать иранцев из САР, что приведет к возобновлению дискуссии о принадлежности Голанских высот и спекуляции статусом этой территории в вопросе удаления иранских сил с сирийской земли.

Встреча двух лидеров в Москве в апреле 2019 года

Б. Нетаньяху 4 апреля 2019 года, за пять дней до выборов в Израиле, совершил однодневный визит в Москву для очередной встречи с В. Путиным. Переговоры прошли на фоне одностороннего признания Вашингтоном израильской аннексии Голанских высот, а также того факта, что сирийские военные продолжили обучение управлению батареями ЗРК С-300, в то время как иранская угроза Израилю с территории Сирии не утратила остроты.

Официально было заявлено, что переговоры были посвящены обновлению механизма деконфликтизации между российскими и израильскими военными в Сирии. Помимо этого в повестке дня стояла задача донести до российского руководства важность американских сил в регионе. Перед отлетом в Москву израильский премьер-министр сказал, что обсудит с В. Путиным «события в Сирии, они накапливаются». Помимо «регулярной и особой координации действий между нашими армиями», Б. Нетаньяху намеревался обсудить с президентом России и «другие важные для Государства Израиль вопросы»⁶.

Накануне этого визита Б. Нетаньяху провел с В. Путиным телефонный разговор. Премьер-министр попросил российского президента о встрече, чтобы поблагодарить его за обнаружение в Сирии захоронения сержанта ЦАХАЛа З. Баумеля, который наряду с другими своими сослуживцами пропал без вести в 1982 году во время Первой ливанской войны. Останки израильтянина были обнаружены на кладбище близ лагеря палестинских беженцев «Ярмук», который долгое время находился под контролем ИГ (запрещенного в России). Среди других важных вопросов – продолжение иранской деятельности, направленной на создание в Сирии военной инфраструктуры, которая позволит им открыть еще один северо-восточный фронт против Израиля.

По мнению Рона Бен Ишая, военного обозревателя израильского издания «Едиот Ахронот», сопровождавшего премьер-министра в поездке в Москву, иранцы во главе с Касемом Сулеймани (командующим спецподразделением «Аль-Кудс» в составе Корпуса стражей Исламской революции, предназначенного для реализации военных и тайных операций за пределами Ирана), судя по всему, под давлением России направили свои основные усилия на деятельность в районах, удаленных от границы с Израилем. Тем самым В. Путин выполнил обещание, данное Б. Нетаньяху на предыдущих встречах. Вместо того, чтобы пользоваться аэропортом в Дамаске для переброски грузовых самолетов с боевиками, оружием для «Хизбаллы» и для подконтрольных им иракских и афганских шиитских боевиков, иранцы двинулись на север и юго-восток от сирийской столицы. Эта операция включает в себя переброску значительных запасов ракет, большая часть которых точные и дальнего радиуса действия. Все это предназначено для «Хизбаллы», КСИР и шиитских ополченцев, «управляемых Ираном в Сирии на случай войны с Израилем».

Кроме того, иранцы пытаются обосноваться в порту Латакии, который находится в самом сердце шиитско-

алавитского региона, контролируемого режимом и сторонниками сирийского президента Б. Асада. Хотя Израиль заинтересован в том, чтобы помешать иранцам выйти к Средиземному морю, израильским ВВС будет сложно атаковать позиции иранцев в этой части Сирии из-за их близости к району, в котором присутствуют и действуют российские военные.

Накануне встречи двух лидеров стали также поступать сообщения о том, что иранцы тайно отправили отряды «Хизбаллы» и шиитских бойцов в район недалеко от границы с Израилем, который находился под контролем ИГ до тех пор, пока террористы не потерпели поражение. Местные сирийские силы выступили против проникновения «Хизбаллы» и ополченцев, спонсируемых Ираном, и иранский план был сорван. Однако сама попытка иранцев приблизить подконтрольные им силы к границе с Израилем после отступления ИГ расценивалась в Израиле как грубое нарушение обещаний В. Путина израильскому премьер-министру того, что российские военные будут удерживать иранцев на расстоянии 80-100 километров от линии прекращения огня на Голанских высотах. Как пишет Рон Бен Ишай, в обмен на это Б. Нетаньяху пообещал максимально избегать атак израильских ВВС по объектам на сирийской территории.

В таком случае получается, что Израиль сдержал свое слово, но стали поступать сообщения о том, что иранцы якобы недовольны русскими и действуют, как им заблагорассудится, включая поставки в Сирию на границу с Израилем высокоточных ракет большого радиуса действия.

В конце марта с.г. Израиль нанес авиаудары по Алеппо. Взрывы были слышны на северо-востоке провинции в районе международного аэропорта, промышленной зоны Шейх-Наджар и поселения Джибрин. Сирийское командование докладывало о том, что ущерб был нанесен только материальный. Тем временем израильские СМИ сообщили об уничтожении одного из иранских

оружейных складов, об убитых (10 человек) и раненых⁷. В сирийской оппозиции заявили, что в ходе нападения погибли иранцы, члены КСИР и шиитские ополченцы.

Б. Нетаньяху намеревался довести эту информацию до В. Путина и сказать ему, что если Россия стремится к спокойному и дипломатическому решению в Сирии, Израиль готов проявить сдержанность и максимально избегать агрессивных действий на сирийской территории. Но Россия должна придерживаться своих обязательств и оказывать давление на иранцев, чтобы они воздерживались от создания инфраструктуры в Сирии и приближения к линии прекращения огня на Голанских высотах, что серьезно угрожает безопасности Израиля.

Очевидно, что в Москве два лидера продолжили процесс согласования позиций в поиске общего знаменателя. В. Путин и ранее отмечал, что Россия имеет ограниченное влияние на Иран. Тем не менее позиция Б. Нетаньяху заключается в том, что «если Иран продолжит дестабилизировать регион и поставит под угрозу безопасность Израиля даже после давления со стороны России, еврейское государство не сможет избежать действий, направленных на предотвращение создания военной инфраструктуры и срыв других планов Ирана».

В данном случае встает вопрос о формате использования развернутых в Сирии ЗРК С-300. На встрече обсуждался вопрос о передаче управления этими батареями ПВО военным Б. Асада, которые обучаются управлению системой, угрожающей свободе действий израильских ВВС не только в небе Сирии, но и Ливана и даже самого Израиля. Как утверждают в ЦАХАЛе, Израиль знает, как обойти российские ЗРК в Сирии и при необходимости уничтожить их, но хочет избежать такого развития ситуации, чтобы не смущать россиян и не наносить ущерба престижу российского военно-промышленного комплекса, что неизбежно приведет к ухудшению отношений с Россией. Якобы именно по этой причине Б. Нетаньяху просил В. Путина не передавать полный контроль сирийцам над

С-300, в противном случае Израилю придется уничтожить не только их, но и репутацию российского ВПК.

Основным пунктом в повестке дня встречи двух лидеров стало обновление и оптимизация механизма координации действий израильских и российских военно-воздушных сил в воздушном пространстве Сирии для недопущения ошибок и нежелательных инцидентов, способных привести к ухудшению отношений между Россией и Израилем.

В Москве оба лидера обсудили вопрос присутствия американских сил в Сирии. Согласно израильским СМИ, «русские хотят, чтобы американские силы, сражавшиеся против ИГ совместно с «Силами демократической Сирии» (главным образом курдами), полностью вышли из Сирии». Дональд Трамп объявил, что намерен оставить около 400 американских военнослужащих, в основном в районе Эт-Танфа на юго-востоке Сирии в провинции Хомс. Эта военная база контролирует сухопутный коридор из Тегерана в Дамаск и Ливан, якобы лишая иранцев возможности использовать этот сухопутный маршрут для перевозки на грузовиках оружия и людей. Этим объясняется заинтересованность Израиля в том, чтобы американские военные оставались в Сирии даже после того, как ИГ потеряло свои форпосты к востоку от Евфрата, чтобы ограниченным контингентом продолжать помогать курдам в войне против террористов. Однако Россия, Иран и Б. Асад хотят, чтобы американцы покинули суверенную территорию Сирии.

На этом этапе Вашингтон создал проблему. Д. Трамп на встрече с Б. Нетаньяху 25 марта 2019 года подписал декларацию о признании Голанских высот территорией Израиля. Позиция ООН, Лиги арабских государств и Европейского союза осталась прежней – они не признают израильский суверенитет над Голанскими высотами, которые Израиль оккупировал в ходе Шестидневной войны 1967 года, а в 1981 году в одностороннем порядке аннексировал. Позицию России по вопросу принадлежности

Голанских высот озвучил С. Лавров: «Они, безусловно, остаются сирийской территорией»⁸.

После этого одностороннего шага американского президента сирийцы, похоже, «проснулись» и обратились к России с просьбой попросить Израиль покинуть Голанские высоты. Таким образом, созданную накануне рабочую группу по выводу иностранных сил из Сирии в Израиле рассматривают как возможный инструмент в руках Москвы, с помощью которого на Израиль будет оказываться давление с целью его ухода с Голан или сокращения израильского присутствия в этом районе.

Многие в Израиле усмотрели в скоротечном апрельском визите Б. Нетаньяху в Москву еще один маневр, направленный на привлечение голосов в рамках предвыборной кампании. При этом обозреватели из «премьерского пула» утверждали, что правда заключается не в этом. Сроки очередных переговоров с В. Путиным мотивированы назревшей необходимостью, к тому же, по их мнению, в последнее время Москва сама столкнулась с иранцами на территории Сирии. В любом случае встреча с В. Путиным за пять дней до выборов в Израиле не только позволила Б. Нетаньяху еще раз предстать в глазах израильских избирателей «государственным деятелем мирового масштаба», но и попытаться продвинуть израильские интересы и сотрудничество Израиля и России в Сирии с целью снижения рисков для национальной безопасности еврейского государства.

* * *

В качестве заключения отметим, что в Москве, судя по всему, читают тактику Израиля в Сирии и ставку на педалирование иранской угрозы с целью решения не только вопросов безопасности, но и геополитических задач. В МИД РФ дипломатично отметили, что «силовые акции [Израиля] неспособны решить вопросы израильских озабоченностей в сфере безопасности, а лишь способствуют росту региональной напряженности»⁹.

Относительно предположений о причинах создания рабочей группы по выводу иностранных сил из Сирии представляется, что Израиль заинтересован в таком механизме. Появляется военно-политический канал связи с русскими для работы в направлении удаления с сирийской территории иранцев и подконтрольных им сил. Для Москвы такой канал связи с израильтянами также представляет интерес, т.к. появляется возможность дополнительного выхода на американцев и оказания на них давления в вопросе вывода военных США из Сирии.

Что касается размышлений упомянутых выше экспертов INSS на тему причин снижения активности израильских ВВС на территории Сирии, то они лукавят или искренне заблуждаются. Министр иностранных дел РФ четко заявил, что «в российской позиции в отношении израильских бомбардировок Сирии нет изменений, и наше мнение по этому вопросу всегда было ясным, мы настаиваем на важности сохранения суверенитета и независимости Сирии». По словам С. Лаврова, «Сирия не может стать полем битвы между региональными игроками»¹⁰. Ответы на остальные волнующие израильтян вопросы – о передаче контроля над батареями С-300 военным Б. Асада и ситуации с механизмом предотвращения конфликтов между израильскими и российскими военными в Сирии – зависят от соблюдения этого условия.

¹ Netanyahu: Israel will not allow Iranian entrenchment in Syria// The Times of Israel. 10.02.2018 – <https://www.timesofisrael.com/netanyahu-israel-will-not-allow-iranian-entrenchment-in-syria/>

² 4 апреля Нетаниягу встретится в Москве с Путиным, второй раз в предвыборный период // NEWSRU.co.il. 02.04.2019 – http://newsru.co.il/israel/02apr2019/vstrecha_708.html

³ Netanyahu threatens to ‘stop’ Iran if it tries to entrench itself in Syria // The Times of Israel. 29.01.2018 – <https://www.timesofisrael.com/netanyahu-threatens-to-stop-iran-if-it-tries-to-entrench-itself-in-syria/>

⁴ Israel launches ‘large-scale’ strikes in Syria after drone infiltration // The Times of Israel. 10.02.2018 – <https://www.timesofisrael.com/israel-launches-large-scale-attack-in-syria-after-drone-infiltration/>

⁵ The Netanyahu-Putin Meeting: What was Agreed, and What are Russia's Intentions?// INSS.18.03.2019 –

<https://www.inss.org.il/publication/netanyahu-putin-meeting-agreed-russias-intentions/?offset=10&posts=2161>

⁶ כדי "לסגור פינות" עם פוטין: נתניהו המריא למוסקבה // Ynet. 04.04.2019 –

<https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-5489003,00.html>

⁷ BBC Израиля атаковали аэропорт Алеппо // НТВ. 28.03.2019 –

<https://www.ntv.ru/novosti/2172320/>

⁸ Лавров: позиция России о принадлежности Голан Сирии остается неизменной // РИА Новости. 06.04.2019 –

<https://ria.ru/20190406/1552438856.html>

⁹ Лавров: силовые акции Израиля в Сирии не решат волнующие его проблемы // РИА Новости. 05.11.2018 –

<https://ria.ru/20181105/1532161929.html>

¹⁰ "שר החוץ הרוסי": "אין שינוי בעמדתנו בנוגע להפצצות הישראליות בסוריה" // Ynet. 06.04.2019 –

https://www.ynet.co.il/Ext/Comp/CdaNewsFlash/0,2297,L-5490231_184,00.html

А.А. Кузнецов

О ФОРМИРОВАНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЛИВАНА И ЕГО ДЕЙСТВИЯХ ПО НОРМАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ

В конце января 2019 года был преодолен правительственный кризис, продолжавшийся в Ливане в течение восьми месяцев. 31 января ливанские СМИ распространили информацию о том, что ведущим политическим партиям Ливана удалось достичь соглашения о формировании нового кабинета министров. Тремя основными препятствиями на пути формирования нового правительства были друзский, христианский и суннитский узлы. Друзский узел заключался в претензиях лидера ПСП Валида Джумблата на все три министерских портфеля, которые зарезервированы в правительстве за общиной друзов. Христианский узел состоял в разногласиях и борьбе между ведущими партиями этой общины Свободное патриотическое движение (лидер – Джебран Басиль) и «Ливанские силы» (лидер – Самир Джаджаа) за министерские портфели. «Ливанские силы» претендовали в соответствии с итогами парламентских выборов на 5 министерских портфелей¹.

Третье препятствие на пути формирования правительства было связано с появлением группы «независимых суннитов», депутатов ливанского парламента, находящихся в оппозиции к движению «Мустакбаль» Саада Харири и связанных с Коалицией 8 марта, в которой

первую скрипку играет движение «Хизбалла». Данную фракцию образовали шесть депутатов-суннитов просирийской направленности, не входящих в состав движения «Мустакбаль» Саада Харири: Фейсал Караме, Абдель Рахим Мрад, Валид Суккарие, Касем Хашем, Джихад ас-Самад и Аднан Траблуси. Все они в разное время были близки к движению «Хизбалла». Эти депутаты требовали для своей фракции одно министерское место на основании того, что, согласно ливанской конституции, пять депутатов могут выдвинуть своего кандидата в министры². После нелегких и изнурительных переговоров различным политическим партиям и группировкам Ливана удалось прийти к консенсусу и договориться о составе нового кабинета министров.

2 февраля 2019 года Саад Харири объявил о составе нового кабинета министров. Сам он является в нем премьер-министром. Пост вице-премьера занял Гассан Хасбани (православный, «Ливанские силы»). Министром иностранных дел и по делам диаспоры вновь стал Джебран Басиль (маронит, СПД), министром обороны – Элиас Бу Сааб (православный, выдвиженец президента Мишеля Ауна). Напомним, что президентская квота при формировании правительства составляет 6 министерских портфелей. Пост министра финансов занял Али Хасан Халиль (шиит, движение «Амаль»). Пост министра внутренних дел в Ливане впервые заняла женщина. Ею стала Райя Хасан (суннитка, движение «Мустакбаль»). Министром образования назначен Акрам Шехайеб (друг, ПСП). Министром энергетики и водных ресурсов – Нада Бустани (маронитка, СПД). Министром юстиции – Альбер Серхан (православный, президентская квота). Министром здравоохранения стал Джамиль Джабак (шиит, движение «Хизбалла»). Министром телекоммуникаций – Мухаммед Шукейр (суннит, «Мустакбаль»). Министром транспорта и общественных работ – Юсеф Фенианос (маронит, «Марада»). Министром сельского хозяйства – Хасан Лакис (шиит, «Амаль»). Министром культуры – Мухаммед Дауд (шиит,

«Амаль»). Министром экономики и торговли – Мансур Бтейш (маронит, СПД). Министром по делам охраны окружающей среды – Фади Джрейсати (греко-католик, «Ливанские силы»). Министром промышленности – Вазэль Абу Фаур (друз, ПСП). Министром информации – Джамаль Джаррах (суннит, «Мустакбаль»). Министром по делам молодежи и спорта – Мухаммед Фнейш (шиит, «Хизбалла»). Пост министра по делам туризма занял Аведис Гиданян (армянин, партия «Дашнакцутюн»). Министра труда – Камиль Абу Сулейман (маронит, «Ливанские силы»). Министра социальной защиты – Ришар Куюмджян (армянин, «Ливанские силы»). Пост государственного министра по делам президентской администрации занял Салим Джрейсати (греко-католик, квота Мишеля Ауна). Государственного министра внешней торговли – Хасан Мрад (суннит, президентская квота). Государственным министром по делам парламента стал Махмуд Комати (шиит, «Хизбалла»). Государственным министром по социально-экономической интеграции женщин и молодежи – Виолетта Хайралла Сафади (православная, движение «Мустакбаль»). Государственным министром по административной реформе – Мэй Шидияк (маронитка, «Ливанские силы»). Государственным министром по информационным технологиям – Адель Афьюни (суннит, «Мустакбаль»). Государственным министром по делам беженцев стал Салех Гариб (друз, президентская квота). Государственным министром по делам перемещенных лиц – Гассан Аталла (греко-католик, СПД)³.

По итогам формирования нового правительства Ливана можно сделать ряд выводов. Во-первых, несмотря на то, что прежнее блоковое деление ливанских политических сил (Коалиции 8 и 14 марта) постепенно утрачивает свою актуальность, «Хизбалла» и ее союзники одержали относительную победу. В новом кабинете министров им принадлежат 18 портфелей из 30, а соперничающим с ними политикам из Коалиции 14 марта – 12. Во-вторых, Мишелю Ауну удалось обеспечить в правительстве бло-

кирующую треть (10 портфелей, включая президентских выдвиженцев и представителей партии СПД, возглавляемой зятем президента Джебраном Басилем). Это наивысший показатель с момента подписания Таифских соглашений в 1989 году. Неслучайно этот факт вызвал «бунт на корабле» среди ряда влиятельных ливанских политиков. Резко негативно отреагировал на состав нового правительства лидер ПСП Валид Джумблат. Он обвинил Саада Харири в том, что тот пытается подорвать Таифское соглашение и тем самым нанести непоправимый ущерб политической стабильности в Ливане. Он также обвинил Джебрана Басиля в том, что этот политик пытается стать «серым кардиналом» при Сааде Харири и из-за его спины руководить работой правительства. Представляется, однако, что усиление позиций президента в правительстве повысит эффективность его работы и предотвратит тупиковые ситуации, когда важные для всей страны социально-экономические решения постоянно откладываются.

Отличительной чертой нового ливанского правительства является обилие в нем женщин (четыре министра-женщины в то время как в парламенте прекрасный пол представлен всего 6 депутатами). Две из них уже являются известными политиками. Райя Хасан пользуется славой грамотного экономиста. С 2005 года входит в экономическую команду Саада Харири. В 2009-2011 годах занимала пост министра финансов. 55-летняя журналистка Мэй Шидияк с 1985 года работает в телекомпании LBC. Была яркой противницей сирийского военного присутствия в Ливане. Освещала теракт, приведший к гибели премьер-министра Рафика Харири в феврале 2005 года, а в ноябре того же года сама стала жертвой покушения. В результате взрыва лишилась левой ноги и кисти левой руки. С 2009 года возглавляет Фонд поддержки свободных СМИ в Ливане. Что касается Нады Бустани, то она является представительницей влиятельного маронитского клана, чей основатель Эмиль Бустани в 1950-1960-е годы считался богатейшим бизнесменом Ливана⁴.

Новому кабинету министров досталось плохое наследство и ряд неотложных проблем, требующих срочного решения. К ним относятся глубокий социально-экономический кризис, проблема сирийских беженцев, необходимость решения вопроса демаркации границ с Израилем. Последнее необходимо для начала разработки газовых месторождений на шельфе Ливана, что может существенно улучшить финансовую ситуацию в этой ближневосточной стране.

В контексте борьбы с экономическим кризисом ливанское правительство возлагает большие надежды на предоставление международными кредиторами займов на сумму в 11 миллиардов долларов, договоренности о которых были достигнуты на конференции CEDRE, состоявшейся в Париже в апреле 2018 года⁵. Предоставление финансовой помощи было обусловлено прежде всего сокращением государственного долга. По данным на 2017 год, величина государственного долга Ливана достигла 80 млрд долларов или 150% ВВП (ВВП Ливана исчисляется в 51,8 млрд долларов). Это третий показатель в мире после Японии и Греции. По мнению ливанских экономистов, к 2021 году этот долг может достигнуть 160% ВВП. Обслуживание долга обходится Ливану ежегодно в 5 млрд долларов, что составляет четверть государственного бюджета (19,1 млрд долларов). Экономисты МВФ убеждены в том, что к 2025 году эта доля может достичь 60% госбюджета⁶. Меры, с помощью которых можно достичь снижения долга и бюджетного дефицита общеизвестны. К ним относится прежде всего снижение социальных выплат: урезание зарплат госслужащим, пенсий, социальных льгот. Также можно упомянуть борьбу с коррупцией, повышение налоговой дисциплины и приватизацию государственной собственности. Так как в Ливане, стране с наиболее либеральной экономикой, приватизировать уже нечего, приходится брать деньги с граждан.

Вплоть до последнего времени относительная «уверенность в завтрашнем дне» ливанского правительства

обеспечивалась тем, что держателями 85% долга являются ливанские коммерческие банки и Banque du Liban (BDL, ливанский аналог Центробанка). Необходимо также отметить, что 16 из 20 крупнейших коммерческих банков Ливана прямо или косвенно принадлежат ведущим ливанским политикам (заимам) или тесно связанным с ними бизнесменам⁷.

Что же позволяет ливанским банкирам с такой легкостью давать деньги в кредит собственному правительству? Прежде всего значительные депозиты, размещенные в ливанских банках на сумму в 200 миллиардов долларов. То есть ливанские банковские депозиты в четыре раза превышают ВВП страны. При этом 80% депозитов деноминированы в долларах. 40% вкладов принадлежат ливанской диаспоре. Ее богатые представители охотно кладут свои капиталы в банки родины в связи с, во-первых, высокими процентами по вкладам, во-вторых, с соблюдением банковской тайны (которая сейчас стала относительным явлением даже в Швейцарии). Доходность составляет 12% по вкладам в долларах и 14% по вкладам в ливанских фунтах. По мнению экономиста из агентства Synaps Розали Бертье, постоянный приток капиталов в банки необходим стране для обслуживания госдолга и исполнения текущего баланса платежей, деноминированных в иностранной валюте (11,6 миллиардов долларов в 2018 году). Такая высокая доля долларов в экономике страны объясняется значительным импортом (90% товаров в торговую сеть страны приходит из-за рубежа)⁸.

На размеры внешнего долга и финансового дефицита влияет и крайняя слабость производительного сектора в Ливане. Согласно докладу UNCTAD (комитет ООН, ведающий вопросами торговли, инвестиций и развития) за 2018 год, в Ливане отсутствует производственный сектор, который способен обеспечить опережающий рост и вывести страну из нынешнего кризиса. Недавно министр финансов Ливана Али Хасан Халиль отметил тревожные тенденции в макроэкономической ситуации страны. По его

словом, общественный дефицит в прошлом году вырос на 3,5%, в то время как ВВП всего на 1,5%. Импорт Ливана – 19 млрд долларов, а экспорт – всего 3,5 млрд долларов. В результате бюджет Ливана недополучает налогов на 15-16 млрд долларов⁹.

Правительство Ливана намерено снизить дефицит госбюджета с 11,9% ВВП в 2018 году до 7,5% ВВП. Первоначально на Парижской конференции в апреле прошлого года оно предложило клубу доноров сокращение дефицита на 1%, но нынешние меры свидетельствуют о том, что только во втором полугодии 2019 г. дефицит должен быть сокращен на 3,3%. Согласно цифрам, заложенным в бюджет кабинетом министров, в этом году ожидается рост ВВП на 1,2%: с 56,8 до 59,6 млрд долларов. Таким образом, бюджет планируется сократить на 2 млрд долларов¹⁰.

Кабинет министров уже одобрил ряд мер жесткой экономии. Они включают в себя снижение льгот для государственных служащих, сокращение пенсий на 9%, сокращение ежедневных транспортных льгот с 8000 лир (6 долларов) до 6000 (4 доллара), сокращение времени ежегодного оплачиваемого отпуска с 20 до 15 дней. Также предусматривается установление потолка премий, бонусов и оплаты сверхурочного времени в размере не более 75% от базовой заработной платы. Правительство также дебатировало сокращение заработной платы для рабочих, получающих ежемесячно более двух тысяч долларов, но пока не достигло консенсуса о максимальном размере зарплаты¹¹.

В то же время не предусматриваются шаги, направленные на сокращение интереса кредиторов и уменьшение доли бюджета, предназначенной на обслуживание государственного долга. Между тем, давать в долг ливанскому государству является достаточно выгодным делом. При этом правительство выплачивает довольно высокий процент по долгам (9% по кредитам, деноминированным в фунтах и 7% в долларах). Правда, правительство Лива-

на согласилось увеличить налог на интерес по банковским вкладам с 7% до 10% на три года. По мнению президента Bank of Beirut, это является серьезным шагом, и банковское лобби, несмотря на все усилия, не смогло помешать принятию такого решения. Однако значительное количество ливанцев недовольно тем, что такой налог не является подходящим. Он не делает различия между финансовыми сбережениями рядовых тружеников и крупными вкладами инвесторов. Доклад, приведенный в ливанской газете «Аль-Ахбар», указывает на то, что в случае выполнения этого решения инвесторы с размером вклада в миллион долларов и более все равно будут получать по своим вкладам в этом году на 20 тысяч долларов больше, чем в предыдущем. И даже если налог повысится до 30%, они будут получать тот же доход¹².

Намерения кабинета министров переложить основное бремя по сокращению бюджетного дефицита на плечи бедных слоев населения и государственных служащих уже вызвало в Ливане масштабные социальные протесты. Параллельно с начавшейся забастовкой госслужащих в городе Набатия была проведена конференция Союза ливанских учителей. До июля 2017 года месячная зарплата ливанского учителя составляла 1,23 млн ливанских лир (815 долларов). Летом 2017 года она была повышена до 2000 долларов. Сумма вроде была неплохая, но, учитывая то, что Бейрут является третьим по дороговизне среди городов арабского мира, этих денег хватает только на оплату жилья и удовлетворение базовых потребностей. В настоящее время существуют планы снижения учительских зарплат. Секретарь Ассоциации ливанских учителей Хасан Джавад отмечает по этому поводу: «Каждый раз, когда правительство загоняет себя в угол, оно залезает в карманы к бедным. В то же время оно избегает наложить руку на священные деньги». Под священными деньгами профсоюзный активист понимает финансы банков и крупных компаний, некоторые из которых сумели выхлопотать для себя налоговые льготы¹³.

11 мая перед зданием правительства Ливана прошла демонстрация протеста ветеранов вооруженных сил и сил безопасности, возмущенных слухами о намерении кабинета министров снизить военные пенсии, отнять у военных пенсионеров часть льгот и компенсации при раннем увольнении. Демонстранты жгли автомобильные покрышки и скандировали: «Воры!». Министру обороны Ливана Элиасу Бу Саабу пришлось выйти к протестующим и успокоить их тем, что правительство не намерено снижать зарплаты и пенсии военнослужащим. В то же время Бу Сааб признал, что сокращение бюджета Минобороны на 3% затронет компенсации на лечение военнослужащих¹⁴.

Помимо мер жесткой экономии негативное влияние на благосостояние простых тружеников, особенно в Южном Ливане, могут оказать американские санкции против Ирана, затронувшие и движение «Хизбалла». Как известно, данная шиитская партия осуществляет значительную социальную активность. «Хизбалла» содержит целую сеть школ, больниц и поликлиник, где бедные шииты получают бесплатное лечение и образование. Кроме того, она выплачивает пособия и пенсии боевикам и активистам своей организации, а в случае их гибели, их семьям. В Южном Ливане нет ни одной шиитской семьи, где бы один из родственников не был членом «Хизбаллы» или не погиб в войнах против Израиля или в сирийской кампании. В настоящее время в Ливане циркулируют слухи о том, что иранцы из-за собственных экономических проблем могут вдвое снизить помощь «Хизбалле». В этом случае многие ливанские шииты окажутся в бедственном положении¹⁵.

Одним из действенных средств для того, чтобы поправить бедственное экономическое положение Ливана, является разработка нефтегазовых месторождений на шельфе страны с последующим экспортом энергоносителей. Основным препятствием для эксплуатации месторождений является неурегулированность вопроса о морских границах с Израилем. В последние два месяца

правительство Ливана при американском посредничестве активизировало работу в этом направлении.

14 мая спецпредставитель Госдепартамента Дэвид Саттерфилд прибыл в Бейрут, где провел переговоры с высшими руководителями Ливана. До этого спикер ливанского парламента Набих Берри заявил о том, что Ливан готов подписать соглашение по делимитации морской границы с Израилем и созданию Особой экономической зоны. 15 мая с.г. Саттерфилд провел длительную встречу с премьер-министром Ливана Саадом Харири. При этом С.Харири вручил ему документы, отражающие консолидированный подход ливанского руководства к данной проблеме. Одновременно министр энергетики Ливана Нада Бустани сообщила о том, что компании, выигравшие тендер, начнут бурильные работы на спорном 9-м блоке уже в январе 2020 года. Она также проинформировала о новом тендере на разработку еще трех блоков. Желаящие компании при этом должны представить свои заявки не позже 3 января 2020 года. 20 мая Дэвид Саттерфилд вновь посетил Ливан, проведя переговоры с президентом Мишелем Ауном и спикером парламента Набихом Берри. Он отметил, что Израиль готов вести переговоры по демаркации морских границ. Детали достигнутых договоренностей не разглашаются, но высшие руководители Ливана делают оптимистические заявления. Например, спикер парламента Набих Берри расценил результаты переговоров с Саттерфилдом как «дипломатическую победу Ливана»¹⁶.

Таким образом, экономика выходит на первое место среди вызовов стабильности Ливана. После постепенной стабилизации обстановки в соседней Сирии, где правительство взяло под контроль около 80% территории, уменьшения уровня насилия в САР, а также снижения уровня террористической угрозы, вызовы терроризма и экстремизма для Ливана также существенно сократились. Одновременно в последние годы наблюдается и снижение уровня иностранного вмешательства во внутреннюю

политику этой страны. По мнению ливанских экспертов, влияние таких держав, как Иран, Саудовская Аравия и США на парламентские выборы в мае 2018 года и последующее формирование правительства было минимальным. Иран был поглощен обострением отношений с США и санкционными делами, а Эр-Рияд – международным скандалом, связанным с делом Джамала Хашогги¹⁷. Вместе с тем социально-экономические проблемы ставят под угрозу общенациональный консенсус и политическую стабильность в Ливане. Одновременно, по мнению министра иностранных дел Джебрана Басиля, они могут привести к подчинению Ливана интересам иностранных государств уже через экономику¹⁸. От эффективности новой экономической политики кабинета министров зависит не только сохранение социальной стабильности в стране, но и реализация амбициозных планов по превращению Ливана в один из важнейших финансово-экономических центров Ближнего Востока.

¹ Abi Akl Y. Gouvernement: le Hezbollah accentue les pressions “sunnites” sur Hariri.// <https://www.lorientlejour.com/article/1144017/le-hezbollah-accentue-les-pressions-sunnites-sur-hariri.html>

² Haddad S. Le noeud Sunnite: deux approches diametralement opposees.// <https://www.lorientlejour.com/article/1141693/le-noeud-sunnite-deux-approches-diametralement-opposees.html>

³ Hariri’s new government announced after nine months of delay.// <http://www.naharnet.com/stories/en/255988-hariri-s-new-government-announced-after-nine-months-of-delay>

⁴ Abi Akl Y. Qui sont les femmes ministres dans le gouvernement du Hariri.// <https://www.lorientlejour.com/article/1155351/qui-sont-les-femmes-ministres-du-gouvernement-hariri.html>

⁵ France pledges 550 mln euro in loans and aid for Lebanon in donor conference.// <https://www.alaraby.co.uk/english/news/2018/4/6/france-pledges-550-million-euros-for-lebanons-economy>

⁶ Elamine N. Lebanon on the edge as government threatens austerity.// <https://www.asiatimes.com/2019/05/article/lebanon-on-edge-as-govt-threatens-austerity/>

⁷ Там же.

⁸ Акики В. Аль-куруд аль-мутаассира: Аль-ваджихи аль-ахейр ли азма аль-масариф.// <https://www.al-akhbar.com/Issues/272003/>

⁹ Khalil: Lebanese Lira not depreciating. State budget will be approved next week.// <http://www.naharnet.com/stories/en/258813-khalil-lebanese-lira-not-depreciating-state-budget-to-be-approved-this-week>

¹⁰ Elamine N. Lebanon on the edge as government threatens austerity.// <https://www.asiatimes.com/2019/05/article/lebanon-on-edge-as-govt-threatens-austerity/>

¹¹ 0,4% мин аль-маданиин йастахвазуна аля 57% мин аль-дуйун.// https://www.al-akhbar.com/In_numbers/272007/04-

¹² Там же.

¹³ Elamine N. Lebanon on the edge as government threatens austerity.// <https://www.asiatimes.com/2019/05/article/lebanon-on-edge-as-govt-threatens-austerity/>

¹⁴ As Cabinet talks austerity, protesters cry «Thieves!»// <http://www.naharnet.com/stories/en/259934-as-cabinet-talks-austerity-protesters-cry-thieves>

¹⁵ Iran sanctions to hit Hezbollah welfare programs.// <https://www.asiatimes.com/2019/05/article/iran-sanctions-to-hit-hezbollah-welfare-programs/>

¹⁶ Berri hails “Victory” in border demarcation talks.// <http://www.naharnet.com/stories/en/260474-berri-hails-victory-in-border-demarcation-talks>

¹⁷ Haddad S. Ni grands débats politiques...ni financement externe.// <https://www.lorientlejour.com/elections/article/1106590/ni-grands-debats-politiques-ni-financement-externe.html>

¹⁸ Bassil says world wants to weaken, subjugate Lebanon through economy.// <http://www.naharnet.com/stories/en/259719-bassil-says-world-wants-to-weaken-subjugate-lebanon-through-economy>

Е.Л. Перес

ПРОБЛЕМА КОРРУПЦИИ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИЗРАИЛЕ

В 2002 г. по Индексу восприятия коррупции (ИВК) Израиль был на 18-м месте. В ИВК за 2018 г. он находится на 34-м месте¹. Неправительственная организация Transparency International оценила уровень восприятия коррупции в Израиле 2018 года в 61 балл из 100 (максимальный балл означает минимальный уровень). В 2017 году этот показатель составлял 62 балла, а в 2016-м – 64. Соответственно, если в 2016 году Израиль занимал 28-е место из 176 стран, в 2017 г. он находился уже на 32-м месте, то по итогам на 2018 год, как уже было упомянуто, еврейское государство по уровню восприятия коррупции находится на 34-м месте из 180 стран².

Рейтинг ИВК публикуется с 1995 года. Оценка уровня восприятия коррупции производится аналитиками и предпринимателями из 180 стран мира по столбальной шкале. Индекс основывается на нескольких независимых опросах, в которых принимают участие международные финансовые и правозащитные эксперты, в том числе из Азиатского и Африканского банков развития, Всемирного банка и американской организации Freedom House³. Среди параметров, которые учитываются при составлении рейтинга, – способность органов власти противостоять коррупции, эффективность таких действий, способность правоохранительных органов пресекать проявления кор-

рупции в высших эшелонах власти, а также уровень коррумпирования этих эшелонов власти (злоупотребления служебным положением в госсекторе, кумовство, политические назначения и пр.), свобода правозащитной деятельности и прессы и пр.

Если судить по нынешнему рейтингу, то по всем этим показателям Израиль четко соответствует Ботсване (делит с ней 34-е место), уступает Катару (33), но опережает Польшу (36). Из стран OECD Израиль занимает 23-е место из 36. Следует отметить, что, по всей видимости, основное влияние на ежегодное понижение рейтинга в ИВК оказывает коррупция в высших эшелонах власти. Понижение рейтинга происходило на фоне обнародования рекомендаций полиции по делам «1000» и «2000», заведенным против премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, а также на фоне публикации материалов расследования и арестов по делу «4000».

Кроме того, четвертое правительство Биньямина Нетаньяху (34-й кабинет министров Государства Израиль) побило все исторические рекорды по количеству обвиняемых в коррупции министров. В начале февраля 2018 года полиция рекомендовала прокуратуре отдать министра социального обеспечения Хаима Каца (Ликуд) под суд. Как сообщают в полиции, собранная доказательная база достаточна для предъявления обвинений в коррупции, злоупотреблении служебным положением в целях продвижения собственных интересов, получении взяток, мошенничестве, вымогательстве и угрозах⁴. Речь идет преимущественно о периоде, когда Хаим Кац занимал пост председателя трудового комитета концерна «Авиационная промышленность». Он и еще несколько человек, как утверждает следствие, подозреваются в получении взяток и использовании ресурсов концерна для личных надобностей. Министра социального обеспечения подозревают также в нарушении регламента, прописанного юридическим советником правительства: в частности, во вмешательстве в процесс избрания председателя совета директоров концерна⁵.

Однако данные рекомендации полиции не помешали Хаиму Кацу участвовать в праймериз партии Ликуд и занять достойное 13-е место⁶. На момент написания данной статьи, предположительно, в новом правительстве Нетаньяху Хаим Кац продолжит занимать должность министра социального обеспечения, как и в предыдущей каденции⁷. Конечно, как только министру будут предъявлены официальные обвинения, ему придётся незамедлительно покинуть свой пост⁸, но пока этого не произошло, он может по праву пользоваться презумпцией невиновности.

Давид Битан – бывший председатель правительственной коалиции – подозревается в получении многомиллионной взятки от главы организованной преступной группировки и в ряде других нарушений, относящихся к периоду его пребывания на посту заместителя мэра Ришон ле-Циона. 7 марта 2019 года представители полиции Израиля заявили о том, что дело объемом 670 страниц будет передано в прокуратуру с рекомендацией привлечь Давида Битана к уголовной ответственности за 12 эпизодов коррупционных преступлений и получение взятки на сумму 430 000 шекелей⁹.

В полиции также заявили, что располагают достаточной доказательной базой для предъявления обвинений 12 другим фигурантам дела, включая бывшего мэра Ришон ле-Циона Дова Цура, бывшего вице-мэра Тель-Авива Арнона Гилади и гендиректора строительной компании «Дения-Сибус» Ронена Гинзбурга¹⁰. В декабре 2017 года Битану пришлось расстаться с постом председателя коалиции: в связи с серьезными подозрениями в свой адрес он самостоятельно подал премьер-министру и лидеру партии Ликуд Биньямину Нетаньягу заявление об отставке. При этом Битан сохранил депутатский мандат. Однако Битану, как и Кацу, данная ситуация абсолютно не помешала занять 24-е место в предвыборном списке Ликуда, и, как утверждают некоторые израильские СМИ, рассчитывать вновь на должность председателя коалиции¹¹.

Дополнительным фактором, повлиявшим на позицию Израиля в рейтинге коррупции в 2018 году, стало расследование уголовного дела против министра внутренних дел Арье Дери. 20 ноября 2018 года полиция сообщила о завершении расследования в отношении Арье Дери. По сообщению пресс-службы полиции, была собрана доказательная база, позволяющая предъявить главе ШАС обвинения в мошенничестве, обмане общественного доверия, отмывании денег, налоговых правонарушениях и создании помех ходу следствия¹². Предположительный объем выгоды, полученной министром внутренних дел и лидером партии ШАС от сокрытия налогов, в котором он подозревается, оценивается в 2 млн шекелей. Общий объем сделок, фигурирующих в проводимом полицией и налоговым управлением расследовании, составляет 8 млн шекелей. Арье Дери подозревался также в получении взяток, однако следственные органы не обнаружили улик, обосновывающих эти подозрения¹³.

10 апреля 2019 года – на следующий день после выборов в Кнессет – некоторые израильские СМИ заявили о том, что ожидается, что юрсоветник правительства Авихай Мандельблит должен будет предупредить Биньямина Нетаниягу, что глава ШАС Арье Дери не может занимать пост министра сразу после праздника Песах. Аналогичные предупреждения об опасности назначения на посты министров юридический советник должен будет дать и в отношении депутатов от Ликуда Давида Битана и Хаима Каца. Против парламентариев также возбуждены уголовные дела, расследование по которым находится на финальной стадии, и существует большая вероятность, что им будут предъявлены обвинения¹⁴.

В последние годы немало израильских политиков бывали за решеткой по обвинению в подобных преступлениях. Самым резонансным делом было расследование в отношении экс-премьера Эхуда Ольмерта, приговоренного судом по «делу Холиленд». Первый приговор – 6 лет лишения свободы по двум эпизодам получения взяток –

вынес окружной суд Тель-Авива. Ольмерт обжаловал вердикт, и был частично оправдан¹⁵. Затем его признали виновным в получении 60 тысяч шекелей от государственного свидетеля Шмуэля Дехнера. Посредником в этой сделке выступала Шула Закен, работавшая главой канцелярии Ольмерта. В итоге бывший глава правительства был приговорен к 18 месяцам заключения.

Министр внутренних дел и лидер партии ШАС Арье Дери был осужден в 1999 году за получение взятки. Приговор суда низшей инстанции – 4 года лишения свободы – смягчил Верховный суд, сократив его на 1 год. В итоге Дери провел в тюрьме два года¹⁶. Ныне покойного министра Биньямина (Фуада) Бен-Элиэзера в 2015 году признали виновным в получении взятки. Обвинение было аннулировано в связи со смертью подсудимого. Процесс по делу бизнесмена, давшего взятку, все еще продолжается¹⁷.

Статья 284 Уголовного кодекса Израиля определяет наказание за правонарушение, которое квалифицируется как «обман общественного доверия». Максимальный срок лишения свободы по этой статье – до трех лет¹⁸. В 2003 году был приговорен к 4 годам заключения экс-министр Шломо Бенизри (ШАС), осужденный за взятку и обман общественного доверия. В 2017 году в соответствии с условиями юридической сделки был осужден экс-министр Стас Мисежиков. Его приговорили к 15 месяцам тюремного заключения по обвинению в обмане общественного доверия¹⁹.

Юридический советник правительства Авихай Мендельблит считает, что есть основания подать против премьер-министра Израиля Биньямина Нетаниягу обвинительные заключения по трем делам по подозрению во взятках, мошенничестве и нарушении общественного доверия. Окончательное решение о предъявлении обвинений будет принято по результатам слушаний²⁰. Основной закон о правительстве Израиля не обязывает премьер-министра уходить в отставку после предъявления

обвинительного заключения. По сути, решение вопроса будет проходить не в правовом поле, а в общественно-политическом.

Бывший министр юстиции, известный израильский правовед профессор Даниэль Фридман подчеркивает, что в данной ситуации в интересах Нетаньяху (но не государства) оставаться в кресле премьера, пока идет судебный процесс. Опыт прошлых лет показывает, что у действующего политика куда больше шансов на оправдательный вердикт. Если же процесс начнется при неблагоприятных для премьера обстоятельствах, после его смещения с должности, то шансы на оправдание автоматически снизятся – даже при недостаточно убедительных аргументах обвинения. Даниэль Фридман полагает, что в ситуации, когда премьер-министр государства обвиняется в коррупции сразу по нескольким делам, вмешательство БАГАЦа неминуемо. «Высший суд справедливости не обладает полномочиями, позволяющими сместить действующего главу правительства. Однако нам известно, что БАГАЦ уже не раз выходил за рамки своих полномочий, и можно предположить, что так будет и в данном случае. Предсказать исход кризиса крайне трудно», – пишет автор²¹.

Политический обозреватель издания «Гаарец» Узи Барам полагает, что Б. Нетаньяху воспользуется своей победой на выборах для своей реабилитации. «Народ сочтет его невиновным. И для него будет критически важным бесстыдно вырваться из затяжного юридического процесса, как он и намерен сделать – став первым израильским премьером, оставшимся на посту после обвинительного заключения и продолжавшим управлять страной, защищая себя в суде», – пишет автор²². Цель Б. Нетаньяху, по мнению У.Барамы, – изобразить всю ситуацию, как битву между волей народа, воплощенной в премьер-министре, и темными махинациями никем не избранных судей и прокуроров. Нетаньяху прекрасно понимает, что как только ему предъявят обвинительное заключение, юридическая ситуация станет совершенно неопределенной:

что бы ни заявляли публично его приближенные, ясно, что премьер-министр должен уйти в отставку только после осуждения в суде²³. Из этого следует, что израильская юридическая система, умеющая отстаивать свои интересы, постарается добиться смещения Нетаньяху, чтобы затем одержать над ним победу в суде²⁴.

Подводя итог прошедших 9 апреля выборов, можно с уверенностью сказать, что те, кто голосовал за Биньямина Нетаньяху и его партию, хорошо понимали, что любая коалиция, которую он создаст, будет использовать свои законодательные полномочия, чтобы принять законы с единственной целью – не дать ему предстать перед судом. Для того чтобы такой закон обрел силу, необходима поправка, как минимум, к одному из основных законов, и весьма сомнительно, что инициатива сторонников Нетаньяху найдет поддержку у большинства депутатов нового Кнессета. Это не значит, что попыток не будет. Более того, вопрос об иммунитете от судебного преследования может стать одним из камней преткновения новой коалиции.

Так или иначе, вновь избранный премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, который настаивает на том, чтобы оставаться на посту, несмотря на многочисленные обвинения, вероятнее всего, в очень скором времени станет ответчиком в Верховном суде. К какому бы решению ни склонились судьи, все происходящее будет близко к конституционному кризису, когда судебная власть должна будет решить, останется ли на своем месте исполнительная власть. Это будет тяжелейшим вызовом для израильской демократии и несомненно понизит рейтинг еврейского государства в ИВК.

¹ Corruption Perceptions Index 2018 – Transparency International. [Electronic resource]. – 29.01.2019. – Режим доступа: <https://www.transparency.org/cpi2018>

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ בלי אוטובוסים, עם המלצה לכתב אישום: חיים כץ לא (Таль Шнайдер). טל שניידר יכול היה לייחל לתוצאות טובות יותר (Без автобусов, с рекомендацией о предъяв-

лении обвинения: Хаим Кац не мог бы желать лучших результатов) // גלובס. [Электронный ресурс]. – 6.02.2019. – Режим доступа:

<https://www.globes.co.il/news/article.aspx?did=1001272100>

⁵ דניאל דולב, טל שלו ודנה ירקצי (Даниэль Долев, Таль Шело и Дана Яркакци). בהחלטת היועמ"ש: השר חיים כץ יועמד לדין על שוחד בכפוף לשימוע הדיוני (В решении юридического советника: министр Кац предстанет перед судом по обвинению во взятке) // גלובס. [Электронный ресурс]. – 24.05.2018. – Режим доступа: <https://news.walla.co.il/item/3160688>

⁶ ספי עובדיה עקיבא נוביק (Софи Овадья и Акива Новак). התוצאות הסופיות בפריימריז (Окончательные результаты праймериз в Ликуде: нет изменений в первой пятёрке) // חדשות 13 [Электронный ресурс]. – 13.02.2019. – Режим доступа: <https://13news.co.il/10news/news/182053>

⁷ צבי זרכיה (Цви Захария). סער, כחלון לאוצר, ליברמן לביטחון, חלקת התיקים המסתמנת: ליברמן לביטחון, כחלון לאוצר, סער (Вероятное распределение портфелей: Либерман – министр обороны, Кахлон – министр финансов, Саар – туризма) // כלכליסט. [Электронный ресурс]. – 17.04.2019. – Режим доступа:

<https://www.calcalist.co.il/local/articles/0,7340,L-3760670,00.html>

⁸ טל שניידר (Таль Шнайдер). עם המלצה לכתב אישום: חיים כץ לא יכול (Без автобусов, с рекомендацией о предъявлении обвинения: Хаим Кац не мог бы желать лучших результатов) // גלובס. [Электронный ресурс]. – 6.02.2019. – Режим доступа:

<https://www.globes.co.il/news/article.aspx?did=1001272100>

⁹ אלי סניור (Эли Сениор). ראיות לאישום נגד דוד ביטן: שוחד במאות אלפי שקלים (Улики в пользу обвинений против Битана: взятки в размере сотен тысяч шекелей) // YNET. [Электронный ресурс]. – 7.03.2019. – Режим доступа: <https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-5474821,00.html>

¹⁰ Ibid.

¹¹ צבי זרכיה (Цви Захария). סער, כחלון לאוצר, ליברמן לביטחון, חלקת התיקים המסתמנת: ליברמן לביטחון, כחלון לאוצר, סער (Вероятное распределение портфелей: Либерман – министр обороны, Кахлон – министр финансов, Саар – туризма) // כלכליסט. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.calcalist.co.il/local/articles/0,7340,L-3760670,00.html>

¹² המשטרה ממליצה להעמיד (Эли Сениор и Това Цимуки). אלי סניור וטובה צימוקי (Полиция рекомендует отдать под суд министра Дери) // YNET. [Электронный ресурс]. – 20.11.2018. – Режим доступа:

<https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-5409986,00.html>

¹³ גדי ליאור (Гад Лиор). החשד: דרעי הרוויח שני מיליון שקלים מהעלמות המס (Подозрение: Дери заполучил два миллиона шекелей путём сокрытия налогов) // YNET. [Электронный ресурс]. – 22.11.2018. – Режим доступа: <https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-5411684,00.html>

¹⁴ מנדלבלית: קיים קושי בצירוף דרעי לממשלה (Предположительно Мендельблит: существует сложность с присоединением Дери к правительству) // סרוגים. [Электронный ресурс]. – 10.04.2019. – Режим доступа:

<https://www.srugim.co.il/331149->

%d7%9e%d7%a0%d7%93%d7%9c%d7%91%d7%9c%d7%99%d7%98-
%d7%a7%d7%99%d7%99%d7%9d-%d7%a7%d7%95%d7%a9%d7%99-
%d7%91%d7%a6%d7%99%d7%a8%d7%95%d7%a3-
%d7%93%d7%a8%d7%a2%d7%99-
%d7%9c%d7%9e%d7%9e%d7%a9%d7%9c%d7%94

הערכה שהיועמ"ש יודיע לנתניהו: קושי בצירוף דרעי (Товар Цимуки). טובה צימוקי (Юрсоветник предупредит Нетаньягу, что Дери нельзя назначать министром) // YNET. [Электронный ресурс]. – 10.04.2019. – Режим доступа: <https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-5492410,00.html>

¹⁵ גלעד מורג (Галь Морар). שוחד, מרמה והפרת אמונים: החומרה והעונשים (Взяточничество, мошенничество и подрыв доверия: степень тяжести и наказания) // YNET. [Электронный ресурс]. – 01.03.2019. – Режим доступа:

<https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-5471475,00.html>

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ דניאל פרידמן (Даниэль Фридман). בחירות בכפוף לשימוע (Выборы на основании судебных слушаний) // YNET. [Электронный ресурс]. – 17.02.2019. – Режим доступа: <https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-5464769,00.html>

²¹ Ibid.

²² עוזי ברעם (Узи Барам). האם יש בישראל הסכמה ששחיתות זה רע? (Считают ли в Израиле, что коррупция это – плохо?) // הארץ. [Электронный ресурс]. – 13.03.2018. – Режим доступа: <https://www.haaretz.co.il/opinions/premium-1.5893324>

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

Ф.О. Плещунов

**К ВОПРОСУ О РОЛИ ЖЕНЩИН
В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ИСЛАМИСТСКИХ, ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИХ
И УЛЬТРАПРАВЫХ ИДЕОЛОГИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ**

Высказывания и действия Усамы бен Ладена, Аймана аз-Завахири, Анвара аль-Авлаки, Абу Бакра аль-Багдади и других мужчин-лидеров исламистских групп и организаций ещё не так давно являлись для СМИ информационными поводами, по резонансу нередко не уступавшими организованным исламистами террористическим атакам. Однако к концу второго десятилетия XXI в. почти все эти одиозные фигуры по разным причинам постепенно исчезли из новостных сводок и из поля зрения аналитиков, а на смену им так и не пришли фигуры сопоставимого масштаба и влияния, что, по нашему мнению, вполне можно считать одной из причин упадка такого некогда сверхвлиятельного среди исламистов движения, как «Аль-Каида» (запрещена в РФ).

Роль мужчины-лидера имеет в современном мире все меньше значения, и эти изменения затрагивают, в том числе, экстремистские организации, чаще всего строящиеся в соответствии с ультрапатриархальными ценностями и установками традиционного общества (в первую очередь это, естественно, касается псевдоисламских организаций). И хотя в традиционных обществах процессы

переосмысления социальных парадигм идут гораздо более медленными темпами, можно с уверенностью говорить о том, что уже в «Исламском государстве» (террористическая организация, запрещена в РФ) роль аль-Багдади как номинального лидера была несоизмеримо меньше того авторитета, которым в рамках «Аль-Каиды» обладали бен Ладен и аз-Завахири.

В то же время существенно больше внимания с каждым годом уделяется историям и событиям, в центре которых находятся женщины, благодаря чему у женщин появилось гораздо больше возможностей влиять на ситуацию даже там, где ещё не так давно это могло бы показаться как минимум маловероятным, если не невозможным. В данном контексте речь идёт, в том числе, и о их влиянии на распространение исламистских, традиционалистских и ультраправых идеологий во всем мире, но прежде всего там, где для этого есть все условия – в современных обществах Европы и США. Точнее, о противодействии распространению таких идеологий, движущими силами которых в подавляющем числе случаев всегда были мужчины.

Причем роль женщин в современном обществе возросла настолько, что их влияние на ситуацию может быть как намеренным, посредством предпринимаемых действий или проводимых исследований, так и опосредованным (и даже нежелательным для них самих), просто благодаря тому, что они находятся в центре внимания той или иной истории. Это могут быть сбежавшая в Сирию и вступившая в «Исламское государство» британка бангладешского происхождения Шамима Бегум, страдающая от преследования пакистанских религиозных фанатиков христианка Асия Биби или исследовательница Фонда Киллиама Муна Адил, поднимающая вопросы насилия над женщинами (прикрывающегося якобы установками традиционного общества или религиозными предписаниями), которые ещё совсем недавно были вне поля зрения широкой общественности по причине различных социально-гендерных табу или предрассудков.

Все чаще различные ситуации, в центре которых находятся женщины, или инспирированные ими прецеденты, кампании и расследования становятся поводом не только для серьезных действий со стороны властей европейских государств (во главе немалого количества которых сегодня также находятся женщины), но и для пересмотра законодательных подходов к решению вопросов, связанных с экстремистскими и террористическими идеологиями. Это означает, что пропорционально растет и роль женщин в противодействии усилению нарратива исламистских и ультраправых идеологий в Европе. Даже в самых, казалось бы, неочевидных ситуациях.

К таковому относится как раз случай Шамимы Бегум, ставшей символом всех европейек, присоединившихся в последние годы к террористическим группировкам, преимущественно к ИГ, в поисках им одним ведомого «счастья», и после поражения ИГ и окончания основной фазы гражданского конфликта в Сирии пожелавших вернуться в Европу, чтобы в комфортных условиях, предполагающих получение разнообразных пособий, растить своих детей. Ещё в 2015 г. Бегум в 15-летнем возрасте сбежала в Сирию, где присоединилась к ИГ, выйдя замуж за одного из боевиков, гражданина Нидерландов Яго Ридейка. Комментируя свое положение на начало 2019 г., Бегум заявила в интервью «Таймс» следующее: «Я не жалею о содеянном, но я хочу вернуться в Великобританию и хочу, чтобы именно там появился на свет мой ребенок»¹. Такая позиция, как ни странно, вызвала горячую дискуссию в британском обществе, однако не нашла поддержки у главы МВД Саджида Джавида, вынесшего решение о лишении Бегум британского гражданства. При этом статус ее новорожденного ребенка (который, само собой, не несёт ответственности за проступки матери) не был определен, а родственники экстремистки заявили, что опротестуют решение С. Джавида.

В аналогичной ситуации оказалась и подданная Швеции, имя которой не упоминалось в СМИ, уехавшая в Си-

рию ещё раньше Бегум, в 2013 г. Она также присоединилась к ИГ и вышла замуж за боевика, родив двоих детей. После поражения экстремистов в Сирии у нее так же, как и у Бегум, неожиданно проявилось жгучее желание вернуться на родину и там воспитывать детей: «Я хочу вернуться домой, однажды проснуться в Швеции, будто и не было последних шести лет. Хочу похоронить эти воспоминания, просто забыть об этом навсегда»².

Так же, как и в Великобритании, среди политического истеблишмента Швеции нашлись те, кто предложил лишать подобных «возвращенцев» подданства. В частности, такую позицию заняла консервативная партия «Шведские демократы», третья по численности в национальном парламенте. «Да, это разумный способ защитить Швецию от исламизма. Я не вижу иного пути. Не исключено, что нам придётся держать людей под стражей в течение длительного времени, пока мы выясняем, куда их перенаправить. Но Швеция – точно не вариант», – прокомментировал инициативу один из депутатов от партии Адам Мартинен³. Однако первым серьезным судебнo-юридическим прецедентом такого рода можно считать решение апелляционного суда Бельгии, принятое в конце февраля 2019 г., согласно которому в возвращении на родину было окончательно отказано двум 26-летним подданным страны, Татьяне Вьеландт и Бухре Абдуаллал. Первоначально речь шла о том, что в Бельгию будут переправлены шестеро детей экстремисток, но после этого решения судебных органов, судя по всему, не смогут вернуться и они.

Не репатриировать детей джихадистов в марте 2019 г. решили в Дании. Согласно правительственному законопроекту, дети, рождённые датскими джихадистами за границей, больше не смогут претендовать на получение подданства. «Поскольку их родители повернулись к Дании спиной, больше нет причин, позволяющих детям стать гражданами Дании», – прокомментировал инициативу министр по делам иммиграции Ингер Стойберг (Inger Støjberg)⁴.

Позицию датских властей можно считать особенно показательной и последовательной, если учесть, что проблема с джихадистами-возвращенцами стоит перед страной далеко не так остро, как перед некоторыми ее соседями на континенте. По разным данным, лишь порядка 40 европейцев, находившихся на начало 2019 г. на территориях, где действовало ИГ и воевавших за эту террористическую организацию, являлись гражданами Дании, и число детей, рождённых этими людьми в этот период, достоверно известно не было. Тем не менее ещё с 2016 г. в стране действует закон, по которому преступниками являются все, кто воевал в зонах конфликтов на стороне террористов. Суд признал виновными в этом 13 человек, 9 из которых были лишены датского гражданства и высланы из страны. Подобные законы, среди прочего, позволяют не понимающей, что происходит, общественности отличить реальное раскаяние в содеянном от показного или «удобного» раскаяния по обстоятельствам, что очевидным образом имело место в случае с двумя бельгийками, о которых речь шла ранее.

В отличие от Бегум бывшие бельгийки, находясь в сирийском лагере для беженцев «Аль-Хул», сожалели о своем решении присоединиться к ИГ, однако это не должно было повлиять и не повлияло на их ситуацию: «Я совершила ошибку, и за это меня надо наказать. Мое единственное желание – вернуться к нормальной жизни со своими детьми и забыть прошлое. Считайте, что мы уже наказаны. Мы находимся в этом лагере уже полтора года. Жизнь здесь – настоящая пытка», – цитирует Абдуаллал телеканал Euronews⁵. Весьма показательным, что свою ошибку исламистки признали только 2019 г., когда «Исламское государство» «лежит в руинах», и только со второй попытки. Первую они даже не подумали использовать в 2014 г., когда вернулись беременные из Сирии в Бельгию после гибели своих мужей в боях на стороне ИГ. В 2015 г. они вновь отправились в Сирию и вот теперь, в 2019 г., решили, что наступило подходящее время

признать свои ошибки. «Я понимаю, что люди напуганы, но они судят о нас, не зная нас», – приводит Reuters ещё одну цитату Абдуаллал⁶.

Возникает закономерный вопрос: насколько же хорошо надо «узнать» человека, добровольно (и даже не единожды) примкнувшего к террористическим движениям вроде ИГ, чтобы выносить о нем и его деятельности суждения? И кто достаточно компетентен и авторитетен, чтобы расписать все эти степени «узнавания» и «принятия» террориста? И все же представляется, что говорить в данном контексте скорее стоит о том, должен ли человек, независимо от пола и социального статуса, всё-таки нести ответственность за решения, которые он принимает, особенно если эти решения связаны с терроризмом. Ответ «должен» представляется единственно верным, а любые попытки организовать дискуссию – неуместными.

Почти наверняка подобной дискуссии бы не возникло в обществе и СМИ, если бы речь шла о желающих вернуться к комфортной жизни в Европе боевиках-мужчинах, поскольку в таком контексте общество вполне закономерно воспринимает ситуацию однозначно негативно и чаще всего не видит повода для обсуждений или сочувствия. Это подтверждает ситуация с Александом Котеем и Эл Шафии Эльшейхом (Alexanda Kotey and El Shafee Elsheikh), последними двумя участниками ячейки ИГ, занимавшейся обезглавливанием и пытками заложников-европейцев и американцев, возглавлявшейся печально известным Джихади Джоном и получившей в СМИ обозначение «Битлз». Их обоих лишили британского гражданства ещё в марте 2018 г.

Причастный к обезглавливанию как минимум 27 человек Эльшейх в интервью «Ассошиэйтед пресс» назвал решение об отзыве у него британского гражданства «незаконным», а также прокомментировал ситуацию следующим образом: «Теперь мы можем оказаться в любой стране, где с нами будут обращаться неизвестно как и никто не сможет за нас поручиться. Если однажды мы

просто исчезнем, куда придет моя мамочка, чтобы спросить «где мой сынок»?⁷ В тот раз большого резонанса и широкой общественной дискуссии по поводу решения об отзыве гражданства не вышло, однако ситуация с участницей ИГ Бегум очевидным образом трактуется по-другому.

В то же время истории женщин-экстремисток, вызвав куда больший интерес, спровоцировали дискуссию на самом высоком уровне о необходимости имплементации законодательных норм, призванных предотвратить возвращение в Европу бывших террористов, независимо от их гендерной принадлежности и социального статуса. Тем не менее данная ситуация с лишением европейского гражданства за сотрудничество с террористическими организациями может стать важным прецедентом и серьезным рычагом воздействия на всех, кто хочет строить в Европе «лучшую жизнь», параллельно пытаясь отличиться перед кураторами из исламистских движений. Ещё сильнее эффект может быть, если действие данной меры будет распространено на всех родственников замеченного в связях с террористами, по принципу, обратному иммиграционной норме, согласно которой приезжавшие в Европу могли перевезти туда и членов своих семей.

Ещё одной нашумевшей попыткой попасть в Соединённое Королевство (впрочем, кроме Великобритании возможными целями были также США и Канада) на рубеже 2018-2019 гг. стал случай Асии Биби – история, во многом противоположная тому, что произошло с Шамимой Бегум, но также ставшая своего рода важной вехой в том, что касается роли женщин в снижении влияния исламизма в мире, в частности, и экстремистских идеологий вообще. История нелепого массового преследования пакистанской христианки невежественными экстремистами, получившая мировую известность во многом благодаря тому, что в центре ее была женщина.

Асию Биби обвинили в 2010 г. по закону о богохульстве за то, что она за год до этого выпила воды из колодца

исламистской общины, после чего члены общины посчитали, что они больше не смогут притронуться к этой воде. С тех пор Биби содержалась под стражей в ожидании смертной казни за свой тяжкий проступок. После снятия обвинений в октябре 2018 г. родственники и сочувствующие Биби ожидали ее освобождения, однако вместо этого, несмотря на ее юридический статус невиновной, перед ней вновь замаячила угроза смертной казни.

Все потому, что у правительства Пакистана оказалось недостаточно политической воли, чтобы противостоять требованиям исламистов, призывающим вопреки решению Верховного суда страны «Повесить Асию Биби» (надпись на плакатах во время маршей протеста). Под давлением исламистов власти поместили Асию Биби в список людей, не имеющих права покидать Пакистан, при этом оставив ее в заключении на время рассмотрения апелляции исламистов, что, по мнению председателя Британской пакистанской христианской ассоциации Уилсона Чоудри, уже означало для нее смертный приговор.

Угрозы жизни весь этот период получали и судьи-мусульмане (включая председателя Верховного суда), оправдавшие Биби. «Все трое (судей) заслуживают смерти. Либо их телохранители должны убить их, либо водители, либо повар. Любой, у кого есть доступ к ним: убейте их до наступления ночи», – открыто и буднично раздавал приказы участникам протестных выступлений в Лахоре один из экстремистов и сооснователей партии «Техрик-э-Лабайк» Мухаммад Афзал Кадриль (Muhammad Afzal Qadri). Именно телохранитель еще в 2011 г. убил губернатора провинции Пенджаб мусульманина Салмана Тасира, высказавшегося об абсурдности приговора Биби. И фактически на его костях чуть позже возникло исламистское движение «Техрик-э-Лабайк». Тогда же и по той же причине был убит министр по делам меньшинств христианин Шахбаз Бхатти. Впрочем, для государства, где законопроект о том, что женщины могут не вступать в брак до 18 лет, был отклонен по причине его якобы «богохульности»,

а сомнительные толкователи в погоне за собственным авторитетом берут на себя смелость игнорировать поступки пророка Мухаммеда, на которые, в том числе, ссылается Верховный суд, это вполне нормальная практика.

Как только стало понятно, что христианку не выпустят даже после оправдательного приговора пакистанского суда, родственники Биби подали прошения об убежище в нескольких ведущих странах Запада, одной из которых была Великобритания. Однако в отличие от ситуации с отзывом гражданства у Шамины Бегум, глава британского МВД Саджид Джавид не был скорым на решение, несмотря на обращение к нему посредством открытого письма известных британских политиков и общественных деятелей, включая Бориса Джонсона, а также поддержку возможного решения о предоставлении убежища Биби многими влиятельными британскими имамами. Не вызывает сомнений, что ситуация почти наверняка осталась бы незамеченной т. н. мировым сообществом и политиками стран Запада, если бы в центре ее был пакистанский мужчина-христианин, что в очередной раз возвращает нас к мысли о том, как важно не недооценивать влияние, которое женщины, намеренно или опосредованно, могут оказывать на распространение информации о деятельности экстремистов.

То, насколько малое внимание сегодня даже в Европе уделяется проблемам женщин, пострадавших от исламизма и подобных идеологий, насколько женщины сегодня уязвимы перед такими идеологиями, и в то же время то, насколько много сами женщины могут сделать в области противостояния этим идеологиям, демонстрирует работа, сделанная исследовательницей Фонда Киллиама Муной Адил.

В рамках своей деятельности для Фонда в 2017 г. М.Адил совместно с Харасом Рафиком подготовила доклад «Групповая сексуальная эксплуатация детей: анатомия организованных банд» (Group Based Child Sexual Exploitation: Dissecting Grooming Gangs) о британских

группировках выходцев из традиционных обществ Азии (прежде всего Пакистана), сексуально преследующих белых женщин, девушек и даже девочек⁸. В 2018 г. она продолжила свои исследования угнетенного положения женщин в развитых обществах типа британского, вызванного влиянием традиционалистских или экстремистских идеологий. На этот раз Адил сосредоточилась на такой во многом табуированной даже в странах Запада теме, как женское обрезание половых органов, представляющее собой прямое следствие влияния косных традиционалистских идеологий, граничащих с экстремистскими или являющихся таковыми⁹.

В Соединённом Королевстве с 1985 г. действовал Закон о запрете женского обрезания (Prohibition of Female Circumcision Act), призванный наказывать за проведение этой процедуры на территории страны лишением свободы на срок до 5 лет. В 2003 г. ему на смену пришел новый Акт для Англии, Уэльса и Северной Ирландии (Female Genital Mutilation Act), в 2005 г. – для Шотландии (Prohibition of Female Circumcision (Scotland) Act). Их действие теперь также распространялось и на процедуры, проведенные за границей гражданами или постоянными резидентами Соединённого Королевства, а наказание было увеличено до 14 лет лишения свободы. Оба упомянутых закона были в 2015 г. дополнены Законом о тяжких преступлениях (Serious Crime Act), в котором было введено понятие защитного ордера, призванного предотвратить вывоз девочек из страны для проведения процедуры за рубежом¹⁰.

Однако, несмотря на наличие столь внушительной законодательной базы, не предпринималось никаких реальных действий, и за более чем 30 лет никому не был вынесен ни один обвинительный приговор по этим законам. По данному показателю в 2018 г. Соединённое Королевство оставалось единственным государством среди стран Европы, где также действуют подобные законы. И это при том, что более 16 тыс. женщин, живущих в Ве-

Великобритании, признались, что прошли через эту процедуру, врачам и представителям различных организаций, пытающихся бороться с данной проблемой¹¹.

Объяснение этому простое: процедура женского обрезания наиболее распространена в странах с традиционным типом общества, где ей чаще всего присваивается псевдорелигиозный статус или статус традиции, нарушение которой означает бесчестье для отказавшейся девушки, а, следовательно, навлекает позор на весь ее род. Поэтому у девочек практически нет шансов сопротивляться навязыванию обрезания, а их ситуация усугубляется абсолютно подчинённым положением по отношению к мужчинам. По этой причине женское обрезание встречается достаточно часто в европейских странах и в Великобритании, в частности, которые, казалось бы, не могут иметь ничего общего с такими варварскими практиками. Однако многие представители иммигрантских общин на Западе продолжают придерживаться установок, которые они привезли со своей родины, потому что отступление от них равносильно позору.

Даже во втором десятилетии XXI в. процедуры обрезания успешно проводятся как в странах выхода, так и на британской территории при практически полном попустительстве властей страны. В том числе, и поэтому эксперты считают, что 16 тыс. жертв – это лишь верхушка айсберга, поскольку проблема гораздо глубже и гораздо шире распространена. Это подтверждает и статистика. В период с октября по декабрь 2017 г. в Великобритании было 1 030 новых случаев женского обрезания при полном отсутствии какой-либо реакции со стороны властей. «У нас есть все эти данные, но мы не предпринимаем никаких действий», – комментировала такую статистику Адил¹².

Только подчеркнуло глубину проблемы для Великобритании известие о том, что в Сомали, где эта варварская процедура до сих пор значительной частью населения воспринимается как нечто традиционное и естественное,

раньше Соединенного Королевства впервые в своей истории было объявлено о наказании виновных в смерти 10-летней девочки, последовавшей в результате процедуры обрезания. Удручающую картину довершают слова специализирующейся на проблеме и самой прошедшей через процедуру Лейлы Хусейн (Leyla Hussein), получившей докторскую степень и создавшей «Проект Даля» (the Dahlia Project) для помощи прошедшим через обрезание девушкам: «Некоторые из моих клиенток – это 19-летние девушки, которые прибыли в Великобританию детьми или родились здесь, и они скажут вам, что пройти процедуру их агитировали прямо на школьной площадке в Лондоне»¹³. Хусейн считает, что в противовес этой практике информация о пагубном и варварском характере данной процедуры должна быть представлена уже в школе, однако претворению подобных идей в жизнь мешает бездействие в этой области британского правительства.

Единственной сколько-нибудь работающей мерой со стороны властей Соединенного Королевства было издание в судебном порядке персонализированных запретов на выезд из страны для детей, для которых существует реальная угроза быть подвергнутыми процедуре за границей, на родине родителей или других родственников: за год к сентябрю 2016 г. было выписано 63 таких ордера, в 2017 г. – 98 и к сентябрю 2018 г. – 117¹⁴. Однако внимание, привлеченное к проблеме, в том числе, и во многом благодаря исследованию Муны Адил, существенным образом изменило ситуацию.

В частности, значительно ускорилось прохождение через все стадии парламентских слушаний поправки к Закону о детях от 1989 г., призванной распространить действие и этого закона на случаи обрезания женских гениталий с тем, чтобы суды Англии и Уэльса могли действовать быстрее в случаях, когда необходимо выписать ордер или т.н. приказ о надзоре, призванный защитить ребенка от угрозы проведения такой процедуры. Но главным достижением стал первый в стране обвинительный

приговор по делу о процедуре женского обрезания, о котором было объявлено 1 февраля 2019 г. По иронии судьбы этот случай стал примером того, как стремление женщины играть доминирующую роль приобрело нездоровые извращенные формы. Следствие установило, что обвиненная в совершении обрезания своей 3-летней дочери 37-летняя иммигрантка из Уганды увлекалась колдовством и возносила молитвы женскому божеству¹⁵.

Что же касается исключительно позитивной роли женщин в противодействии распространению традиционалистских идей и практик, то подобные инициативы, продвигаемые ими в обществах стран Запада, шаг за шагом постепенно сокращают рабочее пространство для разного рода экстремистов, исключая из него устаревшие или попросту варварские псевдорелигиозные установки и лжеценности, к которым те же исламисты привыкли апеллировать с самыми различными целями, начиная от обычного набора рекрутов и заканчивая пропагандой для увеличения своего влияния на самые широкие слои населения как в странах, общества которых все еще можно назвать традиционными, так и среди мусульманских общин в государствах Европы и США. Но если у женщин из традиционных обществ по-прежнему недостаточно возможностей что-либо изменить, то у женщин в Европе, напротив, есть практически все, чтобы зримо влиять на ситуацию вокруг них.

Так считают в Фонде Киллиама, заявляя устами его директора Хараса Рафика, что в рамках проектов, направленных на предотвращение радикализации и терроризма, «женщины действуют намного эффективнее любых, даже прямых, государственных инициатив и зачастую гораздо эффективнее мужчин, если дело касается взаимодействия с молодыми членами их семей обоего пола»¹⁶.

В последние годы Фонд организовал несколько проектов, призванных противостоять распространению экстремистских идей прежде всего исламистского толка

(основная специализация Фонда), но не ограничиваясь ими. Проекты действуют в Великобритании, США, Нигерии и других странах, и ведущую роль в них играют женщины.

Проект в Нигерии посвящен формированию у женщин, столкнувшихся с пропагандой исламистов, критического мышления, основанного на исламском принципе Ихтияф (уважение к другой точке зрения), с тем, чтобы они впоследствии могли применять его в своей работе с жертвами экстремистов или бывшими исламистами, проходящими реабилитацию. Именно на стадии работы с бывшими или потенциальными участниками и участницами исламистских движений находится проект, организованный Фондом Киллиама в 2018 г. в США. Отличительной чертой этой инициативы является использование геотаргетинга по мобильным устройствам, в результате чего определенным потенциально уязвимым для экстремистской пропаганды пользователям (а также членам их семей) в соцсетях предлагается контент противоположного содержания, в том числе видеообращения от бывших участников и участниц исламистских движений.

Основной в этой линейке проектов является инициатива FATE (Families Against Terrorism and Extremism, Семьи против терроризма и экстремизма), учрежденная в марте 2016 г. Главная цель – «усилить устойчивость семей перед процессами радикализации (кого-то из их членов) и укрепить их способность сопротивляться пропаганде идей насильственного экстремизма». Подобные проекты могут быть максимально эффективны именно в современных обществах стран Запада, в которых роль и влияние женщин с каждым годом становятся все больше. И все же, несмотря на эти возможности, до сих пор остаются области, в которых этот потенциал женщин практически не используется даже на Западе.

В течение текущей декады, и особенно с началом иммиграционного кризиса в Европе пропорционально росту влияния исламистских движений и пропаганды растет и влияние ультраправых идеологий. В некоторых случаях

рост идёт даже опережающими темпами на фоне резонансных терактов, совершаемых экстремистами из движений националистического толка. Тенденция усиления ультраправых среди прочего подтверждается статистикой по террористическим преступлениям от МВД Великобритании, согласно которой белые на 2017 г. составляли 38% от всех арестованных подозреваемых в террористической деятельности, на 1% обогнав подозреваемых азиатского происхождения (37%), при том, что черные в этой статистике составили 9%¹⁷. Несколько иные данные содержатся в обзоре от Палаты общин британского парламента от 7 июня 2018 г., озаглавленном «Терроризм в Великобритании: статистика». Если до 2017 г. среди арестованных (определение этнической принадлежности приведено со слов полицейских, проводивших задержание) были 40% азиатского происхождения и 30% белых, то уже по итогам 2017 г. число белых выросло до 35%. При этом подавляющее большинство арестованных за 2017 г. предсказуемо составили мужчины – 351 человек или 85% против 61 и 15% у женщин¹⁸.

Как бы то ни было, несмотря на эти статистические расхождения, а также на то, что большинство аналитиков и экспертов (и среди них Муна Адил) комментируют эти данные весьма однобоко, списывая всех белых подозреваемых исключительно на активность ультраправых и не учитывая, например, то обстоятельство, что белые вполне могут быть причастны и к исламистской террористической деятельности (в то время как обратное крайне маловероятно), тенденция активного усиления в Европе ультраправых и популяризации ими своей идеологии не подлежит сомнению.

При этом, как отмечает Муна Адил в своей статье для газеты «Индепенденд», в материалах ультраправых зачастую используется риторика, идентичная в основных своих призывах исламистской, но лишь с поправкой на конкретные цели. Например, такие термины, как «белый джихад» или «очищение Британии (в исламистском

контексте читай ислама – авт.) от паразитов». Методы и риторика исламистов и ультраправых в Соединённом Королевстве к концу второго десятилетия XXI в. настолько стали похожи друга на друга, что это среди прочего привело к тому, что в 2016 г. National Action стала первой ультраправой организацией в Великобритании, объявленной террористической. Это обстоятельство лучше всего свидетельствует в пользу того, что для решения проблемы с популяризацией ультраправых идей столь же хорошо подойдут методы, использующиеся для купирования угрозы со стороны исламистов. Что в свою очередь позволяет констатировать серьезную нехватку в настоящее время активных женщин, которые бы своими действиями, в том числе, участием в проектах наподобие тех, что организует Фонд Киллиама для противодействия исламистскому экстремизму (см. выше), могли серьезно способствовать снижению влияния пропаганды националистических движений в европейских странах.

В заключение нужно упомянуть еще двух женщин, которым благодаря своей активной позиции удалось привлечь внимание к проблеме распространения экстремистских идеологий. Это иракские правозащитницы и активистки езидского происхождения лауреатка Нобелевской премии мира Надя Мурад и лауреатка Премии им. А. Сахарова Ламийя Аджи Башар, побывавшие в рабстве у ИГ вместе с тысячами других езидских женщин (к слову, геноциду езидов «Исламским государством» на Западе сегодня уделяется куда меньше внимания, чем проблеме репатриации исламисток вроде Шамимы Бегум и их детей). В 2019 г. усилия, предпринимаемые всеми этими женщинами, приносят зримые и очень хорошие плоды и налицо все предпосылки к тому, чтобы ситуация становилась только лучше.

¹ Цит. по: Марика Димитриади. «Я не жалею о том, что уехала в Сирию» [Электронный ресурс] // Euronews, 14.02.2019. URL:

<https://ru.euronews.com/2019/02/14/uk-isis-girl-back-home> (дата обращения: 15.04.2019).

² Цит. по: Надежда Дрямина. Швеция: жёнам боевиков обратный путь заказан. [Электронный ресурс] // Euronews, 01.03.2019. URL: <https://ru.euronews.com/2019/03/01/sweden-is-fighter-return> (дата обращения: 15.04.2019).

³ Ibid.

⁴ Цит. по: Sandrine Amiel. Denmark plans to deprive jihadists' children of their citizenship. [Электронный ресурс] // Euronews, 29.03.2019. URL: <https://www.euronews.com/2019/03/28/denmark-plans-to-deprive-jihadists-children-of-their-citizenship> (дата обращения: 15.04.2019).

⁵ Цит. по: Анна Добровская. Забрать нельзя оставить: «жены боевиков ИГИЛ» потеряли надежду. [Электронный ресурс] // Euronews, 11.03.2019. URL: <https://ru.euronews.com/2019/03/11/zheny-boyevikov-igil-poteryali-nadezhdu> (дата обращения: 15.04.2019).

⁶ Цит. по: Ellen Francis. Exclusive: Two Belgian women, renouncing Islamic State, fear kids will never go home. [Электронный ресурс] // Reuters, 11.03.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-islamic-state-belgium/exclusive-two-belgian-women-renouncing-islamic-state-fear-kids-will-never-go-home-idUSKBN1QR0VF> (дата обращения: 15.04.2019).

⁷ Цит. по: Islamic State 'Beatles' duo complain about losing UK citizenship. [Электронный ресурс] // BBC, 31 March 2018. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-43601925> (дата обращения: 15.04.2019).

⁸ Подробнее см.: Плещунов Ф.О. К вопросу о возможных последствиях роста численности мусульманских общин в Европе в условиях продолжающегося миграционного кризиса // Ближний Восток и современность. Вып. 52. – Институт Ближнего Востока, 2018.

⁹ См.: Muna Adil. FGM Legislation in Britain: “A National Scandal” [Электронный ресурс] // Quilliam Foundation. URL: <https://www.quilliaminternational.com/shop/e-publications/fgm-legislation-in-britain-a-national-scandal/> (дата обращения: 15.04.2019).

¹⁰ См.: Children Act 1989 (Amendment) (Female Genital Mutilation) Bill [HL] 2017-19: Briefing for Committee Stage. URL: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8510/CBP-8510.pdf> (дата обращения: 15.04.2019).

¹¹ См.: Lizzie Dearden. Girls 'being pressured into FGM in UK playgrounds', survivor warns amid international crackdown. [Электронный ресурс] // Independent, 7 September 2018. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/fgm-uk-female-genital-mutilation-police-prosecutions-operation-airport-us-proclamation-a8526386.html> (дата обращения: 15.04.2019).

¹² Цит. по: Iram Ramzan. Lack of FGM convictions 'shows UK law is flawed'. [Электронный ресурс] // The Times, 20 May 2018. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/lack-of-fgm-convictions-shows-uk-law-is-flawed-k7mq37m6v> (дата обращения: 15.04.2019).

¹³ Цит. по: Lizzie Dearden. Girls 'being pressured into FGM in UK playgrounds', survivor warns amid international crackdown. [Электронный ресурс] // Independent, 7 September 2018. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/fgm-uk-female-genital-mutilation-police-prosecutions-operation-airport-us-proclamation-a8526386.html> (дата обращения: 15.04.2019).

¹⁴ См.: Children Act 1989 (Amendment) (Female Genital Mutilation) Bill [HL] 2017-19: Briefing for Committee Stage. URL: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8510/CBP-8510.pdf> (дата обращения: 15.04.2019).

¹⁵ См.: Mother first to be convicted of female genital mutilation. [Электронный ресурс] // CPS News Centre, 1 February 2019. URL: <https://www.cps.gov.uk/london-north/news/mother-first-be-convicted-female-genital-mutilation> (дата обращения: 15.04.2019).

¹⁶ См.: WOMEN'S ROLE IN COUNTERING TERRORISM. URL: <https://docs.house.gov/meetings/FA/FA18/20180227/106900/HHRG-115-FA18-Transcript-20180227.pdf> (дата обращения: 15.04.2019).

¹⁷ См.: Muna Adil. I'm not surprised most terror suspects in the UK are white – we've been expecting to see this change for a while. [Электронный ресурс] // Independent, 13 September 2018. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/most-uk-terror-suspects-white-not-surprised-muna-adil-quilliam-a8536436.html> (дата обращения: 15.04.2019).

¹⁸ См.: Terrorism in Great Britain: the statistics. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7613/CBP-7613.pdf> (дата обращения: 15.04.2019).

Р.А. Полончук

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ И КИТАЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ОЦЕНКИ АМЕРИКАНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

В условиях нарастающей напряженности на Ближнем Востоке политическое руководство США продолжает разработку новой стратегии в регионе. Так, 9 мая 2019 года Комиссии по Ближнему Востоку, Северной Африке и международному терроризму Конгресса США был представлен доклад «Россия и Китай на Ближнем Востоке (вовлечение Соединенных Штатов Америки в эру стратегического соперничества)»¹. Доклад был подготовлен научными сотрудниками корпорации РЭНД (Санта Моника, Калифорния) под руководством ведущего эксперта по региону Кристины Вурмус.

Эксперты научно-исследовательской организации на основе анализа открытых источников рассмотрели особенности современной эры стратегического противостояния. Затем в двух главах проанализирована деятельность России и Китая в регионе. Особое внимание разработчики документа уделили рекомендациям для высшего политического руководства США по противодействию России и Китаю на Ближнем Востоке. Далее представлено основное содержание глав документа.

Новая эра стратегического противостояния

Эксперты корпорации РЭНД отмечают, что Россия и Китай за последнее время значительно усилили свою

деятельность на Ближнем Востоке. Их деятельность реализуется по нескольким основным направлениям: торговля, инвестиции, энергетика, военное сотрудничество, дипломатические связи и др. В течение последних 10 лет Китай последовательно наращивает свою деятельность в странах региона. В свою очередь Россия вернулась в регион только в 2015 году. Это было связано с трагическими событиями в Сирии и необходимостью оказать помощь режиму президента Б. Асада и дальнейшим размещением своего воинского контингента в Сирии. В эру стратегического противостояния дальнейшее расширение деятельности этих двух стран в регионе представляет вызов для США. В настоящее время стратегическое противостояние распространяется не только на территорию Европы и Азии, но и на Африку, Латинскую Америку и Ближний Восток. В данных условиях многие американцы, оценивая ситуацию в мире, отмечают, что США теряют свои позиции в качестве страны-лидера и мирового жандарма.

В обобщенной форме целью США в условиях стратегического противостояния является поддержание и развитие экономического разнообразия и безопасности в постоянно изменяющемся мире. Россия – страна с сильными вооруженными силами, но у нее неопределенные экономические перспективы. Однако она будет стремиться поддерживать статус мировой державы так долго, насколько это возможно. Китай, поддерживаемый своей растущей экономической мощью, реализует долгосрочную стратегию, направленную на становление сильнейшей мировой державы в мире.

Чтобы одержать победу в этом соревновании, Россия стремится разрушить международный порядок во главе с США и западными демократиями. Она пытается восстановить то, что она считает своей законной сферой влияния в бывших странах Советского Союза и ослабить отношения между Европой и США. Китай считает, что Соединенные Штаты пытаются сдерживать его приход

к власти, и хочет восстановить свое господство в Азии по отношению к Соединенным Штатам и адаптировать международный порядок, чтобы лучше учесть их предпочтения и цели. Чтобы успешно конкурировать, Соединенным Штатам необходимо иметь динамичную, продуктивную экономику, продолжать защищать и адаптировать международный порядок, который бы способствовал американскому успеху в условиях действий в коалиции с союзниками и дружественными странами.

Это стратегическое соревнование разворачивается на мировой арене, но Ближний Восток является самым важным региональным театром. Это особенно важно как для России, так и для Китая, учитывая его стратегическое расположение и обширные энергетические ресурсы. Понимание российских и китайских целей в регионе и того, как они достигают этих целей, может помочь оценить, как Соединенные Штаты должны подходить к своему присутствию на Ближнем Востоке и к американским политическим решениям в регионе.

Россия на Ближнем Востоке

В 2015 году Россия вернулась на Ближний Восток со своим вмешательством в сирийскую гражданскую войну, разместив военный контингент за пределами пространства, которое Москва считает своим «ближним зарубежьем», впервые после распада Советского Союза. Россия рассматривает взаимодействие с Ближним Востоком как способ восстановить себя в качестве великой державы на мировой арене в то время, когда влияние США в регионе, по-видимому, ослабевает. Как и планы Пекина, ближневосточная стратегия Москвы опирается на поддержание хороших отношений со всеми странами региона и фокусируется на максимизации возможностей в регионе с минимальными обязательствами или потенциальными потерями².

Дипломатия и экономика

Задолго до размещения в Сирии вооруженных сил Россия наращивала свою активность на Ближнем Востоке. В регионе, где личные отношения имеют большое значение, президент Владимир Путин посвятил много времени посещению стран Ближнего Востока, включая Израиль, Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Иорданию, Катар, Турцию и Иран. Россия ослабляет это участие в ситуации в САР, подчеркивая свою веру в государственный суверенитет, а также ее оппозицию внешнему вмешательству и внутренним народным восстаниям. Москва также глубоко обеспокоена возможностью распространения исламского экстремизма и терроризма в России и соседних с ней государствах. По мнению Москвы, события «арабской весны», а также интервенции США в Ираке и Ливии значительно дестабилизировали регион.

Россия, в отличие от США, выступает в качестве надежного партнера для региона, который не будет только говорить о правах человека или общественных свободах, но поможет в торговле, инвестициях и энергетической дипломатии. Вместе Россия и Ближний Восток имеют более 60% разведанных мировых запасов нефти и газа и добывают 50% мировой нефти и почти 40% ее природного газа³. Когда Россия и страны Ближнего Востока сотрудничают, то преследование общих интересов имеет серьезные последствия для мировых рынков нефти и газа. Россия и Саудовская Аравия были основными движущими силами образования Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) + 1, которая фактически установила минимальный уровень цен на нефть.

Россия является не только основным экспортером нефти и газа, но и экспортирует элементы ядерных технологий на Ближний Восток, заключая сделки по строительству атомных электростанций в Иране, Иордании и Египте, также ведутся переговоры с Саудовской Аравией,

которая имеет амбициозный план построить 16 ядерных реакторов к 2032 году.

Энергетическая дипломатия России позволила ей пережить сложный период в последние годы, но долгосрочные перспективы для Москвы менее надежны. Работа со странами ОПЕК над повышением цен на нефть помогла России компенсировать экономические потери, вызванные санкциями Запада. Это также принесло доход для стран Ближнего Востока. В свою очередь, страны Ближнего Востока использовали часть этого дохода для осуществления крупных закупок российского оружия и для инвестирования в Россию через такие транспортные средства, как Российский фонд прямых инвестиций. В дальнейшем сильная зависимость России и стран Ближнего Востока от доходов от нефти и газа будет поставлена под сомнение из-за ряда изменений на энергетическом рынке, включая потенциал агрессивной политики в области изменения климата, направленной на постепенное прекращение использования добываемого топлива.

Деятельность вооруженных сил и продажа оружия

Продажа оружия также является основным компонентом взаимодействия России на Ближнем Востоке. Пятьдесят процентов российских продаж оружия идет на Ближний Восток, по сравнению с 36% в 2015 году⁴. Участие России в боевых действиях на территории Сирии не только позволило Москве провести полевые испытания широкого спектра новых вооружений и систем их доставки, но и послужило весьма заметной рекламой российского вооружения и военной техники. Хотя военная техника США рассматривается в качестве золотого стандарта в регионе, страны Ближнего Востока часто разочарованы внешнеполитическими условиями, связанными с продажей оружия США, что обусловлено медлительностью процесса продажи оружия США. В результате лидеры Ближнего Востока видят в России весьма жизнеспособ-

ный альтернативный источник вооружений. В 2014 году Египет подписал соглашение с Россией на 3,5 млрд долларов, а Ирак стал вторым по величине импортером российского оружия после Индии. Россия также подписала соглашения с ОАЭ, Саудовской Аравией и Катаром, которые ведут переговоры с Москвой о покупке усовершенствованной системы ПВО С-400⁵. Россия гордится тем, что может разговаривать и работать с каждой страной в регионе, но поддержка транзакционного подхода к отношениям в регионе становится все более сложной.

Дипломатическое и военное сотрудничество России с Ираном создает проблемы и противоречия, поскольку Израиль и большинство арабских государств в регионе считают Тегеран главной угрозой для региона. Хотя Сирия и не оказалась для России «трясиной», как предсказывал бывший президент США Барак Обама, военное участие России в ней продолжается уже четвертый год, и дипломатического разрешения конфликта не видно. Россия заключила партнерские отношения с Ираном, чтобы поддержать Б. Асада, защитить свои военно-морские и воздушные базы в Латакии и Тартусе, обеспечить проекцию своей власти в Средиземное море и на Ближнем Востоке. Однако теперь Иран поощряет Асада противостоять уступкам, что по сути противоречит позиции Москвы.

В последние годы российско-израильские отношения стали намного ближе, о чем свидетельствует неоднократное признание Россией ударов Израиля в Сирии по «Хизбалле». В то же время Россия сотрудничает с Ираном и «Хизбаллой» на местах. Она предоставила усовершенствованную систему ПВО С-300 как Ирану, так и Сирии, и эти шаги решительно направлены против Израиля. В отношениях с Йеменом Россия встала на сторону стран Персидского залива против Ирана, причем Москва поддерживает позицию Совета сотрудничества стран Залива и призывает к урегулированию конфликта путем переговоров. Россия также в значительной степени поддерживает арабские государства в регионе в своем подходе к Ливии,

поскольку Москва занимает сторону генерала Халифа Хафтара, лидера светской милиции, которому оказывают помощь Египет, Саудовская Аравия и ОАЭ. Хотя России удастся работать с большинством стран в регионе, ее подход весьма транзакционен, что может ограничить степень доверия, которое лидеры Ближнего Востока готовы инвестировать в эти отношения.

Россия находится под значительным давлением со стороны Европы из-за действий на Украине и вмешательства в выборы в Соединенных Штатах и Европе. Поэтому Москва рассматривает Ближний Восток как регион, в котором она может продемонстрировать, что остается великой державой. Хотя участие России в Сирии можно считать частично успешным, по крайней мере в ближайшей перспективе, у нее нет экономической мощи и возможностей проводить экспедиционные военные операции, которые позволили бы ей придерживаться более всеобъемлющего, долгосрочного подхода в регионе.

Китай на Ближнем Востоке

Ближний Восток является наиболее важным регионом мира для Китая после Азиатско-Тихоокеанского региона⁶. В свою очередь, страны Ближнего Востока рассматривают Пекин как наиболее важную мировую столицу после Вашингтона по причине значительной экономической мощи Китая. Соединяя Китай через Суэцкий канал со Средиземным морем и Европой, Ближний Восток является стратегическим местом для Китая, важнейшим источником столь необходимых энергоресурсов и зоной расширения экономических связей. Китай хочет, чтобы Ближний Восток признал свой статус растущей державы, и рассматривает свои растущие отношения со странами в этой стране как возможность уравновесить влияние США.

Движимый необходимостью надежного доступа к энергетическим ресурсам региона для стимулирования его

внутреннего роста, Китай, похоже, преследует стратегию на Ближнем Востоке, в которой основное внимание уделяется поддержанию позитивных отношений со всеми странами региона и недопущению застрять в различных конфликтах. Однако это может стать более трудным, поскольку экономическое присутствие Китая потребует все большего политического участия. Пекин, в значительной степени удовлетворенный авторитарными стилями управления в странах региона, подчеркивает свою политику невмешательства в дела других стран.

Энергетические и экономические инвестиции

Двигателем углубляющегося участия Китая на Ближнем Востоке является его постоянная потребность в энергии и доступ к экономическим рынкам по всему миру. Китай импортирует половину своей нефти из стран Ближнего Востока и Северной Африки и является основным потребителем нефти в Саудовской Аравии и Иране. Международное агентство по атомной энергии ожидает, что Китай удвоит свой импорт из региона к 2035 году⁷.

Экономические отношения Китая с Ближним Востоком повысили свой статус благодаря официальному запуску Инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 году. На третьем пленарном заседании 18-го Съезда Центрального комитета Коммунистической партии Китая в Пекине Ближний Восток был назван «соседним» регионом. Это указывает на то, что Ближний Восток в настоящее время входит в приоритетную геостратегическую зону Китая.

Большая часть торговли и инвестиций Китая в регионе приходится на страны Персидского залива, где особое внимание уделяется энергетике, строительству инфраструктуры, инвестициям в атомную энергетику, развитию новых источников энергии, сельскому хозяйству и финансам. Отношения Пекина с Саудовской Аравией и Ираном особенно важны, хотя поддержание продуктивных отношений с обеими странами, которые являются злейшими врагами, вероятно, будет становиться все более сложной

задачей. Иран является центральным узлом китайской инициативы «Один пояс, один путь» на Ближнем Востоке, о чем свидетельствует растущее число китайских заводов, автомобильных, железнодорожных и портовых проектов.

Египет, Израиль и Иордания важны для усилий инициативы «Один пояс, один путь». Большая часть китайских товаров, идущих в Европу, проходит через Суэцкий канал, и Пекин активно расширяет зону сотрудничества вокруг канала. Иордания присоединилась к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций в 2015 году, подписав соглашения с Китаем на сумму 7 млрд долларов. Она может стать отправной точкой для будущих китайских инвестиций в Сирию, если в этой стране будет повышен уровень обеспечения безопасности. Наконец, Израиль реализует высокоскоростной железнодорожный проект с Китаем, который соединит Тель-Авив на Средиземном море с Эйлатом на Красном море.

Страны на Ближнем Востоке приветствуют экономические инвестиции Китая, но через пять лет реализации инициативы «Один пояс, один путь» появляются некоторые признаки беспокойства. Критики указывают на то, что проекты инициативы «Один пояс, один путь» приносят больше выгоды Китаю, чем принимающим странам. В дополнение к призыву Китая нанимать местных работников вместо китайских, партнеры Поднебесной и сторонние наблюдатели также поднимают вопросы об устойчивости задолженности, воздействии на окружающую среду, коррупции и общих мотивах Китая при реализации своего стратегического проекта.

Дипломатия и военная деятельность

Дипломатические и военные усилия Китая на Ближнем Востоке во многом связаны с реализацией его экономических целей, однако Пекин все чаще позиционирует себя как глобальную державу и рассматривает свои отношения в регионе в качестве противодействия влиянию США. Китай подчеркивает свой принцип невмешательства во внутренние

дела других стран в своей ближневосточной дипломатии. Опасаясь быть вовлеченным во многие конфликты в регионе, Китай стремится быть другом для всех, о чем лучше всего свидетельствуют его серьезные отношения как с Саудовской Аравией, так и с Ираном. Способность Китая оставаться в стороне от региональных конфликтов и одновременно расширять свое экономическое присутствие реализуется благодаря его свободному участию в усилиях США по обеспечению безопасности в регионе.

Помимо потребности в энергоресурсах региона и признания Ближним Востоком КНР в качестве растущей державы, Китай также хочет обеспечить свою безопасность как внутри страны, так и за пределами национальной территории. Уйгуры, мусульманское национальное меньшинство, проживающее в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, вызывают особую озабоченность Пекина, который опасается распространения радикальной исламистской идеологии и с обеспокоенностью смотрит на сообщения о присоединении китайских уйгуров к Исламскому государству в Ираке и Сирии. Китайские дипломаты провели работу над тем, чтобы страны региона избегали публичной критики КНР за ее позицию в отношении уйгурского населения и создание крупных лагерей для интернированных уйгуров. Китай опасается, что гласность разожжет и без того недовольное население и, возможно, даже спровоцирует материальную поддержку со стороны ближневосточных уйгуров. Усилия Китая на сегодняшний день были в значительной степени успешными.

Китай является экономическим тяжеловесом на Ближнем Востоке, но его военное присутствие в регионе значительно скромнее. В 2017 году Китай создал свою первую военную базу за рубежом в Джибути, которая расположена на Африканском Роге, на важном международном морском пути. Китай направил три военных судна для участия в многосторонних операциях по борьбе с пиратством в Аденском заливе в 2008 году, и он по-прежнему прилагает все усилия по борьбе с морскими

пиратами. Пекин направил 700 миротворцев для содействия операции Организации Объединенных Наций в Судане в 2012 году. Кроме того, Китай выразил обеспокоенность по поводу терроризма и подчеркнул, что борьба с терроризмом является областью потенциального сотрудничества с Соединенными Штатами.

Китай вряд ли существенно увеличит свое военное присутствие на Ближнем Востоке в ближайшей перспективе, но его растущая экономика привела к увеличению ответственности за обеспечение безопасности. В настоящее время более 550 000 китайцев живут и работают на Ближнем Востоке⁸. За последние годы Китай несколько раз эвакуировал своих граждан из стран Ближнего Востока. Когда в 2011 году ситуация с безопасностью в Ливии ухудшилась, подразделения ВВС и ВМС Народно-освободительной армии Китая (НОАК), которые были в этом районе, приняли участие в эвакуации 35 000 китайских граждан. В частности, ВМС НОАК вывезли 600 граждан КНР и почти 300 иностранцев из Йемена в 2015 году⁹.

По сути, стратегия Китая на Ближнем Востоке определяется его экономическими интересами. Китай наращивает свое коммерческое взаимодействие со странами региона, но не заинтересован в существенном углублении своей дипломатической деятельности или деятельности в области безопасности. Как и Россия, Китай будет продолжать взаимодействовать со всеми странами в регионе, хотя это становится более проблематичным из-за сложной военно-политической обстановки, но, скорее всего, он не будет втягиваться во многие политические и военные конфликты в регионе.

Рекомендации для Соединенных Штатов

Соединенные Штаты должны обладать всеобъемлющим видением того, где и как они могут превалировать в период стратегической конкуренции. В эру конкуренции

США нужны, как минимум, четыре ключевых актива. Во-первых, динамичная и производительная экономика, в которой страна является лидером в таких передовых технологиях, как искусственный интеллект, квантовые вычисления и биотехнологии. Во-вторых, нужно оставаться лидером в международном порядке, чтобы были сильные позиции в международных институтах, правилах и нормах. В-третьих, Соединенным Штатам необходимо инвестировать в свою сеть союзников и партнеров, работать вместе с ними, максимально использовать силы и средства при решении глобальных проблем. В-четвертых, необходимо сохранить американскую военную мощь.

Соединенным Штатам необходимо разработать всеобъемлющую, последовательную стратегию, чтобы превалировать в сложившейся конкуренции, которая использует все элементы национальной власти: экономику; дипломатию; вооруженные силы; культуру («мягкую» силу). Обсуждение конкуренции с Россией и Китаем до настоящего времени было сосредоточено на военном измерении. Важно уже сейчас наметить, как США станут в будущем инвестировать в экономику и систему национального образования, чтобы продолжить оставаться мировым лидером в области технологий и инноваций. Соединенным Штатам необходимо разработать более всеобъемлющий и структурированный подход к совместной работе с союзниками и партнерами по всему миру, чтобы конкурировать с Россией и Китаем. Предпочтение нынешней администрации двусторонних подходов не позволяет использовать сильные стороны США.

Хотя и Россия, и Китай хотят продемонстрировать свой статус великих держав на Ближнем Востоке, они, похоже, не стремятся полностью вытеснить Соединенные Штаты из региона. Ближний Восток – сложный регион, и все три страны будут время от времени бороться, чтобы успешно реализовывать свои политические цели. Соединенные Штаты должны дать понять, что не покидают регион, а реализуемый в нем подход является последовательным. Это может улучшить образ страны в глазах

лидеров стран Ближнего Востока. Соединенные Штаты должны расширять военное сотрудничество с союзниками и партнерами в регионе путем оказания помощи в экономическом развитии, стабилизации, реконструкции и решении проблем беженцев, несмотря на то, что это сокращает бюджет Государственного департамента.

Экономическая привлекательность Китая имеет свой импульс со стороны стран Ближнего Востока. Вашингтон должен внимательно следить за усилиями китайской инициативы «Один пояс, один путь» в регионе и быть внимательным к инфраструктурным проектам, которые могут иметь негативные последствия для безопасности присутствия США в регионе. В более широком смысле, Соединенным Штатам следует сосредоточиться на работе с союзниками и партнерами, чтобы стимулировать Китай действовать в соответствии с международными нормами торговли и инвестиций, поддерживать его, когда это выгодно, и оказывать давление, когда это нужно¹⁰.

Таким образом, американские эксперты приходят к выводу, что Соединенные Штаты должны избегать чрезмерных усилий, чтобы иметь возможность успешно конкурировать в будущем. Почти 20 лет военных действий, многие из которых происходили на Ближнем Востоке, привели к гибели тысяч американских военнослужащих, истощили экономику страны, подорвали способность сосредоточиться на насущных внутренних потребностях, подорвали положение страны в мире и создали возможности для России и Китая, чтобы получить прибыль за счет США. Опираясь на собственный опыт в Ираке, Афганистане, Ливии и других странах, Соединенным Штатам необходимо сосредоточиться на своих жизненно важных национальных интересах на Ближнем Востоке и тщательно взвешивать любые решения о применении силы.

¹ *Russia and China in the Middle East: Implications for the United States in an Era of Strategic Competition* / The RAND Corporation, 09.05.2019, 13 p.

² James Sladden, Becca Wasser, Ben Connable, and Sarah Grand-Clement. *Russian Strategy in the Middle East*. – Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, PE-236-RC, 2017, p. 10.

³ Russia's Return to the Middle East: Building Sandcastles? – Brussels: European Union Institute for Security Studies, Chaillot Paper, No. 146, July 2018, p. 30.

⁴ Popescu and Secieru, 2018, pp. 38–39

⁵ Russia Is Selling More Weapons to Saudi Arabia and the UAE // *TRT World*, 22.02.2019.

⁶ Andrew Scobell and Alireza Nader. *China in the Middle East: The Wary Dragon*. – Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, RR-1229-A, 2016, p. 73.

⁷ Nicholas Lyall. Can China Remake its Image in the Middle East? // *The Diplomat*, 04.03.2019.

⁸ Niu Xinchun. China's Interest in and Influence Over the Middle East / trans. Haibing Xing // *Contemporary International Relations*, Vol. 24, No. 1, January/February 2014, p. 41–42.

⁹ Andrew Scobell and Nathan Beauchamp-Mustafaga. The Flag Lags but Follows: The PLA and China's Great Leap Outward / in Philip C. Saunders, Arthur S. Ding, Andrew Scobell, Andrew N. D. Yang, and Joel Wuthnow eds. // *Chairman Xi Remakes the PLA; Assessing China's Military Reforms*. Washington, D.C.: National Defense University Press, 2019, p. 189–190.

¹⁰ James Dobbins, Howard J. Shatz and Ali Wynne. *Russia is a Rogue Not a Peer; China is a Peer, Not a Rogue*. – Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, 2018; Douglas Lute and Nicholas Burns. *NATO at Seventy: An Alliance in Crisis*. – Cambridge, Mass.: Harvard Kennedy School, February 2019.

И.И. Стародубцев

ТУРЕЦКАЯ ЭКОНОМИКА В 2018 И 2019 гг. В ТЕНИ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

24 июня 2018 года в Турции состоялись президентские и парламентские выборы. Стоит напомнить, что согласно утвержденному графику, всеобщие выборы в Турции должны были состояться лишь в ноябре 2019 года, однако президент страны Р. Т. Эрдоган принял решение об организации досрочных выборов. При этом в качестве основной причины турецким лидером была заявлена «неопределенность переходного периода Турции от парламентской к президентской республике», которую требовалось как можно быстрее устранить. Решение о переносе выборов на более ранний срок было поддержано 20 апреля 2018 года депутатами Великого национального собрания (Меджлиса) Турции (ВНСТ) – 386 голосами «за» из 550 депутатов¹.

По итогам президентских выборов убедительную победу уже в первом туре голосования одержал действующий президент страны Реджеп Тайип Эрдоган, набравший 52,59% голосов избирателей. Его ближайшему преследователю – кандидату от главной оппозиционной Народно-республиканской партии (НРП) Турции Мухаррему Индже – удалось набрать 30,64%, что выше общего рейтинга его партии (до 25%), однако недостаточно даже для перевода выборов во второй тур голосования, что изначально заявлялось оппозицией в качестве приоритета.

Правящая Партия справедливости и развития (ПСР) выступила на достаточно привычном для себя уровне, набрав 42,56% голосов избирателей, что обеспечило ей 295 депутатских мандатов в 600-местном парламенте. За ПСР последовали: Народно-республиканская партия (НРП) – 22,64% и 146 мест, Партия демократии народов (ПДН) – 11,29% и 67 мест, Партия националистического движения (ПНД) – 11,10% и 49 мест, а также Хорошая партия (ХП) – 9,96% и 43 места в ВНСТ². Устойчивость нынешней политической конструкции при отсутствии формального большинства в парламенте у ПСР после выборов 2018 года обеспечивается коалицией между ПСР и националистами из ПНД, которая стала возможна после внесения соответствующих поправок в выборное законодательство страны.

Вне зависимости от лозунгов, официально заявленных руководством страны, основной причиной для досрочных выборов в Турции стала экономика и нарастающий груз проблем в ней. Посему именно экономическая повестка звучала из уст турецкого президента в преддверии выборов 2018 года, в частности, в «Манифесте выборов 24 июня»³.

В Турции среди оппозиции широко распространена убежденность в том, что с экономикой правящая Партия справедливости и развития пришла ко власти и с экономикой и уйдет. Такое понимание обусловлено тем, что именно экономические успехи обеспечивали Партии справедливости и развития и её лидеру Реджепу Тайипу Эрдогану голосование из года в год за них не только их идеологических сторонников, но даже и противников, с одной стороны, не разделяющих их происламские взгляды, а с другой стороны, признающих успехи и несомненные преимущества однопартийной системы власти после многолетнего негативного опыта коалиционного правления.

Однако эта ситуация работает на пользу власти лишь до тех пор, пока в экономике страны наблюдается

движение вперед, а благосостояние граждан растет. Но ещё до всеобщих выборов июня 2018 года было понятно, что страну, в экономическом смысле, ждут непростые времена. Причин тому было немало – как внешне-го, так и внутреннего свойства.

Среди внешних причин можно, в частности, назвать: замедление темпов роста глобальной экономики, а также проблемы, возникшие у Турции с её традиционными торгово-экономическими партнёрами, в первую очередь из числа западных стран, включая США и старейших членов ЕС.

Среди внутренних проблем, если говорить глобально, то стоит отметить исчерпание модели развития, основанной на реализации крупных строительных проектов с привлечением под них инвестиций и кредитов на Западе.

При этом стоит учесть то обстоятельство, что, во-первых, свободных средств в мире стало меньше и возросла конкуренция между возможными направлениями инвестиций.

А во-вторых, многочисленные потрясения в Турции последних лет, включая попытку военного переворота 2016 года и череду террористических актов, особенно кровавых в 2015 году, привели к тому, что кредитные рейтинги страны мировыми рейтинговыми агентствами были понижены и интерес зарубежных инвесторов к Турции заметным образом снизился. Многие из них заняли выжидательную позицию.

Не в последнюю очередь в дальнейшем негативном развитии ситуации в Турции сыграла свою роль экономическая «минивойна», развязанная со стороны США и лично президента Дональда Трампа из-за отказа турецкого руководства выдавать американского гражданина Э. Брансона, задержанного в Турции в декабре 2016 г. по целому вееру обвинений – от шпионажа до участия в террористической деятельности курдских сепаратистов Рабочей партии Курдистана (РПК) и так называемой «террористической организации Фетхуллага Гюлена»

(ФЕТО)⁴. Э. Брансон удерживался под арестом в г. Измир вплоть до суда над ним, который состоялся в октябре 2018 года, в результате которого последовал обвинительный вердикт, однако Э. Брансон был отпущен прямо в зале суда – ему зачлось нахождение под арестом и хорошее поведение.

Однако к тому времени турецкая лира уже заметным образом обесценилась по отношению к мировым резервным валютам – американскому доллару и евро. Просто приведем официальные курсы валют Центрального Банка Турции: 2 января 2018 г. за 1 доллар США давали 3,7 тур. лиры, а за 1 евро – 4,5 тур. лир, а 2 января 2019 г. эти курсы составляли уже – 5,3 тур. лир и 6,1 тур. лир (соответственно)⁵.

Невзирая на то, что турецкая промышленность является достаточно диверсифицированной и развитой, что, по идее, должно исключать жесткую привязку Турции к курсовым колебаниям, на практике это не так. Проблема заключается в том, что Турция является нетто-импортером энергоносителей, которые закупаются по ценам, выраженным в долларах США и в евро. А следовательно, в цене всей турецкой продукции, так или иначе, содержится «валютная составляющая» – как минимум, расходы на электроэнергию и топливо (транспорт).

В результате цены в стране подскочили, и следует отметить, что официально озвученное со стороны Турецкого агентства по статистике (TUIK) значение инфляции в 20,3% за 2018 год не отражает всей полноты картины⁶.

По ряду позиций продовольственных товаров и товаров народного потребления цены подскочили в 2, а то и в 3 раза. В стране начались перебои с картошкой и луком, на ввоз которых из-за рубежа в Турцию турецкое правительство было вынуждено объявить нулевые пошлины. В отдельных городах страны начались организованные муниципалитетами специальные распродажи овощей и фруктов со скидками – немыслимое событие

за всю историю нахождения у власти Партии справедливости и развития.

Темпы роста экономики Турции заметно снизились: если 2017 год Турция закрыла с ростом в 7,4%, то 2018 год – уже с ростом лишь в 2,6% (расчет производственным методом с приведением к 2009 году).

ВВП, определенный тем же методом, но выраженный в текущих ценах, вырос на 19,1% и составил 3 трлн 700 млрд 989 млн турецких лир. Таким образом, ВВП на душу населения в Турции составил 45463 тур. лиры, что в валютном эквиваленте равнозначно 9632 долл. США. Для сравнения ВВП на душу населения в 2017 году составил 38660 тур. лир, что составляло, в зависимости от принимаемого валютного курса, сумму около 11 тыс. долларов США.

Отметим ещё то, что показатель роста в 2,6% не должен вводить в заблуждение как высокий для развитых экономик и не самый скромный для экономик развивающихся стран: в 3-м квартале 2018 года экономика Турции выросла на 1,8%, а в 4-м квартале она уже перешла в область отрицательных значений, снизившись на 3,4%. Как ожидается, с областей отрицательных значений для турецкой экономики начнется и 2019 год.

Комментируя экономические итоги 2018 года и строя прогноз на 2019 год, министр казначейства и финансов Турции Берат Албайрак, в частности, указал на то, что страна намерена достичь темпов экономического роста в 2,3% в 2019 году, 3,5% – в 2020 году и 5% – в 2021 году. Кроме того, министр пообещал, что турецкое руководство предпримет ряд структурных шагов, направленных на укрепление экономики Турции. Кроме того, согласно обещаниям Берата Албайрака, будет продолжена политика на сокращение дефицита текущих операций, а также на рост благосостояния граждан Турции в рамках Новой экономической политики, объявленной в 2018 году.

Однако, вопреки декларациям руководства страны, турецкая экономика продолжает оставаться в тени внут-

ренной и внешней политики не только в 2018 году, но уже и в 2019 году.

Муниципальные выборы, состоявшиеся 31 марта 2019 года и не предвещавшие больших потрясений, в главном городе страны – Стамбуле – были объявлены Высшей избирательной комиссией страны 6 мая недействительными, и новые выборы были назначены на 23 июня, что вызвало в стране жаркие дискуссии.

Деловое сообщество, которому руководством страны была обещана 4-летняя внутривнутриполитическая передышка до следующих выборов в 2023 году, таковой в итоге не получает. Свои опасения по этому поводу в Твиттере незамедлительно после решения Избиркома Турции 6 мая высказало главное объединение бизнесменов страны – Турецкая ассоциация промышленников и предпринимателей (TÜSİAD). Процитируем: «Как мы подчеркивали до обнародования итогов местных выборов 31 марта, в этот период нам требуется сосредоточиться на повестке с широкими экономическими и демократическими реформами. Возврат в атмосферу выборов вызывает обеспокоенность»⁷.

Этот твит вызвал жесткую реакцию со стороны лично президента Р. Т. Эрдогана, который, в частности, напомнил, что страна встает на путь «нормализации», и указал: «Вы поступаете неправильно. Каждый должен знать свои границы». Подразумевалось, что такими высказываниями со стороны видных представителей делового сообщества заявленный процесс нормализации подрывается.

Однако истина состоит в том, что не только первый квартал 2019 года, но теперь уже вся первая половина 2019 года оказывается в Турции в тени внутренней политики, что окажет самое непосредственное негативное влияние на экономику. Не говоря уже о той внешнеполитической ситуации, в которой пребывает страна, включая непростые отношения с США и странами ЕС.

- ¹ Yeni Şafak. Erken seçim teklifi Meclis'te kabul edildi. <https://www.yenisafak.com/secim/erken-secim-teklifi-mecliste-kabul-edildi-3246362> Доступ: 08.05.2018.
- ² 2018. 27. Dönüm Milletvekili Seçimleri. <https://www.haberturk.com/secim/secim2018> Доступ: 06.05.2019.
- ³ Son dakika: Erdoğan AK Parti'nin seçim manifestosunu açıkladı. <http://www.haberturk.com/son-dakika-ak-parti-den-secim-manifestosu-erdogan-sahlanisa-talibiz-1951908> Доступ: 08.05.2018.
- ⁴ В Турции начался суд над американским пастором Эндрю Брансоном. <https://www.golos-ameriki.ru/a/cn-turkey-us-prisoner/4350412.html> Доступ: 06.05.2019.
- ⁵ Türkiye Cumhuriyet Merkez Bankası. <http://www.tcmb.gov.tr> Доступ: 08.05.2019.
- ⁶ Türkiye İstatistik Kurumu. <http://www.tuik.gov.tr> Доступ: 08.05.2019.
- ⁷ Турецкая ассоциация промышленников и предпринимателей TÜSİAD. Twitter – аккаунт. <https://twitter.com/TUSIAD> Твит от 6 мая. Доступ: 08.05.2019.

Владимир (Зеев) Ханин

ИЗРАИЛЬ В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: СМЕНА СТРАТЕГИЧЕСКИХ АКЦЕНТОВ?

Имеющий место в последние годы процесс укрепления стратегического, военного, политико-дипломатического и экономического статуса Израиля, а также баланса национальной безопасности еврейского государства по всем признакам имеет и региональную коннотацию. Среди прочего, индикатором этого процесса стала заметная либо ключевая роль Иерусалима в формировании новых межгосударственных альянсов, оказывающих существенное влияние на стратегическую расстановку сил в зоне Восточного Средиземноморья.

Этот феномен, как полагает директор Института национальной стратегии (INSS) при Тель-Авивском университете Оded Эран, стал результатом ответственного стратегического планирования, а также процессов, идущих в Ближневосточном регионе, которые позволяют соседям еврейского государства видеть в нем силу, способную обеспечить и их интересы. В итоге, по его мнению, «стратегическая дуга партнерства сегодня простирается от Египта на юге до Греции на северо-западе»¹.

Новый геополитический расклад

В этом смысле немалое внимание политического и аналитического сообщества привлекает сотрудничество Израиля с двумя «эллинскими» государствами – Грецией

и Кипром, которое многим в стране и за ее пределами видится в качестве избранной Иерусалимом альтернативы прежнему стратегическому партнерству с Анкарой.

Это партнерство, базу для которого заложили еще в 50-х гг. прошлого века «отцы-основатели» израильской и турецкой государственности Давид Бен-Гурион и Кемаль Ататюрк, достигло пика к концу XX века. Однако оно стало претерпевать заметную инфляцию, как и остальные элементы наследия светского кемализма, с приходом к власти в Турции в 2002 году «умеренно-исламистской» Партии свободы и справедливости Р.Т. Эрдогана, сделавшего заявку на символически значимый в арабо-исламском мире статус «главного покровителя палестинских арабов». И, соответственно, ставшего едва ли не наиболее радикальным критиком Израиля и одним из ведущих идеологических и финансовых доноров радикальных палестинских исламистских группировок (как и других, родственных режиму Р.Т. Эрдогана версий «Братьев-мусульман»). Резкое ухудшение дипломатических отношений двух стран началось на рубеже 2008-2009 годов на фоне антитеррористической операции ЦАХАЛа в секторе Газе «Литой свинец». И особенно – после резонансной в мире провокации, устроенной при поддержке официальной Анкары турецкими исламистами и их левацкими союзниками в 2010 году, которые на борту судна «Мави Мармара» пытались прорвать т.н. «блокаду сектора Газа».

Беспрецедентный для отношений двух стран кризис достиг своего пика, когда правительство турецкого премьер-министра Ахмета Давутоглу (Ahmet Davutoğlu) поручило турецкому флоту контролировать «права навигации» в Восточном Средиземноморье, причем антиизраильская направленность этого демарша была очевидна. Следующей индикацией стала замена имеющихся в распоряжении турецкой армии принятых в армиях стран НАТО идентификационных систем «свой-чужой» на системы турецкого производства, а в 2017 году Турция объявила о закупках С-400 с целью создания автономной системы

ПВО и ПРО, тем самым снимая с себя ограничения, введенные для натовских вооружений, призванных избежать открытия огня по средствам ЦАХАЛа и ВВС Греции в случае военных действий в районе Эгейского моря.

Несмотря на неоднократные попытки преодоления дипломатического кризиса и даже подписанное в 2016 г. соглашение о нормализации отношений двух стран, шансы на возвращение к прежнему характеру отношений либо поддержание их на минимально стабильном уровне крайне невелики. Внушительное экономическое сотрудничество и постоянно растущий товарооборот между Израилем и Турцией, которые долго держали турецкое руководство в уверенности, что Иерусалим, осознающий стратегическую роль Турции в регионе, и далее будет готов выносить за скобки отношений любые враждебные ему политические демарши Анкары, сегодня пользуется все меньшей популярностью в израильском руководстве. Скорее там уже практически смирились с мыслью, что процесс перехода Анкары в лагерь открытых врагов Израиля (как и инфляция союзнических отношений Турции с США и многими странами Запада) проходит точку невозврата.

Соответственно, если в первой половине этого десятилетия эксперты, такие как упомянутый Овед Эран, полагали все еще важным для Израиля балансировать между улучшением отношений с Анкарой и укреплением партнерства с Грецией, Кипром и Египтом, который также обнаружил себя в состоянии «контролируемого кризиса с Турцией»,² то сегодня ситуация уже иная. Выбор политического руководства Израиля в пользу тесных стратегических отношений с Грецией и Кипром, несмотря на то, что экономическая и военная мощь двух эллинских стран еще не дотягивает до Турции, вполне очевиден.

Со своей стороны, Греция и Кипр приветствовали прекращение стратегического партнерства Израиля с их историческим турецким врагом, однако их мотивация занять освободившуюся нишу союзников и стратегических военных и экономических партнеров Иерусалима далеко

выходила за рамки простого желания «досадить» Анкаре. Причина состоит совсем в другом: Афины и Никосия рассматривают претензии эрдогановской Турции на роль региональной сверхдержавы и уже в этом качестве – одного из ведущих глобальных центров силы, в качестве экзистенциальной угрозы. Именно в этом свете демократические «эллинские» режимы видят и политический инструмент этой линии, каковым является уже более десятилетия реализуемая командой Эрдогана, также в разрез с проевропейским внешнеполитическим наследием Кемаля Ататюрка, доктрина «неоосманизма», то есть доминирования Турции в регионах, некогда входивших в Османскую империю. «Президент Турции, – отмечает директор Института европейских и американских исследований в Афинах (RIEAS) Иоанис (Джон) Номикос, – не упускает случая подчеркнуть, что Анкара должна получить то, что [якобы] принадлежит ей по праву. И находится буквально в шаге от того, чтобы дезавуировать свою подпись под международными соглашениями, которые определили судьбу Турции после Первой мировой войны».³

Очевидно, что среди прочего этот курс делает почти неизбежным резкое усиление конфликтной составляющей и без того непростых отношений Анкары с Кипром, северную часть которого (никем, кроме Турции, не признанную Турецкую Республику Северного Кипра) на протяжении более 40 лет оккупируют турецкие войска. Это усиливает конфликтный потенциал отягощенных прошлым негативным опытом отношений Турции и Греции, где к «неоосманской» заявке Анкары в последние несколько лет стали относиться как к едва ли не главной стратегической угрозе своей национальной устойчивости. Вмешательство правительства Эрдогана в сирийские дела, его планы силовой «стабилизации» Северного Ирака, подрывная исламистская активность на Балканах и ежедневные нарушения воздушных и морских границ Греции, по мнению Иоаниса Номикоса и других греческих экспертов,

не оставляют много надежд на поддержание нормальных отношений мирного сосуществования.

Все это, вместе взятое, и стало политическим фоном для прорыва израильско-«эллинского» трека отношений, который произошел в феврале 2010 года, совпав по времени с визитом тогдашнего премьер-министра Греции Георгиоса Папандреу и премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху в Москву. По словам тогдашнего посла Израиля в Греции Арье Меркеля, лидеры договорились о начале процесса взаимного сближения за обедом в знаменитом столичном ресторане «Пушкин» (где они встретились, как было объявлено в СМИ, чисто случайно). Причем разговор, до данным прессы, начался с просьбы премьер-министра Греции к Нетаньяху, репутация которого как бывшего министра финансов крайне высока в мире, «поделиться рецептами вывода экономики Греции из кризиса». Затем темой беседы стал турецкий экстремизм, направленный против Израиля, и в этот момент, по тем же данным, оба политика тут же поняли друг друга.⁴

За этой встречей последовало их как минимум еженедельное общение, причем именно в это время, по тем же данным, Папандреу уже был знаком с заключением органов безопасности и военных кругов Греции, сильно обеспокоенных историей с заплывом в Газу турецкой флотилии во главе с «Мави Мармара» в мае 2010 года. И потому попытавшихся убедить свое политическое руководство немедленно начать укрепление дипломатических отношений с Израилем. В итоге уже в июле 2010 г. состоялся первый за три десятилетия официальный визит главы греческого правительства в Иерусалим, и ответный визит его коллеги в Афины три недели спустя. А в следующем, 2011 году греки блокировали отправку очередной левацко-исламистской «флотилии», которая намеревалась отправиться в Газу из греческих портов⁵. С тех пор отношения Иерусалима и Афин, а также Никосии шли по нарастающей линии.

Победа Р.Т. Эрдогана на президентских выборах 24 июня 2018 года, предоставивших ему, в соответствии

с новой конституцией страны, почти неограниченные властные полномочия, а с ними — в каком-то смысле и «карт-бланш» его имперско-исламистским внутри- и внешнеполитическим устремлениям, показала, что завершение формирования антитурецкого треугольника Израиля, Греции и Кипра нет смысла откладывать на будущее. К более тесному военно-политическому союзу с Израилем Афины и Никосию, по некоторым данным, подвигают и сомнения, в случае конфликта с Турцией, в гарантированной поддержке союзников по НАТО, многие из которых в вопросах военно-стратегического партнерства все же предпочли бы договариваться с Анкарой. С другой стороны, угроза прихода радикального ислама (по турецкому каналу) к порогу Европы в каком-то смысле заставляет ее лидеров принять идею нового восточно-средиземноморского союза в надежде, что кто-то решит за них эту проблему⁶. По мнению исследователя взаимоотношений Турции и ЕС Федериги Бинди (Federiga Bindi) из Высшей школы международных отношений в Университете Джона Хопкинса (The Johns Hopkins University), «Эрдоган вновь и вновь плюет в лицо своим союзникам по Североатлантическому союзу, и история с приобретением российских систем С-400 лишь один тому пример. На практике эрдогановская Турция дрейфует в сторону от Европы, и если Анкару пока невозможно исключить из НАТО, ЕС вполне может дать Турции понять, что его лимит терпения и терпимости уже исчерпан. Анкара может в ответ дезавуировать сделку с ЕС по проблеме мигрантов, но это и так случится при любом удобном для турок поводе. Потому ясно, что [европейцы] и НАТО могут быть заложниками их [турок] настроений»⁷.

Тем более что шансы Турции на вступление в ЕС стремятся к нулю, о чем Анкара и была предупреждена еще год назад, в принятом Европарламентом 6 июля 2017 года призыве прекратить переговоры на эту тему в случае реализации планов Эрдогана по расширению президентских полномочий.⁸ Серьезность таких намерений

еще раз подтвердило принятое 26 июня 2018 в Люксембурге Советом ЕС решение о невозможности, в связи с тенденцией «сворачивания независимости турецкой судебной системы и основных прав человека», крайне важной для Анкары модернизации Таможенного союза Турция–ЕС. А прозвучавшая в люксембургском документе готовность Брюсселя поддерживать с турками «честный и открытый диалог» в этой связи выглядела как абстрактная «фигура речи».

Формализация уже несколько лет фактически существующего ВСА, судя по всему, произошла на серии встреч премьер-министра Израиля, премьер-министра Греции и президента Кипра. Первая из них в таком формате проходила 28 января 2016 г. в Никосии, вторая – 8 декабря 2016 г. в Иерусалиме и 15 июня 2017 г. в Салониках – третья. А продвинутую стадию его формирования зафиксировал четвертый саммит руководителей трех стран в Никосии в мае 2018 года. Стратегический императив этого блока был вполне четко заявлен в опубликованном 19 июня 2018 года совместном коммюнике трех министров обороны по итогам своей встречи в столице Кипра. В заявлении было отмечено, что близкие и теплые отношения трех стран основывается не только на географической близости, но и на совместных ценностях и общих угрозах. Причем у комментаторов этого мероприятия и состоявшегося накануне визита в Израиль министра обороны Кипра не оставалось сомнений, какая именно базовая угроза имеется в виду.

События последних месяцев и лет дают немало примеров прикладных аспектов партнерства и сближения Израиля и его "эллинских" соседей на платформе общих вызовов, угроз и интересов. Одним из таких примеров стало подписание соглашений о военном сотрудничестве трех стран в 2014 году и SOFA (Status of forces agreement), который предоставляет правовую базу для маневров армий договаривающихся стран на суверенной территории друг друга. (В 2015 году такой договор был

подписан между Израилем и Грецией, в 2016 году – с Кипром, ставшими единственными, кроме США, государствами, с которыми Израиль имеет подобные соглашения). Последовало проведение в соответствии с ними серии совместных маневров вооруженных сил трех стран, включая учения ВВС Греции и Израиля в марте 2017 и в июне 2018 годов, и трехдневное «тестирование» в марте 2017 года ВВС Израиля кипрских сил противовоздушной обороны. А также участие израильских наблюдателей в мае 2018 г. в принимаемых Кипром ежегодных морских учениях «Аргонавт», где представители 22 стран отрабатывали операции и приемы поиска потерпевших, освобождения заложников из рук террористов и управления потоками беженцев из конфликтных зон на Ближнем Востоке. И наконец, масштабные совместные маневры кипрской армии и сухопутных войск и ВВС ЦАХАЛа на напоминающих ливанский ландшафт горных массивах острова Кипр в июне прошлого года.⁹ По мнению наблюдателей, для Израиля это трехстороннее военное партнерство стало в целом адекватной заменой прервавшемуся в 2009 г. военному сотрудничеству с Турцией после того, как она в одностороннем порядке отменила участие Израиля в учениях «Анатолийский орел» в районе города Кони¹⁰.

Очередным «информационным поводом» для обсуждения этой темы стала прошедшая 19 июня 2018 г. в столице Кипра г. Никосия вторая встреча министров обороны Греции, Кипра и Израиля. Первая такая встреча министров походила в ноябре прошлого года в Афинах, а третья намечена на 2019 год в Израиле. Во всех случаях предметом обсуждения является радикальное углубление военного сотрудничества трех стран. О том, что стоит за обтекаемыми формулировками официальных релизов для прессы, можно судить хотя бы по тому факту, что параллельно с никосийской встречей министров в том же городе проходила и первая в своем роде конференция оборонной промышленности трех стран. И аналогичное, а

возможно, и более масштабное мероприятие такого рода, надо полагать, будет частью упомянутого мероприятия в Израиле.

Таким образом, в то время как каждый из участников складывающегося Восточно-средиземноморского альянса (ВСА) Греции, Кипра и Израиля сталкивается со своим набором вызовов своей безопасности и экономическим интересам, растущие геополитические амбиции (пока) «умеренно» исламистского режима Турции Р.Т. Эрдогана являются их общим, причем довольно прочным, знаменателем.¹¹

Новые векторы

Обостряющийся дипломатический конфликт Турции с Израилем был не единственным фактором, который ослабляет стратегические позиции Анкары в Восточном Средиземноморье. Не меньшую роль играли и иные идеологические и политические демарши Р.Т. Эрдогана, совершенные вразрез со всеми критериями *realpolitik* – такие, как поддержка террористического движения палестинских арабских исламистов ХАМАС. Или же заявления о нелегитимности режима египетского президента Абдель Фаттаха аль-Сиси, возглавившего в 2013 году переворот, который отстранил от власти в Каире родственников правящей в Турции Партии справедливости и развития «Братьев-мусульман». А также готовность сотрудничать с Ираном, захват части Северной Сирии или поддержка Турцией Катара в его противостоянии с другими арабскими странами Персидского залива.

В свете этих процессов явно не слишком актуальными для формирования прочного союза выглядят, например, идеологические расхождения между президентом Кипра Анастасиадисом, принадлежащим умеренно-правой части местного политического спектра, и радикально-левым социалистом, премьер-министром Греции Ципрасом. Таким образом, не стала препятствием их сближению с Израилем и традиционная поддержка ООП, которая долгое время была существенным элементом внешнеполитиче-

ского курса Афин (которые в 80-х и 90-х гг. были среди наиболее жестких критиков в Европе политики Израиля и защитников позиции палестинских арабов) и, отчасти, Никосии. Напротив, акцентированное продвижение палестинской арабской темы в качестве инструмента антиизраильской дипломатии Анкары скорее способствовало стремлению Греции и Кипра вынести свои прежние пропалестинские aspirations за скобки их отношений с Иерусалимом.

«Трудно найти более убедительный пример того, как геополитическая реальность подминает идеологию, чем расцветающая дружба Греции и Израиля», – пишет обозреватель «The Wall Street Journal» Ярослав Трофимов. – «Незадолго до прихода к власти в Афинах ультралевой партии «Сириза» в 2015 году ее лидер Алексис Ципрас призывал выслать из страны посла Израиля и закрыть греческие порты для посещения кораблей американского военного флота в случае, если они направляются в Израиль. Европейские левацкие союзники «Сиризы» продолжают демонизировать премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху и его правое правительство... Но сам господин Ципрас, напротив, лишь усилил сотрудничество с еврейским государством, и ключевая причина – это Турция»¹².

Упомянутый общий знаменатель интересов Афин, Иерусалима и Никосии, помимо военной сферы, стал фактором сотрудничества во многих других плоскостях, главной из которых являются проекты транспортировки через территорию Греции природного газа, найденного в территориальных водах Израиля и Кипра. Проект такого газопровода, получившего название EastMed, стал альтернативой идее проведения нитки газопровода через Турцию, в чем состоял и замысел прежней администрации США.¹³ Договоры о разграничении эксклюзивных экономических зон (ЭЭЗ), которые подписала Республика Кипр с Египтом в феврале 2003 года, с Ливаном в 2006 году и Израилем в 2010 году, радикально изменили баланс сил в Восточном Средиземноморье, полагает сотрудница

Центра ближневосточных и африканских исследований Тель-Авивского университета Хай Эйтан Коэн-Янарочак (Hay Eytan Cohen Yanarocak).¹⁴

Поворотным пунктом, судя по всему, стала крупная сделка на сумму в 15 млрд долларов, которую владельцы богатых израильских месторождений газа «Левиафан» и «Тамар» подписали с египетским газовым холдингом «Дельфин» (Dolphinus). Это соглашение, которое, замечают в своей статье эксперты INSS, предположительно было достигнуто при поддержке правительства Израиля, президент АРЕ А.Ф. ас-Сиси определил как «важный гол, который удалось забить египтянам». Эксперты не преминули заметить, что такое сравнение позволяет определить Израиль и Египет в качестве игроков одной команды, действующей для достижения общих целей. Причем статьи в египетских правительственных СМИ весьма прозрачно намекали на связь между сотрудничеством в сфере энергетики и координацией действий двух стран по обеспечению безопасности на Синае. Египтяне, по мнению упомянутых экспертов, открыто декларируют в этой связи существующие уже 40 лет мирные взаимоотношения с Израилем как долгосрочную стратегическую ценность и стремление укреплять их.

Сделка Израиля с Египтом вместе со строительством трубопровода для поставок израильского газа в Иорданию, открывающая также возможности партнерства в сфере производства электроэнергии, опреснения воды и промышленного производства, формирует сеть политико-экономических взаимозависимостей Израиля и его соседей и потому становится более чем просто весомым фактором ближневосточной геополитики¹⁵. А также, по мнению других экспертов, повышает интерес таких великих держав, как США и Россия, вместе с международными субъектами, которые ранее были почти индифферентны к ситуации в регионе, к выработке более эффективных схем коллективной безопасности в Восточном Средиземноморье. Не случайно, выступая в марте 2019 года

на Шестом саммите глав Восточно-средиземноморского альянса в Иерусалиме, главной темой которого были упомянутые газовые проекты, премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху вполне определенно заявил о перспективах участия в этих схемах безопасности и партнерства не только США, но и других держав, которое на этом этапе, по его словам, пока обсуждается «в закрытом режиме».

Именно в этом контексте в регионе и за его пределами воспринимается и упомянутый проект EastMed, предполагающий строительство длиннейшего в мире 2200-километрового газопровода, который должен соединить Израиль и Италию через Грецию и Кипр. Соответствующее соглашение было достигнуто на трехстороннем саммите в апреле 2017 года и подписано от имени Израиля министром энергетики и национальных инфраструктур Ювалем Штайницем¹⁶.

«Газопровод EastMed будет стоить дороже аналогичной нитки через Турцию, но в намного большей степени сможет послужить безопасности Восточного Средиземноморья», – замечает эксперт Центра стратегических исследований BESA при Университете Бар-Илан в Рамат-Гане Георг Цогопулос (George Tzogopoulos). «И потому для Анкары этот проект звучит как проклятие. Восточно-средиземноморский демократический блок действительно не способствует неооттоманским устремлениям президента Турции Р. Т. Эрдогана – скорее, он подрывает их».¹⁷

Действительно, нервная реакция Анкары, которая в свое время отказалась признать вышеназванные соглашения о разграничении ЭЭЗ, на проект, который практически лишает Турцию перспективы играть центральную роль в восточно-средиземноморском регионе, последовала мгновенно: турки послали свое гидрогеологическое судно Barbaros Hayreddin Paşa с целью обозначить свою версию спорных границ эксклюзивных экономических зон. И подкрепили эту заявку масштабными военными учениями «Средиземноморский щит» в непосредственной близости от этого района, а также направили туда отряд бо-

евых кораблей. И наконец, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в серьезности намерений Анкары, провели 17 апреля прошлого года тренировочную операцию Bülent Erdem в Западной Турции, в ходе которой отрабатывалась высадка крупного армейского десанта. Все это, по мнению наблюдателей, было частью попытки турок подорвать легитимность газовых проектов греков-киприотов в глазах международного сообщества и инвесторов.

Впрочем, эффект от этих шагов был в целом невелик, хотя Италия, вопреки прежним обязательствам, в последнее время взвешивает идею выйти из этого сложного с точки зрения финансовой поддержки, технической реализации и обеспечения безопасности проекта. Эксперты, однако, полагают, что патронаж нынешней администрации США над этим проектом сможет помочь преодолеть отмеченные сложности. Фактором, подогревающим интерес Вашингтона, становится обнаружение все новых месторождений, последнее из которых Glaucus, было обнаружено американской компанией ExxonMobil в оффшорной зоне Кипра в марте 2019 года. По мнению экспертов, помимо сугубо деловых возможностей, американцев в этом сюжете привлекает перспектива снижения зависимости европейских партнеров США от российских поставок и тем самым укрепление позиций Вашингтона в диалоге с РФ. Это может стать также инструментом давления на Анкару, способным заставить турок «нормализовать» их поведение в отношении Вашингтона.¹⁸

Что касается Израиля, то в прошлые годы в его руководстве еще по инерции говорили о возможности все же завершить переговоры с Турцией о строительстве в эту страну параллельно с EastMed еще одной нитки газопровода из израильских месторождений. (О чем министр инфраструктуры Израиля Юваль Штайниц сообщил во время посещения Турции в октябре 2016 и июле 2017 годов). В принципе, с экономической точки зрения Турция – самый простой в плане логистики и наиболее доходный рынок для израильского газа. Потребности турецкой экономики

в природном газе, составлявшие в 2017 году 55 млрд куб. м, могут, по оценкам, к 2025 году достигнуть 75 млрд куб. м, из которых, по тем же прогнозам, примерно половину будет обеспечивать Россия, около 20% – Иран, примерно 10% – Азербайджан. Остальную часть потребностей могут обеспечить иные поставщики, в том числе – от трети до половины (от 8 до 16 млрд куб. метров) в течение 15 лет – Израиль.¹⁹

Были и те, кто считал, что наличие двух альтернативных каналов транспортировки позволит Израилю в будущем избегать использования газопроводов в качестве рычага политического давления со стороны любого из партнеров.²⁰ Но сегодня, на фоне очередного витка дипломатического противостояния израильского правительства с режимом Р. Т. Эрдогана и идущих в Иерусалиме дебатов о перспективности экономических отношений с Турцией вообще, эта тема практически снята с повестки дня.²¹ Похоже на то, что укрепление ВСА выглядит для нынешнего правящего израильского кабинета более перспективной идеей, чем усилия по оживлению почти исчерпавшей себя оси Иерусалим-Анкара. Тем более, что мотивация «эллинов» к партнерству с Израилем проектами транспортировки в Европу, в обход Турции, израильского и кипрского газа, дело отнюдь не ограничивается.

Помимо энергетических аспектов, играющих роль стратегического стержня ВСА, имеется длинный и «поражающий воображение», как его назвали в своем заявлении по итогам своей тройственной встречи в Никосии 8 мая 2018 года премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, президент Кипра Никос Анастасиадис и премьер-министр Греции Алексис Ципрас, список иных тем. От сотрудничества в вопросах информационных технологий и проектов в области здравоохранения до круизного судоходства и программ «Образования для устойчивого развития» (ESD). Механизмом для продвижения партнерства в этих вопросах стали регулярные тройственные встречи представителей релевантных министерств, ведомств,

государственных чиновников, экспертов, торговых палат и корпораций трех стран, а также визиты парламентских делегаций, интенсивный культурный обмен и диалог в формате *people to people*.

Показательно в этой связи, что местом для предстоящего встречи министров обороны Пятого саммита ВСА на высшем уровне, который состоялся в декабре прошлого года, была избрана «южная столица» Израиля г. Беер-Шева, где имеется внушительная концентрация инновационных деловых корпораций, образовательных учреждений и научно-исследовательских центров, ставших, среди прочего, фактором притяжения выпускников элитных технологических подразделений ЦАХАЛа и иных интеллектуальных ресурсов. Это, согласно видению премьер-министра Израиля, делает реальным превращение города в мировой центр кибернетических технологий. «Израиль, – заметил профессор Университета Македонии в Салониках и Высшего армейского колледжа Греции Спиридон Лицас (Spyridon N. Litsas), – постепенно становится супердержавой информационных технологий. Так называемая Четвертая индустриальная революция продвигается на международном уровне израильскими корпорациями высоких технологий и исследовательскими институтами, обеспечивающими уникальную продукцию и прорывные научно-технологические разработки. [Благодаря Израилю] регион, тяжело страдающий от последствий «арабской весны», может получить шанс на «весну хай-тека» (Hi-Tech Spring), способную создавать достаток, рабочие места, и резко снизить уровень безработицы и (соответственно) радикализма среди непривилегированной молодежи»²².

Греция и Кипр, по всем признакам, проявляют немалый интерес быть частью возникающих в этой связи возможностей. Итогом, отмечает израильский эксперт в области ближневосточной безопасности Эран Лерман (Eran Lerman), становится процесс «формирования плотной ткани совместных программ и проектов, которые обеспечат долгосрочное стратегическое партнерство стран-

членов ВСА и его позитивное воздействие на региональную безопасность»²³.

Для новых «эллинских союзников Израиля оперативный выигрыш партнерства заметен уже сегодня. Для Никосии, например, им стал вес, который приобретает Республика Кипр в Евросоюзе в свете перспектив газового проекта, но особенно – существенное укрепление ее позиций в противостоянии с Турцией. Так, анализируя итоги последних по времени мирных переговоров между Республикой Кипр и Турецкой Республикой Северного Кипра в июне 2017 г., эксперты заметили растущую уверенность греков-киприотов в своих силах; не случайно, несмотря на все военные демонстрации, добиться уступок от Никосии туркам не удалось. В свою очередь, для Афин этот союз может стать частью решения более общей проблемы баланса отношений Греции и стран Северной Европы.

Истоком проблемы стал греческий кризис суверенного долга и банкротство 2010 года, для выхода из которого потребовалась финансовая помощь в размере 86 млрд евро, предоставленная Евросоюзом под обязательство Афин принять весьма жесткую по своим условиям Третью программу экономической стабилизации (Third Economic Adjustment Program). Среди прочего, эта программа, утвержденная греческим парламентом в августе 2015 года, включает детальный внешний бюджетно-финансовый мониторинг и пристальный контроль над экономической политикой правительства²⁴, что на довольно длительную перспективу грозит превратить Грецию в страну с ограниченным экономическим суверенитетом, что, понятно, имеет и свои политические последствия. В этой связи, как полагают эксперты, Греция заинтересована продвинуть альтернативные двусторонние и многосторонние альянсы, выходящие за узкие рамки политического и экономического маневрирования, дозволенные Афинам из Брюсселя. Понятно, что идея и модель Восточно-средиземноморского альянса, включая его военно-политический и экономический аспекты, прекрасно укладываются в эту схему.

Израиль и возвращение «эллинизма»

Таким образом, блок Израиля с Кипром и Грецией, трех реально демократических стран Восточного Средиземноморья, является новым важным геополитическим фактором перестановки сил в регионе. Парадоксальным образом, сегодня, более тысячелетия спустя после кончины политического эллинизма в Западной Азии вследствие арабского, а затем турецкого завоевания, партнерство с Иерусалимом предоставляет шанс греческим государствам вновь стать геостратегическим фактором в Леванте.

Очевидно, что ось «Никосия-Иерусалим-Афины» является частью более общей схемы восточно-средиземноморского сотрудничества, основу которой должны были заложить аналогичные «треугольники партнерства», ставшие итогом инициатив лидеров Греции и Кипра. Так, начиная с 2014 года Ципрас и Анастасиадис провели пять трехсторонних саммитов, подобно их встречам с Биньямином Нетаньяху, с президентом Египта А. Ф. ас-Сиси (по два раза в Каире и Никосии и один раз в Афинах), и один в январе 2018 года в Никосии с королём Иордании Абдаллой II. В теории, Греция и Кипр готовы распространить подобную модель и на Ливан и ПНА (греки продолжают настаивать на том, что их сотрудничество с Израилем не развивается за счет интересов палестинцев), хотя шансов на то, что это реализуется в ближайшей перспективе, не слишком много. Оба последних субъекта фактически идут сегодня в фарватере «ревизионистских» сил, как их определил упомянутый Спиридон Лицас, вносящих свой вклад в местную «ассиметричную мозаику политических целей»²⁵. Ведущими среди них являются Турция и Иран, которые стремятся ввергнуть регион в очередной виток исламской революции, в ее суннитском и шиитском варианте, доведя ее до средиземноморского побережья – в полном противоречии с видением и интересами «эллинических» держав, Израиля и умеренных арабских суннитских режимов.

Греко-кипро-иорданский саммит на высшем уровне был посвящён, как сообщала международная пресса, «вопросам безопасности в Восточном Средиземноморье и установления более тесного сотрудничества для борьбы с террором и мобилизации международной поддержки странам, вынужденным принимать сотни тысяч беженцев из Сирии». ²⁶ Повестка дня встреч с президентом Египта была существенно шире, хотя сообщения официального пресс-релиза расплывчато говорили об обсуждении вопросов расширения тройственного сотрудничества в политической, экономической, торговой области и туризме. ²⁷ Очевидно, что как и в случае контактов с Иерусалимом, за обтекаемыми формулировками стояла и вполне конкретная схема противостояния с общими противниками.

Согласно заключению профессора политической социологии Американского университета в Каире Саида Садека (Saeed Sadek), в свете «враждебности отношений Греции и Турции альянс [греческих государств и Египта] стал еще одной формой давления на турецкий режим, который открыто спонсирует «Братьев-мусульман» и служит защищаемым убежищем для лидеров [исламистских] группировок». ²⁸ Той же цели служили и совместные маневры ВМС и ВВС Греции и Египта, в рамках которых отработывались координация боевых действий надводных, подводных и воздушных сил, поисковых и спасательных операций, а также «методы воздушной разведки, оборонительные и наступательные удары с воздуха, а также поражение морских целей». ²⁹

Показательно также, что в конце 2017 года министр обороны Греции Панос Камменос (Panos Kammenos) заявил о своем желании придать нынешним двусторонним военным мероприятиям многосторонний формат, организовав в небе Греции совместные маневры ВВС двух «эллинских» стран, Израиля, Египта и ряда европейских держав в рамках усилий по «продвижению стабильности на восточном берегу Средиземного моря». ³⁰

Именно в этом контексте следует, на наш взгляд, понимать и заявки на решительное расширение стратегического военного, политического и экономического сотрудничества стран «антитурецкого блока». Векторы этого стратегического партнерства в случае реализации данных заявок обещают быть разнообразными. В том числе, участие ВСА в качестве партнера в продвигаемой Белым домом «сделке века» Израиля с умеренными прозападными арабскими режимами региона, в рамках которой предполагается решение и проблемы палестинских арабов. Согласно известным параметрам этого плана, США готовы рассматривать как Израиль, так и государства саудовского блока в позитивном ключе, однако похоже на то, что и руководство ПНА/ООП в Рамалле, и правительство ХАМАСа в секторе Газа станут скорее предметом, чем субъектами возможных договоренностей. Причина этого расклада очевидна: лидер ПНА Махмуд Аббас с момента прихода в Белый дом и Госдеп новой администрации США Дональда Трампа, несмотря на настоятельные советы из Эр-Рияда, Абу-Даби и Каира, своими антиамериканскими демаршами фактически сам исключил себя из числа активных сторон процесса. А балансирующие между врагами и соперниками «саудовской четверки» – Ираном, Катаром и Турцией – лидеры террористического движения ХАМАС, в принципе не готовые принять идею урегулирования с Израилем, не мыслятся такой самостоятельной стороной по определению.

Именно в рамках таких опций следует рассматривать и выдвинутую израильским политиком А. Либерманом идею строительства на Кипре морского терминала, который будет играть роль морских ворот «демилитаризованной» Газы и планируемых проектов социальной и экономической реконструкции сектора. При этом было понятно, что управляющая ныне этой территорией исламистская террористическая группировка ХАМАС, при отказе от ее нормализации отношений с Израилем, реальной функцией ей являться не будет.

Возникает вопрос: имеем мы все же дело с пересекающимися в разной степени векторами двустороннего партнерства тех или иных ближневосточных субъектов с эллинским тандемом? Или же в Восточном Средиземноморье идет процесс формирования, пусть пока и аморфного, но единого, объединённого системой общих интересов, вызовов и угроз геостратегического сообщества, центром притяжения которого (или одним из возможных центров) сегодня является ось Иерусалим–Никосия–Афины (ВСА)? На практике возможны оба – как взаимоисключающих, так и дополняющих варианта, и какая из сложившихся схем в конечном итоге будет доминировать, покажет результат конкретной расстановки региональных политических сил.

Из высказываемых в израильских коридорах власти и аналитических изданиях оперативных соображений на этот счет популярность в последнее время набирают две идеи. Первая – наполнить новым качеством схему Средиземноморского партнерства (Union for the Mediterranean – UfM), представляющую собой платформу межправительственного сотрудничества 28 стран-членов ЕС и 15 государств южного и восточного побережья Средиземного моря, и являющуюся, по сути, расширением Барселонского процесса 1995 года. А также концепция «пересекающихся векторов» двух- и многосторонних отношений, подобных «израильско-эллинскому» союзу с перспективой его возможных расширений. Действительно, лидеры трех государств не устают подчеркивать, что союз их стран не является «эксклюзивным клубом». Напротив, он открыт для стран, которые разделяют идеологические ценности, понимание задач развития и цели поддержания коллективной безопасности в Восточном Средиземноморье. Не исключая даже Турцию (надо полагать, в случае возвращения ее к идеологии и практике светского кемализма) – что, впрочем, сегодня выглядит как абстрактная декларация.

Очевидно, что первыми кандидатами на вступление являются другие балканские страны – прежде всего Ру-

мыния и Болгария (оценка ими своего положения в регионе, по мнению экспертов, резко повышает их мотивацию к разведывательному и оборонному сотрудничеству с израильтянами). А в более далекой перспективе – Сербия, Черногория, Македония и Хорватия, которые в последние годы укрепляют отношения с Израилем на фоне растущего опасения этих балканских государств по поводу усиления радикализма во внешней политике Турции и в связи с их интересом к возможностям сотрудничества с еврейским государством в сфере экономики, развития технологий и национальной безопасности. Наконец, частью нового блока теоретически может стать потенциальный союзник Израиля в Восточном Средиземноморье – Курдистан, независимости которого активно противится Анкара, а также и Египет. Причем Каир, в свою очередь, может стать мостом вовлечения в партнерство с ВСА умеренных арабских суннитских режимов Персидского залива.

А их интерес к экономическим и геополитическим возможностям восточно-средиземноморской зоны очевиден уже сегодня. Так, ближайший партнер Египта – Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), которые в конце 2016 года открыли на Кипре свое дипломатическое представительство, уже сделали заметные вложения в кипрское народное хозяйство, включая покупку Dubai-based marine terminals company DP World двух концессий на проекты развития Лимассольского порта. Одновременно Абу-Даби делает заявку на участие в разработке природного газа, находящегося на шельфе Кипра. Обозреватели не исключают, что данный шаг, в случае его реализации, станет частью более общего проекта, контуры которого были обозначены в пониманиях, достигнутых между Кипром и Египтом. Речь идет о транспортировке газа из кипрского месторождения «Афродита», запасы которого предварительно оцениваются в 127,4 млрд куб. м, расположенного в непосредственной близости от богатых израильских месторождений газа «Левиафан» и «Тамар», а также на сравнительно небольшом расстоянии от египет-

ского массива «Зорхр» с его оценочными гигантскими запасами в 453 млрд куб. м, на пока незагруженные египетские предприятия по сжижению природного газа. С учетом того, что обсуждается возможность, как было сказано выше, транспортировки туда же и израильского газа, у Египта, особенно в случае подтверждения перспективности новонайденных газовых запасов в его собственной ИЭЗ, появляется шанс стать восточно-средиземноморским клиринговым центром экспорта энергоносителей.

Не случайно после подписания упомянутой египетско-израильской газовой сделки, которую наблюдатели сразу определили как возможную платформу для иных двухсторонних и многосторонних проектов с участием Египта и Израиля, президент Египта А. Ф. ас-Сисси заявил, что благодаря ей его страна получает плацдарм в Восточном Средиземноморье. А также возможность позиционировать себя как региональный энергетический центр и главный транспортный узел для экспорта природного газа в Европу.³¹

Поэтому включение в эту схему Кипром или иными членами ВСА любых новых участников, таких как ОАЭ, будет означать чрезвычайно высокую степень их вовлечения в процесс принятия решений с далеко идущими геополитическими последствиями. Потому нетрудно прийти к выводу, что в свете практически уже сложившейся стратегической политико-энергетической оси Иерусалим–Афины–Никосия подобный проект вряд ли может состояться без формального или неформального одобрения Израиля. Похоже, что в Иерусалиме особых возражений не будет, так как это вполне укладывается в идущую последние годы тенденцию сближения Израиля со странами проамериканского суннитского блока на базе противостояния иранскому радикализму и разногласий с той же Турцией. Развитие отношений стратегического партнера Египта – ОАЭ с государствами-членами ВСА Израилем, Грецией и Кипром существенно укрепляет стратегический вес Каира в Восточном Средиземноморье в противовес аналогичной заявке Анкары.

Индикатором того, в какую сторону развивается процесс, стали упомянутые совместные авиационные маневры в небе Греции Iniohos 2017, в которых военные пилоты ОАЭ участвовали вместе с летчиками ВВС Израиля, чему не помешало отсутствие формальных дипломатических отношений двух государств.

Дополнительным вектором этого же процесса может стать вовлечение в аналогичные выстраиваемые схемы коллективной безопасности и экономического сотрудничества также некоторых североафриканских стран – например, Алжира, Мавритании, Марокко и Туниса. Что, по мнению Георга Цогопулоса, укладывается в растущий интерес НАТО к купированию угроз южному флангу этого альянса. В свою очередь, Греция и Кипр получают шанс, напомнив европейцам о фундаментальном значении безопасности Израиля для функционирования этих схем, усилить свой вес и влияние на процесс принятия решений в рамках ЕС³².

В свете этих фактов широкий региональный блок на базе ВСА с участием балканских, ближневосточных и умеренных арабских стран выглядит реальной опцией. Но имеются и препятствия: например, эллинским столицам, особенно Афинам, с их традиционными проарабскими обязательствами приходится поддерживать весьма деликатный баланс между Иерусалимом и Каиром, без чьего официального участия такой широкий восточно-средиземноморский блок невозможен. Но этому препятствует то обстоятельство, что наряду с немалыми общими интересами и множеством элементов не афишируемого партнерства Израиль и Египет одновременно вовлечены в свой набор конфликтов и противоречий, которые нередко разводят в разные стороны. Похоже, что многое будет зависеть от того, в какой степени упомянутые общие интересы способны сформировать механизм взаимозависимостей, заинтересованность поддержания которого во всех случаях будет настолько велика, что в любой момент времени любая из сторон будет предпочитать выносить

имеющиеся разногласия за скобки магистрального течения двух- и многосторонних отношений.

Так или иначе, ВСА не сможет решить за весь западный блок его проблемы с Турцией или Ираном, чья политика стала тяжелым вызовом безопасности Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Его миссия – обеспечить коллективные интересы его партнеров в вопросах безопасности и создать наднациональные структуры экономических инициатив, что, понятно, станет и очевидной стратегической ценностью и для США, Европы и других присутствующих в регионе великих держав.

Что касается Израиля, то здесь выбор в целом очевиден. Как замечает израильский эксперт в области ближневосточной безопасности Эран Лерман (Eran Lerman), «Израиль – участник средиземноморского сообщества, как с точки зрения его культуры, так и образа жизни, и являет собой часть «ландшафтов, залитых солнцем», в поэтичных описаниях Камю и наших лучших поэтов. Но практическое осмысление этого положения в геостратегических терминах, то есть свое позиционирование в качестве не чужеродного, а интегрального элемента местного пейзажа есть израильский интерес в самом прямом и глубоком смысле этого слова».³³

Похоже, что подобная ориентация находит понимание и в Белом доме. США изначально поддерживали идею формирования блока трех демократий Восточного Средиземноморья, а в последние месяцы роль США как потенциального «патрона» этого альянса приобрела некоторые формализованные черты. Что стало понятно благодаря активному участию посла США Дэвида Фридмана в тройственных саммитах лидеров Израиля, Греции и Кипра в декабре 2018 года в Беэр-Шеве, и госсекретаря США Майка Помпео в марте 2019 года в Иерусалиме.

Для самого же Израиля важность усиления партнерства в рамках ВСА и его потенциальных расширений станет долгожданным элементом сшива, как минимум,

двух из трех (наряду с ориентацией на стратегическое партнерство с США и сотрудничество с другими великими державами) элементов его внешней политики. А именно, ее ближневосточный элемент и «доктрину периферийных союзов», которая предполагает расширение стратегического партнерства с государствами, являющимися центрами силы в своих регионах и субрегионах, и либо находятся вне зоны арабо-израильского конфликта, или в целом индифферентны к пропалестинским нарративам. И похоже на то, что именно эта сфера будет в ближайшие годы поставлять немало информационных поводов.

¹ Oded Eran. Active Israeli Policy in the Mediterranean Basin // INSS Insight. No. 775, 06.12.2015.

² Oded Eran. Active Israeli Policy in the Mediterranean Basin.

³ Ioannis (John) M. Nomikos. Greece and the Eastern Mediterranean Alliance // BESA Center Perspectives. Paper No. 897, 17.07.2018.

⁴ Shlomo Cesana. With a little help from our friends // Israel Hayom, 03.07.2011.

⁵ Цит. по: Barak Ravid. Netanyahu's Big Fat Greek Wedding // *Ha'aretz*, 01.07.2011.

⁶ Ioannis (John) M. Nomikos. Greece and the Eastern Mediterranean Alliance // BESA Center Perspectives Paper, No. 897, 17.07.2018.

⁷ Federiga Bindi. Judy Asks: Is Turkey Weakening NATO? // *Carnegie Europe*, 20.09.2017.

⁸ См.: EU parliament calls for Turkey accession talks to be suspended // Reuters, 06.07.2017. — <https://www.reuters.com/article/us-turkey-eu-parliament/eu-parliament-calls-for-turkey-accession-talks-to-be-suspended-idUSKBN19R194>

⁹ Anna Ahronheim. Israeli commandos head to Cyprus for largest land-based drill // *The Jerusalem Post*, 10.06.2017.

¹⁰ Anna Ahronheim. Israel pilots flying alongside pilots from the UAE in week long Greek drill // *The Jerusalem Post*, 28.03.2017.

¹¹ Ами Рохкес Домбе. Турция – вне игры? Министры обороны Израиля, Греции и Кипра встречаются снова. На повестке дня – встреча оборонных компаний» (על הפרק) טורקיה בלחץ? שרי הביטחון של ישראל, קפריסין ויוון נפגשים שוב. (גם מפגש חברות ביטחוניות) // IsraelDefence <http://www.israeldefense.co.il/he/node/34693> (на иврите) и “Trilateral meeting with defense ministers of Israel and Greece

on Friday, CyprusMail, 20/06/2018, <https://cyprus-mail.com/2018/06/20/trilateral-meeting-with-defence-ministers-of-israel-and-greece-on-friday/>; Cyprus Defense Minister Visits Israel, Closer Military Ties Seen // The National Herald (Athens), 06.06.2018.

¹² Yaroslav Trofimov. Turkey's Rise Sparks New Friendship Between Israel and Greece // The Wall Street Journal, 21.07.2018.

¹³ David Wainer. U.S. Vision for Mideast Stability Runs Through Gas Pipelines, *Bloomberg* // 21.08.2016. – <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-08-21/u-s-vision-for-mideast-stability-runs-through-gas-pipelines>

¹⁴ Hay Eytan Cohen Yanarocak. The Changing Equation in Cyprus // *Turkeyscope*. Vol. 1, No. 9, July 2017. – <https://dayan.org/content/changing-equation-cyprus>

¹⁵ Oded Eran, Elai Rettig and Ofir Winter. The Gas Deal with Egypt: Israel Deepens its Anchor in the Eastern Mediterranean // *INSS Insight*, No. 1033, 12.03.2018.

¹⁶ John Reed. Israel signs pipeline deal in push to export gas to Europe // *Financial Times*, 03.04.2017.

¹⁷ Цит. по: George Tzogopoulos. Cyprus, Greece, and Israel Chart a Common Path // *BESA Center Perspectives Paper*, No. 861, 10.06.2018. –

<https://besacenter.org/perspectives-papers/cyprus-greece-israel-relations/>

¹⁸ Nissan Keidar. Regional summit with US Secretary of State // *Israel Hayom*, 21.03.2019.

¹⁹ Oded Eran, Elai Retting. New Obstacles Facing Israeli Natural Gas Exports // *INSS Insight*, No. 1073, 10.07.2018.

²⁰ Cohen Yanarocak, "The Changing Equation in Cyprus".

²¹ Oded Eran, Elai Retting. New Obstacles Facing Israeli Natural Gas Exports; Ariel Ben Solomon. Israel Should Avoid Turkey, Include Cyprus in Gas Export Projects // *BESA Center Perspectives Paper*, No. 370, 07.10.2016.

²² Spyridon N. Litsas. New Strategic Dimensions of the Eastern Mediterranean // *BESA Center Perspectives Papers*, No. 862, 11.06.2018.

²³ См.: Eran Lernman. The Fourth Trilateral Eastern Mediterranean Summit // *JISS*, 15.05.2018. – <https://jiss.org.il/en/lerman-the-fourth-trilateral-eastern-mediterranean-summit/>

²⁴ См.: The Commission's intervention in the Greek financial crisis // *European Court of Auditors Special Report*, No 17, 2017. Детальнее об этой проблеме, см.: Dimitri A. Sotiropoulos, Asteris Huliaras, Roy Karadag. *Greece Report: Sustainable Governance Indicators 2017*. Bertelsmann Stiftung (Gütersloh, 2017).

²⁵ Spyridon N. Litsas. A Perilous Tango for Four in the Eastern Med // *BESA Center Perspectives Papers*, No. 765, 11.03.2018.

²⁶ Цит. по: Mediterranean leaders seek help with huge refugee burden // CBS News, 17.01.2018.

²⁷ Aya Samir. Egypt, Greece, Cyprus: Model for successful international cooperation // Egypt Today, 21.11.2017.

²⁸ Dunya Hasanin. Cypriot summit to cause stronger alliances: Expert // Egypt Today, 21.11.2017.

²⁹ Shaul Shay. Egypt, Greece Concluded Joint Military Exercise "Medusa 5", Israel Defense, 05.11.2017.

³⁰ Israel to conduct joint air force drills with Greece, Cyprus, Egypt // *The Times of Israel*, 01.10.2017.

³¹ Michael Tanchum. UAE engagement with Israel, Greece and Cyprus aids Egypt's rising regional role // The Jerusalem Post, 03.04.2017.

³² George Tzogopoulos. A New EastMed Friendship, with US Support // BESA Center Perspectives Paper, No. 1,137, 10.04.2019.

³³ Eran Lerman. A Strategic Vision for the Eastern Mediterranean // JISS, 06.03.2018. – <https://jiss.org.il/en/lerman-strategic-vision-eastern-mediterranean/>

Владимир (Зеэв) Ханин*

**ИЗРАИЛЬ В ГОД СВОЕГО 70-ЛЕТИЯ:
ИТОГИ И НАДЕЖДЫ В ЗЕРКАЛЕ СМИ
И ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ**

Период между наступлением очередного еврейского года, которое по традиции знаменует начало осенних праздников иудейского календаря, и завершением календарного года в Израиле является поводом для подведения итогов за прошедший год и прогнозов на будущее. Не стал исключением и 2018 год, который к тому же был годом, когда еврейское государство отметило 70-летие своего основания в 1948 году. Логично, что большинство израильских газет, а также электронных и профессиональных изданий в течение месяцев, прошедших с кануна нового 5779 еврейского года (9 сентября 2018 года), выпустили развернутые репортажи и аналитические материалы. Их предметом были проблемы и достижения в сфере демографии, экономики, политики и дипломатии еврейского государства, а также оценки состояния общественных настроений в стране.

Следующим этапом этого анализа, по логике вещей, должно стать появление публикаций, посвященных анализу этих тенденций с академической точки зрения. Дан-

* Главный ученый Министерства алии и интеграции Израиля, профессор политических наук и социологии еврейского народа Университета Ариэль в Самарии (Израиль).

ная статья является попыткой внести свой вклад в этот процесс.

Достижения и вызовы

Прошедший год демонстрировал продолжение характерной для последних лет позитивной демографической динамики в стране: по состоянию на конец декабря 2018 г. население Израиля достигло почти 9 (точнее, 8.972) млн человек, из которых 6.668 млн (74,3%) принадлежали к «титულной нации» еврейского государства. Еще 1.878 млн (20,9%) насчитывают арабы-мусульмане и другие арабоязычные этносы, и 426 тысяч – другие группы, основную массу из которых составляют члены семей евреев-репатриантов нееврейского и смешанного происхождения, не зарегистрированные МВД в качестве евреев, но в социологическом смысле, то есть ментально и идеологически, как правило, считающие себя частью еврейского коллектива страны.

В итоге в Израиле сегодня проживает почти 45% от насчитывающихся в мире 14,7 млн евреев, составляя тем самым крупнейшую еврейскую общину мира.

Продолжающийся рост еврейского и общего населения Израиля – в 11 раз с момента провозглашения независимости, вдвое за последние тридцать лет и на 1,9%, или на 162 тыс. человек в прошлом еврейском году – происходит из двух моментов. Первым является беспрецедентно высокая для группы 20 наиболее развитых стран мира, к которой относится и Израиль, рождаемость. За последний год рождаемость в Израиле вчетверо превысила смертность, причем в ушедшем еврейском году динамика прироста рождаемости в еврейском секторе впервые превысила аналогичные тенденции среди арабов-израильтян, где в силу роста образования и уровня и качества жизни наблюдается постепенное падение рождаемости. (По данным ЦСБ Израиля, из 185 000 детей, родившихся в 2018 году, 79,2% составляли «этнические евреи и другие члены еврейского коллектива страны», и 22,8% – арабы-мусульмане, христиане и друзы).

Таблица 1

Еврейское население мира, 2016¹

Region	Core Jewish population CJP	Population with Jewish parent PJP	Enlarged Jewish population EJP	Law of Return population LRP	Difference LRP – CJP		Percent increase LRP over CJP
					Number	Percent distribution	
World total	14 410 600	17 522 600	20 368 800	23 170 500	8 759 800	100,0	61
North America	6 088 100	8 450 200	10 550 300	12 700 400	6 612 300	75,5	109
Latin America	381 400	514 900	627 500	701 100	319 700	3,7	84
European Union	1 084 700	1 312 600	1 575 200	1 842 600	757 900	8,7	70
FSU in Europe	249 400	410 700	552 500	814 000	564 600	6,4	226
Rest of Europe	38 300	46 800	53 200	59 900	20 100	0,2	51
Israel	6 336 400	6 521 400	6 706 400	6 706 400	370 000	4,2	6
FSU in Asia	18 000	26 800	37 900	52 400	34 400	0,4	191
Rest of Asia	19 300	23 600	27 100	30 400	11 100	0,1	58
Africa	74 500	81 900	88 900	96 900	22 400	0,3	30
Oceania	120 600	133 700	149 800	166 400	45 800	0,5	38

Вторым фактором, как и прежде, стала еврейская репатриация: за прошедший год в Израиль переселились более 28 тысяч евреев диаспоры и членов их семей (более 60% – из стран бывшего СССР). Алия и обеспечила львиную долю позитивного гражданского миграционного баланса, составившего за 12 месяцев 29 тысяч человек (без учета соискателей статуса беженцев и трудовых мигрантов)². Иными словами, 2018 год был периодом продолжающейся, после резкого спада в первом десятилетии нынешнего века, достигшего нижнего пика в 2008 году, роста позитивной миграционной динамики в Израиле. Этот потенциал далеко не исчерпан.

Согласно исследованиям ведущего израильского демографа проф. Серджио Делла Пергола из Еврейского университета в Иерусалиме, в диаспоре сегодня прожи-

вает порядка 8,1 млн лиц, которые определяют себя евреями и не исповедуют неиудейские культы. Крупнейшие, после Израиля, еврейские общины имеются в четырех странах – США, Франции, Канаде и Великобритании, где проживают, соответственно, 5,7 млн, 453 тыс., 391 тыс. и 290 тыс. человек. Заметным еврейским (в соответствии с этими критериями) населением обладают также Аргентина (180 000), Россия (172 000), Германия (116 000); Австралия (113 000) и Бразилия (93 000). А также ЮАР, Украина и Венгрия, где численность этнического «ядра» еврейской общины составляет, соответственно, 69 000; 50 000 и 47 000 человек³. Помимо них, по тем же оценкам, правом на алию (репатриацию в Израиль) теоретически в мире могут воспользоваться еще порядка 15,5 млн человек. (С учетом критериев израильского Закона о возвращении, дающего такое право, кроме евреев, еще и второму и третьему поколению потомков смешанных браков, и нееврейским супругам всех этих лиц)⁴.

Впрочем, вряд ли следует ожидать массовой репатриации большинства этих лиц в ближайшее время, хотя в нынешнем динамичном мире что-либо предугадать со 100%-й уверенностью нелегко. Тем не менее есть основания предполагать, что алия в Израиль будет расти и в новом еврейском году. Помимо «выталкивающих» факторов (антисемитизм и неблагоприятная политическая и экономическая ситуация в странах исхода), а также таких притягивающих факторов, как национальные, культурные и семейные мотивы, репатриантов и возвращающихся граждан привлекают растущие социальные и экономические возможности еврейского государства, к появлению которых, со своей стороны, причастны и сами репатрианты.

Действительно, Израиль является единственным развитым государством в мире, в котором более десяти лет подряд наблюдается примерно 4-процентный экономический рост. В прошлом году общий объем ВВП составил, по данным ЦСБ Израиля, в текущих ценах, около 353 млрд долларов США, и рекордные 41,5 тыс. долларов на душу

населения. Как отметили авторы многих предпраздничных публикаций, Израиль оказался единственным, кроме США, западным государством с уровнем безработицы ниже 4% (рекорд последних 40 лет), а также единственным государством с населением менее десяти миллионов человек, в котором есть компании, чьи акции котируются на бирже NASDAQ. По абсолютному числу венчурных и высокотехнологичных компаний Израиль занимает второе место в мире после США и первое место – по числу таких компаний на душу населения.

К этому, замечает в своей статье, посвященной итогам еврейского года, обозреватель Jerusalem Post Херб Кейнон, нужно добавить рекордный приток туристов и самый высокий за всю историю страны ее кредитный рейтинг. А также продолжавшийся в прошлом году прорыв в энергетических, транспортных, водных (включая обеспечение 80% потребностей страны в воде за счет ее опреснения и многократного использования) и иных инфраструктурных проектах. То есть в сфере, традиционно являющейся вместе с наукоемкими оборонными, машиностроительными, химическими и сельскохозяйственными производствами (где, соответственно, в ушедшем году было занято 26% и более 17%, то есть чуть менее половины трудоустроенных израильтян) локомотивом израильской экономики. В основном именно этим сферам Израиль уже седьмой год подряд обязан положительным сальдо торгового баланса, которое прошлым году составило 5,9 млрд долларов США. Локомотивом этих процессов остается high tech сектор, который трудоустроявая, по состоянию на 2017 г., порядка 8-9% израильских работников, обеспечивает порядка 12% ВВП, четверть налоговых поступлений страны и 42% экспорта.

Как эти макроэкономические показатели сказались на уровне и качестве жизни населения? Ежегодный отчет, опубликованный ЦСБ Израиля 4 сентября 2018 г., за несколько дней до наступления по иудейскому календарю нового 5779 года, показал, что общий средний месячный

доход израильских домохозяйств в истекшем году был сравнительно высоким. Он составлял 19 118 новых израильских шекелей (NIS), что эквивалентно примерно 5,4 тыс. долларов США, а доход нетто – NIS 15 751 (4,4 тыс. долларов). Это лишь немногим меньше, чем средний доход наиболее обеспеченных 20% населения ОЭСР (в английской аббревиатуре, OECD) – клуба социально и экономически развитых стран мира; это также почти в два раза выше, чем средний чистый доход домохозяйств этих стран, и почти вчетверо больше, чем средний чистый доход 20% наименее обеспеченных семей⁵. По официальным данным, в 2018 году продолжился быстрый рост номинальных и реальных зарплат израильских работников, выросших по сравнению с 2014 годом на 11%.

Главной причиной роста доходов, судя по всему, является растущий уровень занятости работников в Израиле, который по этому параметру, по данным израильского Центра общественной политики имени Тауба, вышел на первое-второе место среди экономически развитых стран мира. Уровень занятости в 2018 году достиг более 78% (за последние 15 лет – рост на 7 процентных пунктов для мужчин и 13 у женщин), в свою очередь безработица снизилась до рекордного минимума в 3,4%. Примечательно, что эти показатели были во многом достигнуты за счет роста занятости представителей групп, которые принято относить к «группам риска» на рынке труда: матерей маленьких детей и лиц предпенсионного возраста⁶.

Однако разрыв в доходах между различными слоями населения в Израиле является одним из самых высоких среди государств-членов OECD – даже при учете отмеченного в СМИ в качестве достижения прошлого еврейского года постепенного сокращения «Индекса неравенства».

Привлекающей повышенное общественное внимание проблемой в этом году также оставался рост цен на жилье и особенно дефицит доступного жилья для молодых пар. При этом более двух третей израильских семей владели собственными домами или квартирами, причем

62% из них были свободны от ипотечных выплат. И, как и в прошлые годы, в адрес правительства страны раздавалось немало критических замечаний за издержки бурного экономического роста в стране последних десятилетий, что во многом было достигнуто за счет сокращения государственного вмешательства и либерализации экономики – постепенного сворачивания политики «социального государства» (a welfare state) и других издержек сокращения. Так, выплаты на социальное обеспечение различным группам населения составили около 140,5 млрд NIS, или 28% расходной части действующего двухгодичного бюджета страны, что было существенно меньше, чем в среднем по OECD.

С другой стороны, общие расходы правительства на образование и здравоохранение составили 8,1 и 7,5%, соответственно, а на культуру, досуг и спорт – 4,6% ВВП. Что было совсем не так мало, и среди прочих факторов, во многом объясняет положительные индексы качества жизни.

Например, по «индексу человеческого развития», Израиль продолжал устойчиво занимать 19-е место в мире, по «индексу счастья» был на 11-м месте из 150 стран мира, и в целом на 9-м (8-м у мужчин и 12-м у женщин) в мире по ожидаемой продолжительности жизни. По данным OECD, Израиль находится на третьем после Канады и Японии месте в мире по доле лиц в возрасте 25–64 лет (50,9%), имеющих высшее академическое и продвинутое профессиональное (не менее 2 лет учебы после завершения 12-летнего среднего) образование. Он опережает такие страны, как Южная Корея с ее 47,7% лиц данных возрастов с высшим образованием и США с 46,4% – при том, что в этой стране находится половина университетов, занимающих места в первой сотне рейтингов ВУЗов в мире. И это несмотря на тот факт, что еврей-израильтяне (как девушки, так и юноши) в большинстве своем проходят двух- или трехгодичную службу в армии и потому начинают учебу в ВУЗах сравнительно поздно

(в отличие от не подлежащих призыву в ЦАХАЛ арабов-израильян)⁷.

Кроме того, в отличие от ряда стран Запада, испытывающих проблемы с трудоустройством «слишком образованных» выпускников своих ВУЗов, в Израиле такая проблема в целом ощущалась меньше. Согласно исследованию OECD, стабильный рост требования на рынке труда к уровню образования и квалификации работников имеет место с начала этого десятилетия. Уже в 2011 году 33% занятых израильян (по сравнению с 22% в среднем по клубу развитых стран) сообщали, что испытывают нужду в повышении образования. И четверть из них (аналогично в среднем по OECD) чувствовали себя «слишком квалифицированными» для выполняемой ими работы⁸.

По другим базовым социальным и экономическим параметрам Израиль в прошедшем году также занимал вполне почетные места в первой и второй десятке наиболее развитых стран мира.

Внешнеполитический трек

Юбилейный год принес Израилю немало достижений и в сфере дипломатии и обеспечения национальной безопасности, включая в дополнение к традиционным стратегическим союзам в блоке западных стран углубление партнерских отношений с Индией, Китаем, Японией, новыми-старыми демократиями Восточной Европы и постсоветскими государствами. А также рядом региональных центров силы в Африке, Латинской Америке и Юго-восточной Азии, многие из которых, находясь в дипломатическом капкане арабо-израильского противостояния, прежде сторонились Израиля. Происходит также укрепление пока неофициальных отношений (на фоне общих интересов, вызовов и угроз) с умеренными суннитскими режимами Ближнего Востока. Причем реальные последствия многих из этих достижений будут ощутимыми уже в нынешнем 5779 еврейском году.

Понятно, что готовность великих и ключевых региональных держав воспринимать Израиль всерьез проистекает из его статуса глобального центра передовых технологий, и, не в меньшей степени, развития оборонных возможностей еврейского государства, входящего в десятку стран с наиболее мощным военным потенциалом. (Что, по версии US News and World Report, позволило Израилю занять 8-е место после США, России, Китая, Германии, Великобритании, Франции и Японии в рейтинге 25 самых влиятельных стран мира).⁹

Но свою роль сыграло и успешное дипломатическое маневрирование израильского руководства на фоне объективного изменения мирового и регионального политического климата. По мнению обозревателей, премьер-министр Биньямин Нетаньяху – единственный из значительных современных лидеров, кто поддерживает тесные и плодотворные отношения с президентом США Дональдом Трампом и одновременно сумел выстроить рабочие отношения с Москвой, обеспечившие, несмотря на разногласия и недавний дипломатический кризис, Израилю относительную свободу действий в Сирии против иранских объектов. И как заметил обозреватель газеты «Маарив» Йорам Шефтель, «дело не просто в дипломатии, речь идет об отношениях, которые приносят пользу Израилю в вопросах безопасности».

Но наиболее впечатляющими, по мнению комментаторов, все же были подвижки на треке Иерусалим – Вашингтон, во многом связанные с тем, что нынешний президент США, в отличие от предшественников, выполняет свои предвыборные и послевыборные обещания в отношении Израиля. Выступая в своей Герцелийской резиденции на официальном мероприятии в честь нового еврейского года, посол США в Израиле Дэвид Фридман – человек из ближнего круга советников и доверенное лицо Дональда Трампа – подчеркнул, что отношения двух стран сегодня крепки, как никогда. И это заявление, по впечатлениям собравшихся (включая

автора этих строк), явно не было обычной дипломатической «фигурой речи».

За прошедший год, по мнению посла Д. Фридмана, случилось многое, но главными, с его точки зрения, были три события. Во-первых, выход США из «ядерной сделки» с Ираном, которая, вопреки «продавившим» (несмотря на сопротивление Израиля) ее оптимистам из прежней администрации США, оказалась непродуктивной, ибо укрепила статус Тегерана как фактора нестабильности и угрозы безопасности региона и мира. И, напротив, вводимые против Ирана нынешней администрацией экономические санкции, вопреки утверждениям пессимистов, приносят ощутимый эффект – и это только начало процесса.

Второй важнейший для отношений двух стран, по мнению Д. Фридмана, процесс проходит на палестинском арабском векторе. В Вашингтоне, по словам посла США, пришли к выводу, что неудачи в разрешении палестино-израильского конфликта связаны не столько с отсутствием готовности к уступкам израильской стороны, сколько отсутствием у противоположной стороны, несмотря на все усилия, настоящего желания решить проблему. Символом является Агентство ООН по делам палестинских беженцев (UNRWA), которое из инструмента решения застарелой проблемы «палестинских беженцев» само стало сутью этой проблемы, препятствием для урегулирования арабо-израильского конфликта и в определенном смысле участником антиизраильского фронта. По данным посла США, за время существования организации Вашингтон перечислил палестинским арабам порядка 10 млрд долларов, но более не намерен финансировать неэффективную бюрократию, террор и воспитание новых и новых поколений арабов в духе иррациональной ненависти. А обвинения в адрес США, что, лишая UNRWA и структуры ПНА/ООП финансирования, американцы отступают от принципов справедливости и милосердия, беспочвенны. Америка, по информации посла, одна обеспечивает более 40% бюджета

агентства ООН, занимающегося решением проблем реальных беженцев.

И третье: случившийся в ушедшем еврейском году, накануне 70-го Дня независимости Израиля перенос посольства США в Иерусалим, который, по утверждениям критиков этого шага, якобы противоречил «естественному порядку вещей», превращал волевым порядком Иерусалим из «спорной территории» в признанную американцами столицу Израиля, что якобы запутывало и без того сложно разрешимый узел противоречий. Отвечая на эту критику, Дэвид Фридман – явно в духе настроений в Белом доме и среди весьма и весьма немалой (по всем социологическим замерам) части американских граждан – счел нужным пояснить, что США не сделали Иерусалим столицей еврейского государства. Это, по его словам, сделал 3 тыс. лет тому назад библейский царь Давид. А Америка, по мнению посла, лишь участвует, к ее гордости и чести, в возрождении Иерусалима (в приземлённом и высоком смысле этого слова), разрушенного 2 тыс. лет назад римлянами.

Помимо укрепления стратегического сотрудничества с США и ключевыми странами Европы и Азии и выстраиванием партнерских отношений с рядом постсоветских государств, прошлый год демонстрировал определенный позитивный перелом в борьбе с кампаниями дипломатической и политической делегитимизации еврейского государства, включая фактический провал движения BDS. Наконец, в 2017 и 2018 годах на новый качественный уровень вышла т.н. периферийная стратегия внешней политики страны, предполагающая налаживание двусторонних отношений с неарабскими странами и другими потенциальными союзниками Израиля в Восточном Средиземноморье, а также расширение израильского торгово-экономического, технологического и дипломатического присутствия в Азии, Африке и Латинской Америке и установление отношений стратегического партнёрства с ключевыми странами этих регионов.

Общественное мнение

На фоне этих процессов немало израильтян, вероятно, были готовы согласиться с, возможно, чуть экзальтированными выводами тех, кто подобно упомянутому Изи Лебелю и некоторым другие комментаторам назвал происходящее «чудом, не меньшим, чем библейский Эксодус (Исход из Египта – авт.), за которое евреям следует неустанно благодарить В-вышнего».

Естественно, что и лидеры правящей в стране коалиции постарались максимально извлечь из этой ситуации весь возможный политический кредит. Как это, например, сделал премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, который выступая на предпраздничном заседании правительства 6 сентября 2018 г., процитировал данные обзора ЦСБ, где утверждалось, что 89% израильтян в конце прошлого еврейского года были «довольны» или «очень довольны» своей жизнью. Впрочем, накануне нового еврейского года в СМИ появлялось и немало публикаций и сюжетов, авторы которых в свойственном израильской журналистике акцентированно-критичном и ироничном стиле попробовали смазать эту благостную картину. Во всяком случае, там охотно давали трибуну тем общественным фигурам, политикам и публицистам, которые не преминули задать все тот же сакраментальный вопрос из серии «если все так хорошо, то почему (мне лично или вообще) все так плохо?». Или наоборот, как это сделал премьер-министр Израиля в 1999-2001 годах Эхуд Барак, бывший командир нынешнего премьер-министра Биньямина Нетаньяху по спецназу Генерального штаба ЦАХАЛа «Сайерет Маткаль», а затем его многолетний политический соперник и нередко непримиримый и жесткий критик. В предпраздничном интервью Jerusalem Post Барак назвал свое личное положение «замечательным», а положение общества и страны в целом – «ужасным».

Каковы же субъективные оценки ситуации на самом деле? Частичный ответ на этот вопрос дает авторитетный

«Индекс мира» – масштабный репрезентативный опрос израильского общества, ежегодно проводимый Израильским институтом демократии. Так, очередной такой опрос, чьи итоги были опубликованы накануне наступления нового 5779 года по еврейскому календарю, показал, что более 60% респондентов оценили в момент опроса уходящий год как «очень» или просто «хороший». И только четверть – как «довольно неудачный» год, причем существенной разницы во мнениях израильских евреев и израильских арабов здесь не наблюдалось. Правда, среди тех, кто назвал тот год «очень неудачным» арабов было, в процентном отношении втрое больше, чем евреев: 19 против 7%.

Таблица 2

**Каким, по вашему мнению,
был для страны уходящий год?**

	Евреи	Арабы	Все опрошенные израильтяне
Очень хороший	8,3	8,7	8,4
Хороший	55,5	41,4	53,2
Довольно неудачный	25,2	24,0	25,0
Очень неудачный	7,0	19,0	9,0
Не знают	4,0	7,0	4,5
Total	100,0	100,0	100,0

Сходная картина наблюдалась и в «прогностическом» ответе – примерно равные доли евреев и арабов полагали, что следующий год будет «намного лучше» или просто лучше, чем уходящий (так считали более 29% всех респондентов). Но среди арабов-граждан Израиля доля тех, кто думал, что следующий год будет «намного» или «немного хуже», чем уходящий, была соответственно, вдвое и вчетверо выше, а тех, кто считал, что ничего существенно не изменится, – вдвое ниже (24 и 45%), чем среди их еврейских сограждан. Иными словами, сравнительно оптимистичного мнения (каковым, учитывая в це-

лом позитивную оценку прошлого года, следует считать и прогноз о «статус-кво») о будущем страны в новом году придерживались более 70% всех опрошенных граждан. Но среди евреев Израиля так считали три четверти респондентов, а среди арабов доля оптимистов была почти в полтора раза ниже.

Таблица 3

**Каким, по вашему мнению, будет для страны
новый год по сравнению с уходящим годом?**

	Евреи	Арабы	Все опрошенные израильяне
Намного лучше, чем уходящий	10,0	13,1	10,5
Немного лучше	19,1	17,3	18,8
Таким же	45,6	24,0	42,0
Намного хуже	7,2	14,1	8,3
Немного хуже	4,7	20,9	7,4
Не знают или не ответили	13,5	10,6	13,0
Total	100,0	100,0	100,0

Подобное размежевание можно объяснить по-разному. «Социалисты», особенно из числа представителей левой оппозиции, чаще всего в таких случаях говорят о сохраняющемся разрыве в уровне доходов и профессиональной занятости двух групп населения, а также продолжающейся, по их мнению, дискриминации арабских граждан в различных сферах жизни. В свою очередь, их оппоненты, прежде всего из центра и правой части политического спектра, объясняют более высокий уровень бедности в арабском секторе отсутствием традиции трудоустройства арабских женщин и немалой долей арабов, занятых на "черном" рынке труда. А также предлагают обратить внимание на усилия правительства по исправлению данной ситуации, включая инвестиции в профессиональное образование, программы трудоустройства и «корректирующую дискриминацию» в пользу арабского меньшинства в государственных ведомствах.

Кроме того, в официальных кругах нередко подчеркивают, подкрепляя эти данные статистическими выкладками, что израильские арабы, при всех имеющихся проблемах, все же являются наиболее благополучной по уровню и качеству жизни группой арабского мира (за исключением, возможно, обладающего местным гражданством меньшинства населения нефтегазовых монархий Персидского залива). Имеется в виду доступ арабских граждан Израиля к динамичному израильскому рынку труда, услугам образования, здравоохранения и социального обеспечения, не говоря уже о несравнимом ни с какой арабской страной уровне их личной безопасности и гражданских и политических прав. Во всяком случае такой вывод следует из опубликованного в сентябре 2018 года обзора ЦСБ, которое в ходе сбора статистической информации о положении израильских домохозяйств также время от времени проводит опрос их членов по широкому кругу вопросов. По этим данным, «довольны» или «очень довольны» своей жизнью (в соответствии с такими параметрами, как удовлетворенность условиями занятости, услугами здравоохранения, жильем, образованием, окружающей средой, личной безопасностью, материальным положением и социальным благосостоянием) были в конце прошлого года не только 91% израильских евреев, но и 82% арабов-граждан Израиля.

Если это так, то ответ на поставленный вопрос следует скорее искать в политической атмосфере прошедшего года. Непосредственно перед его началом, в декабре 2017 г., произошло признание президентом США Трампом Иерусалима столицей Израиля, в середине года (май 2018) – перенос в город американского посольства, а в июле – принятие Закона о еврейском национальном характере Государства Израиль.

На фоне довольно вялой реакции на эти события умеренных арабских режимов суннитского блока и неудачи попыток организации масштабных протестов арабов Иудеи и Самарии главы Палестинской национальной ад-

министрации в Рамалле и лидеры радикальной исламистской террористической группировки ХАМАС сосредоточили усилия на активизации их креатуры в среде израильских арабов. Прежде всего в лице запрещенного израильскими властями еще в 2015 году и с тех пор действующего в виде неформальных ячеек «северного» (экстремистского) крыла Исламского движения Израиля, фактически являющегося филиалом ХАМАСа внутри «Зеленой черты». А также традиционного «палестинского лобби» в лице депутатов Кнессета от Объединенного арабского списка. Входящие в этот список партии, по устойчивому представлению немалого числа израильтян, уже довольно давно на практике представляют не столько арабское, по первому языку, этнокультурное меньшинство израильских граждан, сколько ориентированы на внешние, в том числе враждебные Израилю интересы. И потому де-факто выступают в роли внесистемной оппозиции, что постепенно и укрепляло в глазах многих израильских евреев образ лидеров арабских партий как «пятой колонны» этих палестинских, арабско-националистических и/или панисламских сил.

На этот раз существенным образом «разогреть» израильскую арабскую «улицу», за исключением небольшого числа шумных, но немногочисленных демонстраций, этим лидерам не удалось. Результат, хотя и, вероятно, не тот, на который они рассчитывали, принесло иное. А именно, широко озвученные в СМИ публичными фигурами из этой среды и переходящие, по мнению многих израильтян, все допустимые в либерально-демократической стране границы толерантности радикальные антисиионистские (в ряде случаев – практически антисемитские) заявления. А также активное участие этих лиц в организованных ПНА/ООП Махмуда Аббаса в Рамалле в координации с левацкими, исламистскими и прочими антиизраильскими кругами в Европе дипломатических и информационных, на грани подстрекательства кампаниях по делигитимации еврейского государства – Израиля.

Заметим, что все это происходило на фоне нового витка острой общественной полемики об идентичности еврейского государства. В силу чего слова и действия израильских арабских политиков и иных публичных фигур были многими восприняты как нарушение всех существующих в стране, даже самых эластичных, когда речь идет об этом секторе, правил политической игры.

Очевидно, что эти настроения, оправданно или нет, стали переноситься на израильскую арабскую «улицу» в целом – особенно в ситуации и без того растущего в обществе раздражения ростом непопулярности «палестинцев 1948 года», как предпочитают именовать эту группу их политические лидеры. А также «преимущественно арабскими» формами криминала (наркоторговля, угон машин, незаконный захват государственных земель и т.п.). Не случайно, что в прошедшие месяцы в повестке дня израильских СМИ вновь появилось обсуждение разных версий нового «этнического размежевания» между евреями и арабами на территориях между рекой Иордан и Средиземным морем. Идею чего в свое время в виде плана обмена еврейских поселенческих блоков Иудеи и Самарии на плотно населённые израильскими арабами-мусульманами города и районы внутри «Зеленой черты» выдвинул глава «правой светской» партии «Наш дом – Израиль» (НДИ), бывший министр обороны Авигдор Либерман.

Несмотря на то, что согласно опросам, 60-80% израильских арабов не признают определение Израиля в качестве «национального дома еврейского народа» и, соответственно, требуют изменения его еврейского характера, предлагаемая перспектива оказаться – даже не путем переезда, а оставаясь в своих городах и домах, – под любой арабской властью подавляющим большинством арабских граждан страны воспринимается с ужасом. В этой связи показательно, что в ходе упомянутого опроса ИИД, среди тем, на которых в следующие 12 месяцев должны быть направлены усилия руководства страны,

израильские арабы, давшие определенный ответ на этот вопрос, на первое место поставили идею «достижения мирного соглашения между Израилем и палестинцами».

Сторонников такой точки зрения в этой группе респондентов было 22% – вдвое больше, чем среди израильских евреев (6,6%), которые уже, похоже, в большинстве своем потеряли остатки надежды на достижение компромисса с палестинскими арабами. Понятно, что «палестинцы 1948 года», осознавая это или нет, заинтересованы, среди прочего, и в том, чтобы покинуть в израильском общественном мнении «категорию врагов». Как минимум для того, чтобы вернуть у их еврейских сограждан прежде доминировавшее ощущение, что следует проводить различие между политическими декларациями арабских депутатов, которых арабская «улица» в силу сложившейся там системы общинно-клановых и корпоративных отношений раз за разом делегирует в Кнессет, и реальными социально-культурными и социально-экономическими интересами их избирателей.

Остальные сходства и различия между двумя группами респондентов, опрошенных в ходе этого исследования, были не менее понятны. Примерно пятая часть и тех, и других полагали нужным, чтобы правительство большую часть своего внимания уделяло улучшению экономической ситуации в стране. В то время как тема «искоренения социально-экономического неравенства в обществе» для евреев оказалась вдвое более актуальной (почти 22%), чем для арабов (чуть более 10%), которых как группу населения, автоматически относимую общественным мнением к непривилегированным и эксплуатируемым слоям населения, этот вопрос, казалось бы, должен был интересовать существенно больше.

Понятно и то, что «укрепление ЦАХАЛа и безопасности Израиля» задачей первого правительственного приоритета израильские евреи считали вчетверо чаще, чем граждане, говорящие по-арабски. (Среди последних этот пункт выбрали около 3% респондентов, что примерно со-

ответствует суммарной доле служащих в израильской армии друзов и черкесов, а также арабов-христиан, связывающих, как и первые две подгруппы, перспективы своего благосостояния и безопасности именно с Израилем – особенно на фоне происходящего с их единомыслителями в других странах ближневосточного региона).

Столь же существенными оказались расхождения по такому вопросу, как «укрепление единства народа», вновь израильских евреев эта тема интересовала втрое чаще, чем арабов (соответственно, 13,6 и 4,2%). Что понятно в свете приведенных выше данных о доминировании у второй группы палестинской, арабской и исламской идентичности над израильской гражданской идентификацией, а также их стремлении (вопреки лозунгам арабских политиков, остро критиковавших соответствующий пункт Закона о национальном характере государства) жить обособленными городскими и деревенскими общинами, где приняты свои нормы и стандарты отношений между людьми и ценностные характеристики, в силу чего такая тема, как «искоренение коррупции в системе власти», например, была рекомендована арабоязычными респондентами правительству вдвое реже, чем израильскими евреями, и в среднем по выборке.

Наконец, лишь менее 15% респондентов затруднились или не пожелали дать ответ на вопрос о желаемых ими приоритетах правительства в новом еврейском году. Похоже, что израильтяне в целом знают, чего они хотят, более-менее четко расставляют порядок приоритетов и, в свете приведенных данных, довольно оптимистично оценивают перспективы их реализации. Что, однако, в намного меньшей степени можно сказать об израильских арабах, где относительное большинство опрошенных (32,1% – вдвое больше, чем в среднем по выборке, и втрое чаще, чем среди евреев) оставили этот вопрос без ответа. Еще одно свидетельство того, что данное сообщество израильских граждан явно находится на перепутье.

Таблица 4

**На чем должны быть сфокусированы усилия
руководства страны в новом еврейском году?**

	Евреи	Арабы	Все опрошенные
Укрепление ЦАХАЛА и безопасности Израиля	12,1	2,6	10,5
Достижение договора о мире с палестинцами	6,6	22,0	9,2
Улучшение экономической ситуации	18,4	19,4	18,6
Искоренение коррупции в системе власти	16,2	9,6	15,1
Искоренение социально-экономического неравенства в обществе	21,9	10,2	20,0
Укрепление единства народа	13,6	4,2	12,1
Не знают или нет ответа	11,1	32,1	14,6
Всего	100,0	100,0	100,0

Заключение

Можно ли в свете сказанного утверждать, как это делает в обзорной статье о геополитическом положении еврейского государства в день его 70-летия известный израильский политолог, президент Иерусалимского института стратегических исследований (Jerusalem Center for strategic studies) Эфраим Инбар, что «время работает на Израиль»? По его мнению, «простой взгляд на соотношение сил Израиля и его противников, на ресурсы внутренней политической устойчивости страны и ее роль в международном сообществе доказывает, что в обозримой перспективе Израиль будет среди тех, кто [не подчиняется чужим, а] задает свои правила игры».¹⁰

На первый взгляд, это именно так. Более того, позитивные тенденции в экономике и линия, проводимая правительством в вопросах внешней политики и безопасности, являющихся главным политическим водоразделом в израильском обществе, по идее, способна обеспечить

крайне нечастый в новейшей истории результат. А именно, сохранить правящую в стране правоцентристскую коалицию до официального конца каденции Кнессета XX созыва (ноябрь 2019 года) без назначения внеочередных выборов. Этого, однако, не случилось: досрочные выборы были назначены на 9 апреля 2019 года.

Причиной стал тот факт, что именно в 2018 году мощный политический резонанс приобрели гражданские сюжеты, ранее находившиеся на периферии общественного внимания: «чистота власти» и особенно новый виток конфликтов, связанных с темой «государство и религия». Эти сюжеты стали не только перспективным электоральным инструментом оппозиционных партий, которые таким образом надеются с помощью новой повестки дня переломить уже десятилетнюю тенденцию доминирования «правых». Но, по сути, стали и фактором политических конфликтов и противоречий внутри широкого правого и широкого левого сегментов израильской политики.

Эти процессы можно оценивать по-разному, но, вероятно, хорошая новость состоит хотя бы в том, что израильское общество остается верным себе, критично относясь к достигнутым результатам, и не готово останавливаться на достигнутом.

¹ https://www.researchgate.net/publication/313885052_World_Jewish_Population_2016/figures

² Israel in Figures – Rosh Hashana 5779: Selected Annual Data 2018 // CSB Media Release (263/2018), Jerusalem, 04.09.2018.

³ Yori Yalon. Ahead of High Holidays, world Jewish population stands 14.7 million strong // Israel Hayom, 09.09.2018.

⁴ См.: Sergio DellaPergola, Arnold Dashefsky and Ira Sheskin, eds. "World Jewish Population, 2016". Jerusalem: The Avraham Harman Institute of Contemporary Jewry, The Hebrew University of Jerusalem, 2016; [https://www.jewishdatabank.org/content/upload/bjdb/831/World%20Jewish%20Population,%202016%20\(Final\).pdf](https://www.jewishdatabank.org/content/upload/bjdb/831/World%20Jewish%20Population,%202016%20(Final).pdf); *Current Jewish Population Reports*. The American Jewish Year Book (Dordrecht: Springer). **116**. Retrieved

29 September 2017. See also: https://www.researchgate.net/publication/313885052_World_Jewish_Population_2016/figures

⁵ OECD Better Life Index, 2017,

<http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/topics/income-ru/>

⁶ См.: Hadas Fuchs and Avi Weiss. Israel's Labor Market: An Overview // Policy Research, 23.12.2018. – <http://taubcenter.org.il/israels-labor-market-an-overview/>

⁷ Abigail Klein Leichman. Israel ranks as world's third most educated country // *Israel 21c*, 20.12.2018. – <https://www.israel21c.org/israel-ranks-as-worlds-third-most-educated-country/>

⁸ Musset P., M. Kuczera and S. Field (2014). A Skills beyond School Review of Israel. OECD Reviews of Vocational Education and Training, OECD Publishing. – <http://dx.doi.org/10.1787/9789264210769-en>

⁹ См.: Power: These countries project their influence on the world stage // US News and World Report, <https://www.usnews.com/news/best-countries/power-rankings>

¹⁰ Efraim Inbar. The Future of Israel Looks Good // The Jerusalem Institute for Strategic Studies (JISS), 18.04.2018. – <http://jiss.org.il/en/inbar-future-israel-looks-good/>

Владимир (Зеэв) Ханин

ИЗРАИЛЬ, ХАМАС И ПНА: НЕФОРМАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ НАКАНУНЕ ПУБЛИКАЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ «СДЕЛКИ ВЕКА»

Введение

По мере продвижения к публикации разрабатываемого администрацией президента США Дональдом Трампом плана комплексного регионального урегулирования арабо-израильского конфликта (т.н. «сделки века») становится очевидным, что лидеры палестинских арабов в очередной раз не упустили возможность упустить возможность. В данном случае – возможность стать полноправными участниками процесса, которую им были готовы предоставить американцы, израильтяне и лидеры проамериканских арабских режимов.

Речь идет об Организации освобождения Палестины (ООП) во главе со «светскими радикальными националистами» из движения ФАТХ, по крайней мере, на словах принявших более четверти века назад идею отказа от террора и территориального компромисса с Израилем. И организации радикальных исламистов ХАМАС, не готовой признать право Израиля на существование в каких бы то ни было границах, как и отказаться от террористической активности. Как известно, идеологическое противостояние и борьба за ресурсы, выделяемые внешними спонсорами либо под создание палестинского государства, либо под продолжение прямой или «гибридной» войны с Израилем, 12 лет

назад приобрела еще и территориальную коннотацию. Организованный ХАМАСом в секторе Газа военный переворот привел к фактическому распаду Палестинской национальной администрации (ПНА) на два анклава – «ХАМАСстан» в Газе и «ФАТХленд» на Западном берегу реки Иордан.

С тех пор многочисленные попытки примирения этих враждующих структур и восстановления «палестинского единства», что, как надеялись сторонники уже десятилетие буксующего палестино-израильского «мирного процесса», могло бы привести к его «размораживанию», а в его рамках – и «нормализации ХАМАСа», оставались безуспешными. Но в одном пункте обе организации, несмотря на их встроженные противоречия, остаются едиными: и те, и другие не готовы принять любую (за исключением собственной, иррационально-завышенной и заведомо неприемлемой для Израиля) формулу завершения конфликта.

Именно такова была реакция и ООП, и ХАМАСа на ставшие достоянием гласности параметры американской «сделки века», в которой лидеры обеих фракций небезосновательно увидели прелюдию к завершению единственно устраивающего их сценария: соответственно, либо бесконечной борьбы за создание палестинского государства (без особого желания добратся когда-либо к цели), либо бесконечного вооруженного конфликта с Израилем, в пакете с получением финансовых и дипломатических дивидендов от спонсоров обоих проектов.

Два события лета 2019 года и реакция на них стали внешним, но показательным индикатором как процессов и настроений, которые имеют место в среде этих противостоящих друг другу фракций палестинских элит, так и направлений стратегии на палестино-арабском треке в кругах, причастных к принятию решений в Израиле.

Стратегия и тактика ПНА/ООП

Первым событием стало заявление, сделанное 30 июля 2019 года председателем ПНА Махмудом Аббасом (Абу Мазеном) о полном прекращении выполнения договоров,

подписанных с Израилем. Тем самым он выполнил свою же угрозу, озвученную за неделю до этого заявления, и объявил о полном прекращении выполнения договоров, подписанных с Израилем в рамках так называемого «палестино-израильского мирного процесса» («соглашения Осло» 1993-1998 гг.).

По большинству мнений обозревателей, на том этапе данное заявление следовало воспринимать в основном как общую декларацию, за которой на практике мало что стоит. Выход из «соглашений Осло» означает самоликвидацию их продукта – Палестинской национальной администрации, которая обеспечила международную легитимацию лидерам движения ФАТХ и других палестинских группировок, входящих в Организацию освобождения Палестины. Естественно, под обязательство стать партнером Израиля по окончательному урегулированию конфликта по модели «мир в обмен на территории» (и в свою очередь, триггером разрешения арабо-израильского конфликта в целом). Но вместо этого ПНА стала инструментом выстроенной покойным главой ООП Ясиром Арафатом и его наследниками системы бесконечного «гибридного конфликта» с Израилем и коррупционного механизма аккумуляции и распределения беспрецедентной по масштабам международной помощи и внутренних ресурсов, слегка замаскированного под «палестинское государство в пути».

Дезавуирование соглашений для постарафатовского палестинского истеблишмента означает сворачивание всех этих удобных для его членов экономико-дипломатических схем, по сути, оставляя лидерам ООП единственную политическую альтернативу – развязывание очередной интифады, то есть волны вооруженного насилия на территориях Иудеи и Самарии (в международной терминологии – на Западном берегу р. Иордан), с угрозой ее выплеска, как это было в 2000-2005 гг., на территорию Израиля внутри «Зеленой черты». Именно к такому сценарию сегодня лидеров ООП/ПНА активно подталкивают их конкуренты из руководства окопавшейся в секторе Газы

радикально-исламистской группировки ХАМАС. Но в Рамалле прекрасно понимают, что первыми жертвами такого сценария как раз могут оказаться члены команды Абу Мазена и их ближайшая клиентура из числа управленческих, религиозно-племенных и бизнес-элит в арабских анклавах Иудеи и Самарии.

Потому ставка пока делается на попытку сохранения статус-кво – упомянутой бесконечной «борьбы за палестинское государство» в пакете с прежними – и весьма щедрыми – политико-дипломатическими дивидендами. Именно такой вариант обеспечивала предыдущая администрация США Барака Обамы, которая в рамках политики перезагрузки отношений с арабо-исламским миром, по сути, выдала Рамалле «карт-бланш» на бесконечное выдвижение иррационально-завышенных и заведомо неприемлемых для Израиля требований, обесмысливавших саму суть переговорного процесса. А выход из возникшего глухого дипломатического тупика видела в интернационализации палестино-израильского конфликта, то есть в поддержке парижской и иных подобных «международных» инициатив, предлагавших навязать сторонам конфликта параметры урегулирования, намного более близкие к требованиям Рамаллы (и стоящих за ней участников «красно-зеленого альянса»), чем даже максимальные, по мнению многих, мало совместимые с интересами идентичности и безопасности Израиля уступки, на которые были когда-либо готовы пойти в Иерусалиме.

Все эти схемы, естественно, потеряли релевантность с приходом в Белый дом в январе 2017 года команды президента Дональда Трампа, решительно, как показали дальнейшие события, настроенного «разморозить» процесс, для начала постаравшись убедить Абу Мазена в том, что ключ от арабо-израильского урегулирования более не находится у него в кармане. И решить «палестинскую проблему» в рамках упомянутого пакетного регионального соглашения между Изра-

илем и «умеренными» проамериканскими арабскими режимами.

И хотя детали политической части этого проекта на момент написания этих строк были еще неизвестны, очевидно, что дипломатический диалог по поводу палестинской проблемы мыслится в крайне неудобном для ПНА двустороннем формате, по сути, лишаящем это образование статуса самостоятельного субъекта региональных процессов.

А в случае отказа от сотрудничества Рамаллы (где, надо полагать, понимают, что палестинская тема в этом случае уходит на дальнюю периферию, соразмерную ее реальному значению, комплекса тяжелых проблем Ближнего Востока и становится предметом неизбежного компромисса) – «сделка века» предполагает обсуждение этой темы не с палестинцами, а «по поводу» них. Причем фигурирующий уже более десятилетия в дипломатической практике речевой оборот, похоже, начинает приобретать вполне физические изменения в виде появления платформ для обсуждения данной темы: в Бахрейне, где в конце июня 2019 года палестинская проблема рассматривалась в контексте представления экономического аспекта «сделки века». И Кемп-Дэвида, где планируется проведение «мирной конференции», на которую зять и советник по Ближнему Востоку президента Дональда Трампа Джаред Кушнер намерен пригласить арабских лидеров во время его визита в регион.

На возможный итог обсуждений в таком формате намекнул один из ключевых членов команды Д. Трампа, его посол в Иерусалиме Дэвид Фридман в интервью обозревателю и ведущему канала CNN Кристиану Аманпуру 30 июля 2019 года¹. Заявив, что США «верят в идею автономии для палестинцев и их гражданское самоуправление», Д. Фридман уточнил, что речь не идет о полноценном государстве (чего, по его словам, не имел в виду, подписывая «соглашения Осло», даже Ицхак Рабин). А суверенитет и полномочия этой автономии могут дей-

ствовать лишь «до рубежей, где они не будут вступать в противоречие с интересами национальной безопасности Израиля».

Причина, по которой США намерены отказаться от идеи создания полноценного палестинского государства, ставшей чуть ли не одной из «священных коров» мировой дипломатии, предельно проста. «Последнее, что нужно миру, – заявил посол США, – это недееспособное палестинское государство (failed Palestinian state) между Иорданией и Израилем, чья территория мгновенно станет ареной деятельности ХАМАСа, «Хизбаллы», «Исламского государства» и «Аль-Каиды» и потому будет источником угрозы для обеих стран, чью безопасность и благосостояние в любом случае придется обеспечивать Израилю. И этого, естественно, никто не допустит». Не больше смысла американцы, как можно заключить из слов посла США, видят в продолжении практики вбрасывания гигантских финансовых средств в бездонную бочку коррумпированной «распределительной экономики» ПНА. Судя по словам Д. Фридмана, решение экономических проблем [палестинцев] идет рука об руку с политическим решением, но оно невозможно без эффективных политических институтов, прозрачной экономической политики, свободной прессы, независимого суда и прекращения концентрации ресурсов в руках палестинских элит.

Иными словами, согласованная позиция США и Израиля, с которой, похоже, с разной степенью готовности так или иначе соглашались в монархиях Персидского залива, состоит в демонтаже составляющих смысл и основу существования ПНА патерналистских схем распределения ресурсов, включенных в управляемую верхушкой ООП коррумпированную вертикаль власти. Логично, что Абу Мазен и его приближенные все это время (особенно после признания Вашингтоном Иерусалима столицей Государства Израиль и переноса туда американского посольства) прилагали отчаянные усилия торпедировать «сделку века».

Направления движений

Эти усилия Абу-Мазена и его команды шли в четырех основных направлениях. Во-первых, дезавуировать роль США как «честного посредника» в урегулировании ближневосточной проблемы, пытающихся, по словам М. Аббаса «с помощью сделки века нарушить все международные соглашения, направленные на урегулирование израильско-палестинского конфликта». Во-вторых, сделать все возможное, чтобы не дать своим бывшим арабским патронам выбраться из «палестинского капкана», в котором они, как представляется лидерам ООП, находятся благодаря общественному мнению своих стран, десятилетиями подвергавшемуся массовой антисионистской пропаганде. В-третьих, организовать «ненасильственную интифаду», подталкивая «арабскую улицу» в Иудее и Самарии и в палестинской арабской диаспоре на «спонтанные протесты» против «израильской оккупации» и американской «сделки века». И тем самым, в-четвертых, постараться убедить всех участников ближневосточного процесса, что ПНА остается единственным субъектом, способным предотвратить «хаос безвластия» в арабских анклавах Иудеи и Самарии, а Абу Мазен является безальтернативным «адресом для обращений».

Как показали события двух последних лет, успех этой политики был ограниченным. Некоторый успех лидеры ПНА могли записать лишь в четвертом пункте. Представители израильского левого лагеря, чиновники внешнеполитических структур ЕС, в ООН и на иных международных площадках (а также, хотя и с меньшим энтузиазмом, в России, продолжающейся числиться одним из «коспонсоров мирного процесса») продолжали говорить о том, что модель «два государства для двух народов» является единственным приемлемым способом разрешения палестино-израильского конфликта. Каковой, якобы, остается стержнем арабо-израильского конфликта и источником всех проблем Ближнего Востока. И, соответственно, про-

должали критиковать Д. Трампа, израильское руководство и лидеров саудовского блока за усилия «перевернуть» эту пирамиду, выхолащивая «ословский процесс» и маргинализируя тем самым «палестинскую тему». Но серьезного влияния на региональную ситуацию их позиция сегодня не оказывает. Во всяком случае усилия Рамаллы найти в лице Брюсселя и Москвы устраивающую палестинцев альтернативу на роль главного посредника и патрона палестино-арабо-израильской дипломатии ни в одной из этих столиц не были восприняты в качестве инициативы, отвечающей нынешним реалиям Ближнего Востока.

В остальных пунктах эффект усилий лидеров ПНА/ООП был еще менее заметным. Наибольшим разочарованием Абу Мазена, судя по всему, стали руководители стран саудовского блока, которые декларируя свою приверженность «палестинскому делу», на практике делают все от них зависящее, чтобы как можно скорее закрыть сегодня становящийся для них контрпродуктивным «палестинский файл». Тому есть ряд причин: палестинский фактор, некогда служивший «громоотводом» внутренней нестабильности их режимов, сегодня «раскачивает» многие из них изнутри и препятствует разрешению арабо-израильского конфликта, что затрудняет мобилизацию как «арабской улицы», так и, что еще важнее, американской и израильской поддержки в купировании иранской угрозы.

Потому лидеры ближневосточной «четверки» проамериканских арабских суннитских режимов – КСА, ОАЭ, Египта и (с оговорками) Иордании, а также их партнеры по антииранскому блоку скорее склонны принять региональную доктрину Д. Трампа. Хотя и продолжали декларировать, как это имеет место во время проходящей в момент написания этих строк серии их встреч с Джаредом Кушнером, приверженность идее создания палестинского государства. *«Сделка века» и [эконом]семинар в Бахрейне показали, что в определенном смысле палестинская тема стала анахронизмом, – полагает и*

эксперт Института стратегических исследований имени Бегина и Садата (BESA Center) Шауль Барталь. – Для КСА и государств Залива, как и для немалого числа других мусульманских государств, нет разумной причины выступать против нормализации отношений с Израилем, страной, чьей столицей является Иерусалим». Собственно, именно в рамках такой логики, заключает Ш. Барталь, у арабских лидеров «отсутствуют причины возражать против мирного урегулирования [Израиля] с палестинцами и улучшения условий их жизни»².

Действительно, на протяжении последних двух лет главы государств саудовского блока настойчиво советовали Махмуду Аббасу «не ссориться с Трампом» и оставить дверь открытой для диалога с его администрацией по поводу американского мирного плана; иначе, когда дело дойдет до серьезной «торговли», ему просто нечего будет положить на стол. И именно это, как показали дальнейшие события, и произошло.

Неприятным сюрпризом для Рамаллы стало поведение и большинства палестинских арабов, которые, вопреки ожиданиям руководства ПНА/ООП, весьма вяло прореагировали на их призывы продемонстрировать Израилю и США готовность не дать им «навязать диктат и навести порядок с помощью силы, особенно в Иерусалиме», как, вновь озвучивая свое драматическое заявление, выразился Абу Мазен. Единодушного протеста палестинских арабов в отношении «сделки века» не получилось. Глава ПНА был вынужден отменить всеобщую забастовку, назначенную на 25 июня – день, когда должен был открыться семинар в Бахрейне, и вместо этого призвал к трехдневным демонстрациям и столкновениям на Западном берегу. Но призыв М. Аббаса и руководства ПНА остался без ответа.

Репрезентативный опрос палестинских арабов, проведенный с 27 июня по 19 июля 2019 года в Иудее, Самарии, Газе и Восточном Иерусалиме Palestine Center for Public Opinion, во многом объясняет причины

этой политической неудачи лидеров ПНА. С одной стороны, опрос показал, что восприятие образа и региональной политики Д. Трампа в их среде остается негативным (почти 90% палестинских арабов относятся к Д. Трампу «плохо» или «очень плохо»). И только 30% жителей Газы, 17% арабов Восточного Иерусалима и 14% жителей арабских анклавов Иудеи и Самарии приветствовали проведение экономического саммита в Бахрейне. Около половины респондентов в этих регионах посчитали созыв саммита «плохим» или «очень плохим решением»³.

Вместе с тем, замечает инициатор проведения этого опроса, сотрудник Вашингтонского института ближневосточной политики Дэвид Поллак (David Pollock), необычно высокая доля палестинцев (40%), заявивших, что они слишком мало информированы о мероприятии в Бахрейне, чтобы давать оценку этому событию, показывает, что они не так уж согласны с негативистской позицией Рамаллы. (Равно как и ХАМАСа, чьи ячейки разбросаны в арабских анклавах на Западном берегу). Но по понятным причинам предпочитают держать свое мнение при себе.

Показательно, что хотя объявленный высшими чиновниками ПНА «бойкот» контактов с администрацией Д. Трампа имеет поддержку большинства респондентов-арабов на Западном берегу реки Иордан (56%), но все же не столь драматичное, как можно было бы ожидать, учитывая бескомпромиссный подход советников Абу Мазена, экономическую зависимость значительной, если не большей части населения от бюджета ПНА и массированную антиамериканскую пропаганду в школах, мечетях и местных СМИ. В Газе доля сторонников «бойкота» была даже ниже – не более 40%, и лишь соответственно 32 и 12% жителей Западного берега и сектора Газа, говоря о приоритетах американской региональной политики, предпочли бы, чтобы США «держались от палестинских и ближневосточных сюжетов подальше».

Но самым неприятным для лидеров ПНА/ООП выводом исследования, надо полагать, стали следующие данные: лишь треть опрошенных согласилась с идеей, что ПНА должна не рассматривая, отвергнуть американский план «регионального мира». От 43 до 55% во всех регионах полагали, что их лидеры должны либо дать этому плану шанс, либо, по крайней мере, согласиться рассматривать его, хотя бы для того, чтобы не дать израильской дипломатии возлагать ответственность за отсутствие прогресса в мирном процессе исключительно на палестино-арабских руководителей. К этому следует добавить, что более 60% респондентов в Иудее и Самарии и 86% в Газе – по сравнению с половиной участников аналогичного исследования год назад – считали, что «арабские страны должны играть более активную роль в мирном урегулировании между Израилем и палестинскими арабами. Предлагая стимулы каждой из сторон».

Иными словами, эффективность жесткой линии ПНА/ООП и ХАМАСа в данном вопросе выглядит не слишком большой. «Раздраженные повальной коррупцией в структурах ПНА, – полагает известный израильский арабист Иони Бен-Менахем, – палестинцы к тому же считают, что Махмуд Аббас проявил отсутствие лидерских качеств и политическую слабость, и потому не посчитали нужным внять его призывам выйти на улицы»⁴.

Что же касается израильских арабов, то и там представители израильских служб безопасности видят общее снижение преступности, за фактами которой стоят политические мотивы. По мнению некоторых экспертов, арабы Израиля в целом заинтересованы в интеграции в израильское общество. Высокопоставленные офицеры израильской полиции также полагают, что молодое поколение арабоязычного сообщества Израиля все более усваивает израильскую идентичность⁵.

На практике политическая, религиозная и культурная элита этого сектора продолжает активно продвигать усилившуюся в годы реализации «соглашений Осло» и ка-

кое-то время после их кризиса идентификацию данной группы как «палестинцев 1948 года». Но даже если оценки израилизации арабов-граждан Израиля и преувеличены, авторитет режима ПНА, еще недавно во многом задававшего тон на «израильской арабской улице», в их глазах заметно потускнел.

Все сказанное во многом и объясняет отсутствие массовых протестных акций в арабских населенных пунктах и кварталах Иудеи, Самарии, Газы, Восточного Иерусалима, как и внутри «Зеленой черты».

Конец «палестинской идентичности»?

Однако главный стратегический просчет руководства ПНА/ООП был на американском треке. Похоже, что Абу Мазен так до конца и не поверил, что Д. Трамп всерьез решится подвергнуть ревизии процесс Осло, практически превратившийся за последние четверть века в «священную корову» ближневосточной дипломатии. Тем более, что несмотря на инициированную Я. Арафатом волну террора в 2000 году, этого не сделали ни один из его предшественников в Белом доме и ни одно из израильских правительств. И потому в резиденции главы ПНА в Мукате полагали, что идея палестинского государства как материального символа, содержания и цели «мирного процесса» не может быть снята с повестки дня.

В рамках этой логики рассматривались и принятые Белым домом санкции против ПНА. Включая закрытие ее представительства в Нью-Йорке и утверждение в декабре 2017 г. Конгрессом США «Закона Тейлора Форса» о сокращении американской финансовой помощи ПНА на сумму, выплаченную Рамаллой заключенным в израильских тюрьмах палестинским террористам и семьям арабских смертников. И особенно сокращение, а затем прекращение взносов в бюджет Агентства ООН по палестинским беженцам (UNWRA, в русской аббревиатуре – БАПОР). Эти и прочие шаги долго и, как выяснилось, ошибочно рассматривались в окружении главы ПНА просто как

средство дипломатического давления на Абу Мазена, с которым, коль скоро идее «два государства для двух народов» нет альтернативы, США все равно придется иметь дело.

На практике, как прояснилось в ходе и после представления экономической части «сделки века», вектор движения, после неоднократных попыток убедить Рамаллу смягчить свою позицию, был направлен совсем в иную сторону. И главным индикатором здесь оказалась линия в отношении упомянутой UNWRA (БАПОР), обеспечивающей функционирование инфраструктуры социальных, образовательных и медицинских услуг для значительной части арабского населения Иудеи, Самарии, Газы и лагерей «палестинских беженцев» в арабских странах.

Прекращение США, являвшихся главным донором этого агентства, выплат в его бюджет означало серьезный удар по экономической базе ПНА/ООП и ХАМАСа, фактически превративших подразделения UNWRA в придаток контролируемых ими организаций. Это наряду с гордым отказом ПНА принимать израильские транши до тех пор, пока в Иерусалиме не откажутся от практики вычета из переводов сумм, эквивалентных стипендиям, выплачиваемым ПНА семьям террористов, ускорило движение Рамаллы к ее полному финансовому банкротству. Усилия Рамаллы по поиску альтернативных источников финансирования UNWRA завершились получением обязательств нескольких стран частично покрыть первоочередные нужды этого агентства, но долгосрочное решение найдено не было. Да и это весьма ограниченное решение оказалось под угрозой срыва в свете вскрывшихся фактов масштабной коррупции в руководстве БАПОР: отчет Бюро по этике этой организации, опубликованный в начале августа с. г., обвинил генерального комиссара агентства Пьера Крэхенбюля и других должностных лиц в кумовстве, дискриминации и сексуальных проступках.

В результате о приостановлении выплат UNRWA объявили Швейцария, Нидерланды и Бельгия, которая

в дополнение к ее фиксированному взносу в размере 6,25 млн евро, ранее обязалась перевести агентству еще 5,35 млн евро. И похоже, что это еще не конец процесса: обращение спецпредставителя президента США по международным переговорам Джейсона Гринблатта к странам-донорам БАПОР и остальному мировому сообществу «провести прозрачное, тщательное и быстрое расследование, чтобы раскрыть правду», также, скорее всего, будет рассмотрено в позитивном ключе.

Понятно, что дело здесь не в борьбе с коррупцией или оптимизации структуры международной помощи палестинскому населению. О настроениях в этом смысле, господствующих в администрации США, можно судить хотя бы по высказываниям старшего советника, зятя и спецпредставителя на Ближнем Востоке Дональда Трампа, Дж. Кушнера. Последний в январе 2018 года в переписке с руководителями администрации назвал UNRWA «коррупцированной, неэффективной и не способствующей делу мира» организацией, стремящейся увековечить нынешний статус-кво⁶.

То есть речь идет о принципиальном сомнении в целесообразности существования как самого БАПОР, превратившегося из способа решения проблемы в важную составную часть самой проблемы и инструмент ее «расширенного воспроизводства», так и проекта, который оно призвано обслуживать. Иными словами, об инструменте постепенного демонтажа квази-государственной структуры, предоставившей легальные рамки существования террористической, по своему происхождению, организации, получившей и провалившей шанс на свою нормализацию.

Этот выпад наследники Я. Арафата, мобилизовав еще имеющуюся у них поддержку нынешней версии «красно-зеленого альянса», еще как-то могли бы пережить. Гораздо опаснее для них намного более фундаментальная заявка, которую ближневосточная команда Д. Трампа в явной координации действий с Израилем и

при фактическом согласии арабских союзников сделала в контексте БАПОР. Сворачивание деятельности этой организации будет означать отмену особого, передаваемого по наследству статуса палестинских беженцев, что сразу сократит их численность до нескольких десятков тысяч человек. А логично вытекающий из этого следующий шаг – это интеграция лиц, именуемых «палестинскими беженцами и их потомками», в странах их проживания (на что и предполагается выделить порядка 60% из средств, которые предусматривается собрать для устройства палестинских арабов в рамках реализации экономического раздела «сделки века»).

Оба этих шага в глазах лидеров ПНА/ООП не могут выглядеть иначе, чем катастрофа всего «палестинского дела», ибо снимая само явление «палестинских беженцев», они вытаскивают краеугольный камень всей конструкции «палестинской идентичности», выстроенной вокруг негативной идеи противостояния с Израилем. И лишают ООП, равно как и ее порождение – ПНА, сути и смысла существования. Нелишним будет напомнить, что статус беженцев имеют примерно 800 000 (то есть порядка трети) жителей Западного берега и более 70% от предполагаемого 1,8-миллионного населения сектора Газа, которые живут на декларируемой их лидерами палестинской родине⁷. Все это сложно интерпретировать иначе, чем интерес закрепить в сознании этих людей идею, что единственным путем изменить их статус является «возвращение» на территорию Государства Израиль.

Неплохим примером сказанному может служить сравнительно недавняя история. Сирийский кризис, частью которого стал проводимый режимом Б. Асада под покровительством Ирана процесс «этнорелигиозного замещения» населения, выдавил из страны множество палестинских арабов – среди прочих суннитов. Расположенный в окрестностях Дамаска лагерь «палестинских беженцев» Ярмук, неофициальная «столица» ближневосточной палестинской диаспоры, в результате войны прекратил свое

существование. Секретная европейская инициатива предполагала перевод населения этого лагеря в район Иерихона в Иорданской долине, входящий в полностью контролируемую ПНА «зону А». Но Махмуд Аббас воспротивился этой инициативе, настаивая, что право «палестинских беженцев на возвращение» относится лишь к территории Израиля внутри «Зеленой черты» – и никоим образом не к территории, находящейся под управлением администрации «будущего палестинского государства».

Именно в этом, судя по всему, и заключалось встроенное противоречие всей концепции Осло, изначально обрекавшее этот проект на неудачу: даже если Израиль и ПНА придут к компромиссу по поводу границ, статуса Иерусалима и еврейских поселений за «Зелёной чертой», это еще не будет концом конфликта. С точки зрения палестинских арабов и их спонсоров, этот конфликт закончится лишь с реализацией «права на возвращение» всех 5,5 млн «беженцев» на территорию Израиля, на что израильтяне, естественно, никогда не пойдут, ибо это будет означать конец еврейского государства.

А это, в свою очередь, даст возможность лидерам ПНА/ООП вместо того, чтобы, подписав договор об окончательном урегулировании, получить маленькое, нищее и никому не интересное палестинское государство, продолжать бесконечную борьбу за него в пакете с привычными и обильными финансовыми и дипломатическими дивидендами. Потому, замечает известный политический обозреватель и эксперт Иерусалимского центра общественной политики (Jerusalem Center for Public Affairs) Пинхас Инбари (Pinhas Inbari), «потенциальным участникам американской «сделки века» стоит задаться вопросом, если ООП (и ПНА) не нужно решение проблемы беженцев, то кому тогда нужна сама ООП?»⁸.

В Рамалле, судя по всему, вполне понимают, что именно такой взгляд утверждается в Вашингтоне и Иерусалиме, равно как понимают и то, что «арабская весна» породила динамику, в результате которой проблема

«палестинских беженцев» исчезнет без каких-либо переговоров сама собой. И потому в последние месяцы команда Абу Мазена предприняла немалые усилия убедить страны, имеющие крупнейшие, за пределами Западного берега и Газы, общины палестинских арабов – Ливан и Иорданию, не сотрудничать с администрацией США в вопросе их интеграции в местные общества. И одновременно инициировать индикации «однозначной решимости» самих обитателей «лагерей беженцев» продолжить «борьбу за возвращение» на территорию Израиля.

Однако в то время как ливанское правительство однозначно (отказавшись принять будущее финансирование проектов устройства беженцев), а иорданское – более осторожно заявили, что проблема находящихся за пределами исторической Западной Палестины/Эрец Исраэль (Земли Израиля) палестинских арабов должна быть решена в будущем палестинском государстве, мобилизация самих «беженцев» оказалась не столь простым делом.

На самом деле столь желаемая радикальными исламистами из ХАМАС и радикалами из верхушки ПНА/ООП четвертая (после «интифады камней» 1987-91 гг., «интифады Аль-Акса» 2000-2005 гг. и «интифады ножей» весной 2016 г.) палестинская интифада идет, но на этот раз – в лагерях «палестинских беженцев» в Сирии и Ливане.

Спусковым крючком волнений стал указ Министерства труда Ливана, запрещающий работодателям без особого разрешения принимать на работу «местных» палестинских беженцев и недавних беженцев из Сирии, общее число которых достигло миллиона⁹. Министерство также предупредило о возможном закрытии палестинских учреждений и компаний, не имеющих лицензии. Потому лозунги протестующих оказались противоположны тем, которые имели в виду члены команды М. Аббаса: обитатели лагерей беженцев требовали не «возвращения», а прекращения дискриминации и равноправной интеграции в ливанское общество. Причем в данном вопросе оказа-

лись единодушны как «старые» палестинские беженцы (которые, проведя в Ливане десятилетия, или даже родившись в этой стране, продолжают считаться «временными жителями»), так и недавние палестинские беженцы из Сирии, раздраженные отсутствием какой бы то ни было поддержки со стороны ПНА/ООП. И это же касается тех палестинских арабов, которые пока остаются в Сирии. «Тамошние палестинцы сформировали группы, которые решают их конкретные проблемы, – пишет Пинхас Инбари, – никакие беженцы в Сирии и из нее больше не хотят в Палестину. Они желают добраться в Турцию и дальше в Европу»¹⁰.

Очевидно, что в случае распространения этого процесса на другие группы палестинских арабов, тему палестинского государства, инициированную в свое время «красно-зеленым альянсом» не столько для осуществления «национального самоопределения палестинских арабов», сколько как инструмент борьбы с Израилем, можно будет сдать в архив.

Дилеммы ХАМАСа

Второе событие произошло в ночь на 7 августа 2019 года недалеко от городка Эфрат в Иудее, где группой палестинских арабов был убит 18-летний Двир Сорек. Он был выпускником расположенной поблизости религиозной школы (йешивы) «Маханаим», чья учебная программа ориентирована на межрелигиозный диалог и воспитание взаимопонимания между евреями и арабами. Как сообщили СМИ, Двир, который возвращался из Иерусалима с книгами Давида Гроссмана (известного израильского писателя и активного сторонника «палестино-израильского мирного процесса»), приобретенными им в подарок для его учителя в честь окончания учебного года, попал в засаду, устроенную группой палестинских террористов с целью убийства любого еврея, который в нее попадет.

Менее чем за двое суток террористы были идентифицированы, обнаружены и арестованы израильскими си-

лами безопасности, и то, что в этой связи сейчас занимает израильскую публику (разумеется, помимо глубокого сочувствия семье убитого юноши) – это ближайшие и дальние последствия данного события. Израильтянам на самом деле есть с чем сравнивать. Аналогичное событие имело место практически в том же районе и при сходных обстоятельствах ровно пять лет назад, в июне 2014 года. Тогда арабские террористы, связанные, как и убийцы Двира, с контролирующей сектор Газы радикально-исламистской группировкой ХАМАС, похитили и убили Гилада Шайера, Нафтали Френкеля и Эяля Эфраха, учеников близлежащей религиозно-сионистской йешивы «Макор Хаим».

Прямым следствием того теракта стало проведение Израилем масштабной антитеррористической операции в секторе Газа «Несокрушимая скала», нанесшей тяжелый ущерб инфраструктуре исламистов в секторе и на какое-то время отбившей у них охоту провоцировать ЦАХАЛ. И ожидание подобного развития событий и сегодня буквально «разлито» в общественной атмосфере страны.

Этот вопрос становится особенно важным на фоне идущей в Израиле предвыборной парламентской кампании, главным вопросом которой на этот раз стали гражданские вопросы, прежде всего взаимоотношения государства, общества, структур, лоббирующих интересы религиозных общин и институтов, однако ими все же не исчерпываются. Предвыборная повестка дня включает также социально-экономические вопросы и далеко не в последнюю очередь вопросы безопасности. Заметное место среди дискуссий по этому поводу заняла политика правительства в отношении ХАМАСа, 11 лет назад захватившего власть в секторе Газа, который стал плацдармом для регулярных террористических атак против южных районов Израиля.

Актуальность этой темы возросла уже в конце прошлого года, когда стало понятно, что нарушение ХАМАСом «красных линий», установленных для него Израилем

по итогам операции ЦАХАЛа «Несокрушимая скала», носит уже не спорадический, а системный характер. И потому более-менее работавшие на протяжении более четырех лет «понимания» и неформальные договоренности, на которые пошло израильское руководство, не заинтересованное ни в новой оккупации сектора Газа, ни в возвращении его под контроль Рамаллы, себя исчерпали.

На вопрос, что же делать дальше, имеются три различных мнения. Одно из них, популярное в ультралевых кругах, но почти не имеющее спроса на местном политическом рынке, требует легализации ХАМАСа, без предъявления ему «предварительных условий» (декларации отказа от террора и признания им прежних палестино-израильских договоренностей) в качестве полноценного участника дипломатического процесса. Сторонники двух других подходов, разделяемых основной массой избирателей, сосредоточенных в правой и центристской части израильского политического спектра, сходятся на том, что новое столкновение с ХАМАСом – лишь вопрос времени.

Разногласия между этими фракциями состоят в другом. Первая из них, к которой принадлежат руководство правящей правоцентристской партии Ликуд премьер-министра Биньямина Нетаньяху и лидеры основного соперника Ликуда, центристского блока «Кахоль-лаван», полагают, что речь идет о «решительном ударе», который следует нанести по военной инфраструктуре исламистов, сохранив их фактический суверенитет над сектором Газа.

Да и этот шаг следует отложить на будущее, сосредоточившись на первоочередных, с их точки зрения, угрозах безопасности страны – иранская ядерная программа и превращение Сирии в плацдарм для возможной войны с Израилем. Пока же, в рамках этой логики, Израилу следует максимально сдержанно реагировать на вылазки ХАМАСа, не доводя дело до нежелательной накануне выборов и в преддверии публикации комплексного плана Белого дома по урегулированию арабо-израильского

конфликта («сделка века») новой масштабной военной операции в секторе Газа.

Сторонники другого подхода, который наиболее жестко артикулирует бывший министр обороны Израиля, глава «правой светской» партии «Наш дом – Израиль» (НДИ) Авигдор Либерман, не находят убедительных военных, стратегических или моральных мотивов откладывать «на потом» то, что в любом случае Израилю скорее раньше, чем позже будет необходимо сделать. То есть уничтожить имеющийся в Газе террористический анклав радикальных исламистов, полностью демонтировав режим ХАМАСа и передав Сектор под ту или иную схему «внешнего управления». Что, с точки зрения сторонников данного подхода, не является альтернативой ни для параллельных адекватных ситуации оперативных действий в противостоянии «оси зла» Иран-Сирия-«Хизбалла», ни для дальнейших шагов по достижению взаимопонимания с «умеренными» арабскими странами. (Если исходить из популярного и в целом подтверждаемого фактами понимания, что партнерство с Израилем на фоне общих вызовов и угроз в регионе для лидеров проамериканского суннитского блока существенно актуальнее, что ставшая для них контрпродуктивной «палестинская тема», а откровенная демонстрация Израилем слабости в отношении ХАМАСа скорее затормозит этот процесс).

Собственно, в этом и заключались обострившиеся в конце 2018 года разногласия в военно-политическом кабинете правительства Израиля. Большинство его членов тогда поддержало предложения Нетаньяху сохранить статус-кво, отказавшись от жесткой реакции на наиболее интенсивные, с лета 2014 года, ракетные обстрелы израильской территории в ноябре 2018 года, и принять предложенные Египтом параметры новых договоренностей с ХАМАСом. Включая согласие на ежемесячный перевод Катаром исламистам, неспособным решить тяжелейшие финансово-экономические проблемы Сектора, 15 млн долларов и гарантии личного «иммунитета» от ликвида-

ции их политических руководителей. В то время как Ави-гдор Либерман требовал вернуться к принятой в момент переформирования кабинета в мае 2016 года доктрине, требовавшей в случае перехода ХАМАСом указанных «красных линий» провести «мощную и краткую по времени военную операцию с целью нанесения практически невозможного ущерба как военной, так и политической структуре исламистов». А получив отказ – вышел вместе со своей фракцией НДИ из правительства, фактически дав тем самым старт досрочным выборам в Кнессет в апреле 2019 года, в результате которых Биньямин Нетаньяху вновь получил мандат на формирование кабинета. Но – впервые в истории Израиля – так и не смог его сформировать и инициировал роспуск только что избранного Кнессета и новые выборы, назначенные на 17 сентября с. г.

Складывается ощущение, что члены правительства Яхьи Синвара в Газе, понимая соображения израильского руководства, в определённом смысле воспринимают их как некую дополнительную свободу действий и гарантии личной безопасности, что позволяет им постоянно проверять «гибкость» указанных «красных линий». И в то же время осознают опасность «перегнуть палку» и потерять контроль над процессом, не оставив ЦАХАЛу иного выхода, кроме как начать новую масштабную военную операцию в секторе Газа, чего в руководстве ХАМАСа в любом случае стараются избежать.

С другой стороны, упомянутый финансовый кризис, с точки зрения ХАМАСа, может быть не только фактором сдерживания, но и, парадоксальным образом, стимулом активизации силовой составляющей его отношений с Израилем. Общественная ситуация в секторе, которую довольно ярко и точно описал Абу Сафийе (Abu Safiyeh), видный активист конкурирующей с ХАМАСом организации Народный фронт освобождения Палестины (НФОП), может служить объяснением этого кажущегося парадокса. По его словам, «15 лет назад ХАМАС выбросил лозунг «Ислам

как решение [всех проблем]» – освобождения всей Палестины без миллиметра уступок Израилю, ликвидации nepoтизма и коррупции, экономической и социальной безопасности населения и достижения спокойной и радостной жизни для всех... Сегодня все видят только коррупцию во всех институтах, которой управляет сам ХАМАС»¹¹.

Если такая картина верна – а так оно, по всем имеющимся данным, скорее всего и есть, лидерам ХАМАСа, ввергшим в 2014 году Газу в предыдущий виток конфликта с ЦАХАЛом, после которого значительная часть Сектора все еще лежит в развалинах, население испытывает острый дефицит воды и электроэнергии, а безработица достигла почти 50%, остается немного. А именно: попытаться сохранить свою релевантность хотя бы в качестве движения исламского сопротивления. Кроме того, на них давят и иранские патроны радикальных палестинских исламистов, требующие от ХАМАСа любой ценой отвлечь Израиль от «северного фронта» с союзными и подконтрольными Тегерану режимами и иранскими прокси в Сирии и Ливане.

В прошлом эту миссию иранцы, рассорившиеся с ХАМАСом из-за поддержки последним сирийской оппозиции, чаще возлагали на партнера-соперника ХАМАСа в Газе организацию «Исламский джихад». Приказы о проведении террористических атак отдавал штаб этой организации в Дамаске, но управляли антиизраильскими операциями высокопоставленные офицеры иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР), которые направляли боевиков со стороны Голанских высот, Ливана и Газы, чтобы отвлечь внимание Израиля от усилий Ирана по укреплению своего военного присутствия в Сирии. Но сегодня в Тегеране вновь видят в ХАМАСе, лидеры которого приложили много усилий для восстановления доверия Ирана (включая указание населению лагерей «палестинских беженцев», контролируемых ячейками этой организации, поддерживать режим Б. Асада), намного более перспективного союзника.

Отметим, что обосновывая свое мнение о необходимости приступить к демонтажу режима ХАМАСа в момент своей отставки с поста министра обороны, Либерман предупреждал о постепенном его превращении в «операционный инструмент» КСИР, некий палестинский аналог ливанской «Хизбаллы». И тот же прогноз две недели назад подтвердил в интервью газете «Гаарец» источник в системе безопасности Израиля¹².

Со своей стороны, и лидеры ХАМАСа, в 2014 году потерявшие своего покровителя в лице режима «Братьев-мусульман» в Египте и не очень рассчитывающие на способность Катара и Турции оказать поддержку палестинским исламистам в желаемом ими формате, решительно настроены на придание их отношениям с Ираном характера стратегического партнерства. Именно этот факт был объявленной целью состоявшегося в июле с. г. визита делегации девяти высокопоставленных функционеров ХАМАСа во главе с заместителем председателя политбюро организации Салехом аль-Арури (Saleh al-Arouri) в Тегеран, где прошла их встреча с верховным лидером ИРИ Али Хаменеи и командующим подразделением внешних операций КСИР «Аль-Кудс» генералом Касемом Сулеймани.

По данным СМИ, итогом встречи стала договоренность об укреплении «единства оси фронтов сопротивления» и создание своего рода «пакта взаимопомощи» из ее участников (Ирана, «Хизбаллы», ХАМАСа и режима Б. Асада в Сирии), которые должны прийти на помощь союзникам в случае объявления Израилем войны против одного из них. Собственно, именно на такой сценарий рассчитывают лидеры ХАМАСа в том случае, если, как выразился один из членов делегации, которого цитировала ливанская газета «Аль-Ахбар», «сионистский враг перейдет от ограниченной войны против сектора Газа, с которой ХАМАС может справиться сам, к более масштабному конфликту»¹³. Данные надежды были подкреплены обязательствами Ирана по увеличению финансовой помощи ХАМАСу до 30 млн долларов в месяц. Что будет означать, если верить информа-

ции, опубликованной в августе 2018 года информационным агентством Ynet, оценившим сумму этой помощи в 6 млн долларов в месяц, ее пятикратный рост.

Вполне вероятно, что на этот раз лидерам ХАМАСа удалось убедить Тегеран, который ранее, в свете неоднократно подтверждённых сомнений в лояльности лидеров организации, ограничивался финансированием только военного крыла ХАМАСа, начать критически важные для выживания режима исламистов в Секторе инвестиции также в «гражданскую» инфраструктуру Газы. И, похоже, что эти ожидания стоят за решительным отказом главы политбюро ХАМАСа Исмаила Хании в просьбе некогда главного спонсора этой группировки – Саудовской Аравии, а также Египта, контролирующего вместе с Израилем внешние коммуникации Сектора, разорвать партнерство с Ираном под угрозой прекращения их связей с правительством ХАМАСа в секторе Газа.

Все же очевидно, что до тех пор, пока идея «единства оси фронтов сопротивления» не выходит за рамки общих деклараций, максимум, на что в команде Я. Синвара могут пойти, это продолжать запуски на израильскую территорию «огненных змеев», а также регулярные и нередко насильственные демонстрации у забора безопасности, отделяющего Газу от территории Израиля. Ну, и давать «добро» на вооруженные вылазки якобы неконтролируемых «одиночек» и других исламистских организаций в Секторе. «ХАМАС борется с конкурирующими джихадистскими группировками в Газе каждый раз, когда обнаруживает угрозу своему правлению, – замечает израильский востоковед Эаль Зиссер, – но в случаях, когда их агрессия направлена против Израиля, или они помогают «Исламскому государству» воевать с египетскими силами безопасности на Синайском полуострове, предпочитает закрывать глаза»¹⁴.

Примечательна в этой связи история, случившаяся в ночь на 10 августа с. г., когда военнослужащими ЦАХАЛА были ликвидированы четверо прекрасно вооруженных (автоматами Калашникова, гранатами и ручным противо-

танковым гранатометом) боевиков, пытавшихся проникнуть из сектора Газа явно с целью совершения резонансного теракта на территорию Израиля. Показательно, что представители ХАМАСа сначала рассказали неправдоподобную историю о том, что трое из четырех убитых боевиков якобы являлись «бойцами милиции ХАМАСа, отвечавшими за предотвращение проникновений на территорию Израиля», преследовавшими четвертого – террориста, который пытался перебраться через забор безопасности. Когда это утверждение было опровергнуто другим палестинским источником, в ХАМАСе вообще отказались от этих людей, заявив, что хотя они и получили подготовку и военный опыт в рядах ХАМАСа, но были исключены из организации «за радикализм» (!), после чего они вступили «в некую салафитскую организацию».

Но и после этого заявления практически ни у кого не было сомнений в том, что диверсия была спланирована и получила «зеленый свет» в командовании военного крыла ХАМАСа. Так или иначе, очевидно, что лидеры группировки пока опасаются переходить «красную линию» агрессивных действий из Газы с тем, чтобы не спровоцировать Израиль на масштабную зачистку Сектора и не остановить передачу столь актуальных для поддержания относительной внутренней стабильности катарских денег.

Потому естественно, что ХАМАС попытается компенсировать эту «умеренность» на линии соприкосновения Газы и Израиля провокациями в Иудее и Самарии. Последняя по времени история такого рода случилась в воскресенье, 11 августа, когда совпали два священных памятных дня иудейского и мусульманского календаря. А именно, 9 Ава – день скорби о разрушенном вавилонянами в 6 в. до н.э. и римлянами в 1 в. н.э. Первом и Втором Иерусалимском Храме и надежды на национальное и духовное возрождение еврейского народа, и Курбан-Байрам (Ид аль-Адха), мусульманский праздник жертвоприношения. Тысячи религиозных евреев со всей страны долгие часы ожидали под стенами Старого города Иеру-

салима, что их пустят на Храмовую гору, и после того, как разрешение было получено, мусульмане атаковали евреев и полицию. Лидеры ХАМАСа, в свою очередь, немедленно продемонстрировали свое присутствие, призвав «всех мусульман и палестинцев пойти и защитить мечеть Аль-Акса от сионистского оккупанта».

Разумеется, и военное, и политическое крыло ХАМАСа ожидает намного большего. Так, по словам бывшего руководителя службы внутренней безопасности Иерусалимского округа, ныне возглавляющего отдел кибербезопасности этого ведомства, Арика Браббинга, «существует традиционная угроза организованного террора, и большое число этих атак планируется и финансируется из Газы, в основном террористами, освобождёнными в рамках «сделки Шалита». По словам А. Браббинга, эти лица руководят органом, именуемым «командование Западного берега» (the West Bank Command) – подразделение военного крыла ХАМАСа в Газе. «Подопечные этого штаба обучаются у активистов ХАМАСа новым методам вооруженной активности, и иранские инструкторы тоже играют большую роль в передаче таких знаний»¹⁵. Все это говорит о надеждах радикальных палестино-арабских исламистов поднять очередную арабскую интифаду на Западном берегу, заодно подорвав и без того ослабленные позиции ПНА.

На первый взгляд, настроения палестинских арабов свидетельствуют о том, что данная стратегия имеет некоторые основания. Упомянутый выше опрос Палестинским центром изучения общественного мнения (ПРОС), показал, что в то время как 68% жителей Газы настаивали, что «ХАМАС должен поддерживать режим прекращения огня с Израилем», доля согласных с этим мнением арабов Иудеи и Самарии не превысила половины опрошенных. И столько же в Газе, и только немногим более трети (37%) респондентов, опрошенных в Иудее и Самарии, хотели бы, чтобы израильские компании предлагали больше рабочих мест арабам на своих предприятиях, расположенных за «Зеленой чертой». Еще интереснее, что 44% жителей

Газы и только 29% арабов Западного берега согласились с предположением, что «однажды палестинцы и израильтяне будут жить в дружбе».

Подобные настроения, впрочем, не следует интерпретировать неверно. Как справедливо отмечает инициатор этого исследования, сотрудник Вашингтонского института Ближневосточной политики Дэвид Поллок, «жители Газы настроены не менее воинственно по отношению к Израилю, чем палестинские арабы Иудеи и Самарии. Они оправдывают насилие по отношению к израильтянам, отказывают Израилю в легитимности и не уверены в необходимости достижения окончательного мирного соглашения. А по целому ряду вопросов, таких, как статус Иерусалима, они имеют даже более радикальные суждения»¹⁶. Иными словами, и те, и другие, как показало это и прошлые исследования РПОС, считают, что вооруженная борьба и конфликт с Израилем должны быть продолжены. Вот только делать это жители Газы, находящиеся в более тяжелом экономическом положении, предлагают своим «разжиревшим» визави в Иудее и Самарии, а те в свою очередь рассчитывают, что выполнять эту миссию будут «подданные» ХАМАСа.

В итоге, замечает Арик Браббинг, лидеры ХАМАСа «испытывают трудности с рекрутированием большого числа новых активистов, сторонников на Западном берегу, которые были бы готовы взять на себя опасности и риски участия в масштабных актах террора или стать террористами-смертниками. С конца интифады ситуация изменилась: люди больше не стоят в очереди, чтобы записаться в добровольцы»¹⁷. Соответственно, оперативный штаб ХАМАСа для Западного берега вынужден беречь уже ослабленные регулярными операциями израильских спецслужб ячейки подготовленных боевиков на случай столкновения с ЦАХАЛом или, что еще важнее, для захвата власти в арабских анклавах в случае распада ПНА, делая пока ставку на не очень многочисленных, плохо обученных, но идеологически мотивированных новобранцев.

Среди последних были и убийцы Двира Сорека, которые, совершив теракт, не нашли ничего лучше, чем вернуться в свои дома в деревне Бейт-Кахиль возле Хеврона, на крышах которых они и спали в тот момент, когда за ними пришли бойцы антитеррористического спецподразделения ЯМАМ Полиции Израиля. (По словам одного из спецназовцев, которого цитировали израильские СМИ, «захваченный им террорист был в полном шоке, с ужасом в глазах, и явно не верил, что до них доберутся»¹⁸).

Что намерено делать правительство Израиля

Вернемся к вопросу, поставленному в начале этой статьи. Похоже, что повторения схем пятилетней давности, когда резонансный теракт и обстрелы из Газы привели к началу операции «Несокрушимая скала», и десятилетней давности, когда такие же обстрелы вынудили правительство провести, несмотря на предвыборный период, операцию «Литой свинец» (зима 2008-09 гг.), сегодня пока не предполагается. Об этом вполне откровенно неоднократно говорил и премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху.

«Мы готовы к двум сценариям – и к урегулированию, и к военной операции», – заявил он, например, 13 августа в интервью популярному в Израиле русскоязычному информационному ресурсу NewsRu.co.il. – «Вторая опция подготовлена, и те, кто принимают участие в далеких от глаз публики обсуждениях, хорошо знают, что я не говорю впустую. Мы предпочитаем прийти к ситуации спокойствия на границе с Газой без широкомасштабной операции, без войны. Я не уверен, что нам это удастся. Пока что очевидно одно: ХАМАС отменяет пятничные марши и митинги возле разделительного забора, дислоцирует огромные сдерживающие силы для поддержания спокойствия»¹⁹.

Иными словами, израильское руководство предпочитает, как минимум, до выборов в Кнессет 17 сентября и публикации политической части «сделки века» Д. Трампа поддерживать режим прекращения огня с ХАМАСом в Газе, по сути, вернувшись к доктрине «возмездия за переход

«красных линий» и «управления кризисом в Газе без управления Сектором». Эта доктрина действовала до момента, когда переформированное после вступления НДИ в коалицию в мае 2016 года правительство определило стратегической целью следующего столкновения полный демонтаж режима исламистов в секторе Газы.

Сегодня, судя по всему, эта задача – не исключено, что временно – снята с повестки дня, и основная линия поведения выглядит как ограниченное, без доведения пока до новой масштабной операции реагирование на вооруженные вылазки из Сектора. По крайней мере, до тех пор, пока политическое руководство ХАМАСа готово заставлять своих полевых командиров соблюдать нынешние (по мнению одних политиков в Израиле, – лучшие из возможных, а по мнению других, – «слишком гибкие» или даже едва ли не капитулянтские) правила игры, причем не только вокруг Газы, но и на Западном берегу. Показательно, что ХАМАС и «Исламский джихад» не взяли на себя ответственность за недавнее убийство молодого израильтянина, хотя приветствовали действия террористов как «акт сопротивления жителей Западного берега израильской оккупации».

Другой стороной той же линии является поддержание у лидеров ХАМАСа в секторе ощущения, что ветер может перемениться в любую минуту. И что отказ большинства членов военно-политического кабинета правительства Израиля в ноябре 2018 года поддержать требование тогдашнего министра обороны Авигдора Либермана нанести «решающий удар» по структурам ХАМАСа в Газе на том основании, что этот шаг станет препятствием для решения более актуальных проблем на северных границах страны, не следует понимать буквально.

Именно демонстрацией серьезности намерений выглядели проведенные 28-31 июля дивизией «Газы» масштабные учения, целью которых, по словам начальника Генштаба ЦАХАЛа генерал-лейтенанта Авива Кохави, было достижение «высшего уровня готовности к возможной войне в секторе». По данным СМИ, учения имитировали

боевые столкновения ЦАХАЛа с группами вооруженных террористов одновременно в нескольких районах «ХАМАС-стана» и противостояние широкому спектру иных угроз. От запуска боевиками ракет малой и средней дальности (в том числе и с особо крупными боеголовками, подобными находящимся на вооружении «Хизбаллы» в Ливане) и до уничтожения «роев» беспилотных и низколетящих летательных аппаратов, которые в период активных военных действий могут быть направлены операторами ХАМАСа для сбора информации и поражения военных и особенно гражданских целей на территории Израиля.

Третьим направлением той же политики является продолжение действий ЦАХАЛа и спецслужб по разрушению инфраструктуры арабских террористических организаций в Иудее и Самарии, вне связи с перспективами формальных отношений с руководством «ФАТХленда» в Рамалле. Отметим, что в Иерусалиме не заинтересованы в случае резкого ослабления или развала ПНА в захвате ХАМАСом власти помимо Газы еще и в арабских городах Западного берега.

Возможности такого сценария достаточно велики в свете планов заместителя лидера ХАМАСа Салеха аль-Арури использовать существенную часть военной и экономической помощи Ирана как для укрепления действующей инфраструктуры организации в Иудее и Самарии, так и восстановления террористических ячеек, уничтоженных ЦАХАЛом еще в 2000 году, во время операции «Защитная стена». И это, если верить свидетельству высокопоставленного чиновника ПНА, которого цитирует газета «Исраэль гайом», облегчается пробелами в системе безопасности, ставшими итогом дипломатического тупика и резкого снижения Рамаллой уровня сотрудничества с Израилем в этой сфере²⁰. И потому сегодня заняты «переключением» на Израиль некоторых наиболее критичных сегментов управленческой инфраструктуры ПНА. Это становится более чем актуально в связи с зафиксированным израильскими снижением мотивации служащих силовых структур ПНА сдерживать террористическую активность против Израиля. Что происходит

как из-за резкого (практически вдвое) сокращения их зарплат в результате финансового кризиса правительства ПНА, так и упомянутого выше негативного общественного климата в арабских анклавах.²¹

Еще в конце июля 2019 года арабские СМИ цитировали «высокопоставленного палестинского сановника», который сообщил, что Израиль и Рамалла находятся на грани подписания соглашения, дающего ПНА право самостоятельно собирать налог на топливо, а не получать трансферы за него, которые в рамках Парижского протокола собирает и переводит в адрес ПНА Израиль. Причем целью данной меры было объявлено «облегчить экономический кризис», возникший вследствие отказа лидера ПНА Махмуда Аббаса принимать переводы всех средств от Израиля (порядка 100-125 млн евро в месяц). Данный демарш был ответом главы ПНА на принятый Кнессетом закон, обязывающий правительство удерживать из траншей суммы, равные «стипендиям», которые получают от руководства ПНА (порядка 7% общего бюджета) семьи ликвидированных или пребывающих в израильских тюрьмах террористов.

Показательно, что данная информация появилась буквально на следующий день после драматичного заявления генсека ООП и главного «переговорщика» ПНА Саиба Эриката о начале Рамаллой «работы над созданием механизма по отмене всех соглашений с Израилем». Примерно тогда же, в конце июля 2019 года, на фоне нового витка взаимных обвинений Иерусалима и Рамаллы, стало известно о встрече в Министерстве финансов Израиля в Иерусалиме главы этого ведомства Моше Кахлона с его визави из Рамаллы Шукри Бишара и министром по гражданским вопросам ПНА Хусейном аль-Шейхом. Темой обсуждения были текущие вопросы экономического сотрудничества Израиля и ПНА (включая налоги и банковские переводы). А присутствовавший на той же встрече координатор действий правительства Израиля в Иудее и Самарии генерал Камиль Абу-Рокун, по данным израильских

СМИ, в последние несколько недель участил свои визиты в Рамаллу для встреч с высокопоставленными чиновниками ПНА.

Иными словами, ключевые фигуры в ПНА сегодня явно озабочены выстраиванием в партнерстве с израильтянами альтернативных схем финансирования силовых и иных структур ПНА, проявляя в этом деле немалый прагматизм. Ибо прекрасно понимают, что развал этих структур в результате финансового кризиса ПНА станет введением в подрыв с трудом поддерживаемой социальной стабильности в еще контролируемых Рамаллой арабских анклавах Иудеи и Самарии. И если власть в этих анклавах перейдет в руки конкурентов ПНА/ООП из ХАМАСа, то первой же жертвой (причем не исключено, что в самом прямом смысле этого слова) «ропуска ПНА» может стать команда наследников Ясира Арафата.

Понятно, что Абу Мазен и в этом смысле пытается принять некоторые меры предосторожности и для начала перехватить инициативу, обратившись к ХАМАСу с предложением «положить конец спору между фракциями палестинских арабов», что в Газе называли «шагом в правильном направлении». Впрочем, даже если какое-то соглашение будет достигнуто, мало кто сомневается, что его постигнет судьба почти дюжины предыдущих попыток такого рода, и оно не положит конец конфликту радикальных националистов и радикальных исламистов. И потому больше надежд в окружении Абу Мазена, сделав серию обязывающих заявлений, которые, по большинству мнений, не следует понимать буквально, возлагают на продолжение, пусть и неформального, сотрудничества в сфере безопасности с Израилем.

Линию официального израильского руководства в этом вопросе еще ноябре 2018 года озвучил Биньямин Нетаньяху. Комментируя тогда предыдущий виток угроз из Рамаллы «прекратить сотрудничество с Израилем и возложить на него ответственность за безопасность на Западном берегу», он заметил, что М. Аббас «глубоко ошибся, считая,

что, делая односторонние шаги, он угрожает нам». По словам главы израильского правительства, глава ПНА «не понимает, что в результате этих действий ХАМАС установит контроль над Западным берегом. Мы никогда не позволим этому случиться... и всегда будем защищать нашу безопасность». Именно в рамках такой логики в Израиле и сегодня выражают готовность принять новую схему финансирования специальных и иных служб ПНА.

Впрочем, в израильском истеблишменте имеются и иные мнения, одно из которых, пожалуй, четче других озвучивает Авигдор Либерман: ПНА, которая, по его словам, из инструмента решения проблемы превратилась в главное препятствие ее решения, должна быть распущена, а проблему палестинских (как и части израильских) арабов следует решать в рамках комплексной региональной сделки, близкой в этом вопросе предлагаемым Белым домом параметрам.

Из всех возможных вариантов развития событий с определенной долей уверенности можно пока говорить только об одном. Вне зависимости от того, будет ли проведена новая военная операция ЦАХАЛа в секторе Газы, и каковы в случае, если она состоится, будут ее масштабы и последствия, о возвращении Сектора под контроль Рамаллы, насколько это зависит от Израиля, речь сегодня не идет. Как, Впрочем, и о заполнении ХАМАСом растущего вакуума власти в арабских анклавах на Западном берегу. Остальные нюансы этой запутанной ситуации будут разрабатываться и проясняться, скорее всего, уже после выборов в Кнессет.

¹ CNN, 30.07.2019.

² Barta S. The Palestinians Continue to Reject Any Settlement with Israel // BESA Center Perspectives. Paper No. 1, 241, 31.07.2019.

³ См.: David Pollock. New Palestinian Poll Reveals “Wait and See” View of Trump Peace Plan // The Washington Institute, 29.07.2019. – <https://www.washingtoninstitute.org/fikraforum/view/new-palestinian-poll-reveals-wait-and-see-view-of-trump-peace-plan>

⁴ Yoni Ben Menachem. The Palestinian Authority Failed to Block the Bahrain Conference // JCPA, 03.07.2019.

⁵ Yaniv Kubovich. Marginalization Fuels Rise in Politically Motivated Crimes Among Bedouins, Israeli Security Officials Fear // *Ha'aretz*, 30.07.2019.

⁶ Colum Lynch, Robbie Gramer. Trump and Allies Seek End to Refugee Status for Millions of Palestinians // *Foreign Policy*, 03.08.2018.

⁷ Daniel Pipes. 99 Percent of "Palestine Refugees" Are Fake // *Washington Times*, 10.01.2018.

⁸ Pinhas Inbari. The Fate of Palestinian Refugees in Syria and Lebanon // Jerusalem Center for Public Affairs, Vol. 19. No. 8 (06.06.2019).

⁹ Aljazeera, 17.03.2019.

¹⁰ Pinhas Inbari. The New Palestinian Intifada – In Lebanon // Israel Hayom, 19.07.2019.

¹¹ Цит. по: Khaled Abu Toameh. Will Palestinians in Gaza Revolt Against Hamas? // *Gatestone Institute*, 13.08.2019. –

<https://www.gatestoneinstitute.org/14713/palestinians-gaza-hamas-revolt>

¹² Yaniv Kubovich. Iran, Hamas to Open Gaza Front if War Breaks Out in Israeli North, Defense Officials Believe // *Ha'aretz*, 31.07.2019.

¹³ Цит по: Michael Bancher. Hamas: Hezbollah and Iran will join war if Israel tries to 'break resistance' // *The Times of Israel*, 10.08.2019.

¹⁴ Eyal Zisser. Hamas is responsible for Gaza, end of story // Israel Hayom, 11.08.2019.

¹⁵ Arik Brabbing. Hamas Seeks to Orchestrate West Bank Terror Attacks, But Palestinians Are No Longer Standing in Line to Volunteer // *Ha'aretz*, 09.08.2019.

¹⁶ David Pollock. Defying Stereotypes, New Poll Shows Gazans More Moderate than West Bankers // The Washington Inst., 05.08.2019. –

<https://www.washingtoninstitute.org/fikraforum/view/defying-stereotypes-new-poll-shows-gazans-more-moderate-than-west-bankers>

¹⁷ Arik Brabbing. Hamas Seeks to Orchestrate West Bank Terror Attacks.

¹⁸ Цит по: Ynet, 11.08.2019. –

<https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-5567024,00.html>

¹⁹ «На мне ответственность за существование и будущее Израиля»: интервью с Биньямином Нетаниягу // NewsRu, 13.08.2019.

²⁰ Daniel Siryoti. PA official: Iran helping Hamas rebuild West Bank terror network // *Israel Hayom*, 14.08.2019.

²¹ See Shlomi Eldar. Israel concerned over dire economy, unrest in West Bank // El Monitor, 06.08.2019.

УРЕГУЛИРОВАНИЕ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

В середине сентября 2019 г. в ходе трехстороннего саммита в Анкаре лидеры России, Турции и Ирана объявили о завершении работы по определению состава Конституционного комитета¹. Формирование органа, который займется конституционной реформой в САР – важнейший политический индикатор, вне зависимости от того, насколько быстро удастся обеспечить прогресс в работе на конституционном треке. Речь идет о результате деятельности относительно «инновационного» формата урегулирования региональных кризисов – астанинского. Его самобытность заключается в первую очередь в его составе, отвечающем современным тенденциям развития международных отношений и включающем одного глобального (Россия) и двух региональных (Иран, Турция) центров силы. Подобная методология подбора участников формата, в центре которой – не абстрактный суммарный геополитический вес игроков или доставшаяся в наследство от поствоенной эпохи «статусность», а реальная способность влиять на ход конфликта – доказала свою эффективность по сравнению с другими механизмами – от ООН до т.н. «малой группы»².

* В публикации автор выражает личную точку зрения, не являющуюся официальной позицией Российской Федерации.

Попытки урегулировать сирийский конфликт предпринимались в многочисленных форматах. Ряд важных решений по различным аспектам кризиса принял СБ ООН, включая «историческую» резолюцию 2118 по химической демилитаризации Сирии (2013 г.), предотвратившую развитие событий по силовому сценарию. Однако работа в Совете столкнулась с рядом сложностей. Одна из них – глубинные разногласия между российско-китайским тандемом (определяющую роль в котором играет позиция Москвы) и западной «тройкой» по параметрам политического урегулирования конфликта и условиям задействования силовых мер против Дамаска. Другая – сложность обеспечения имплементации решений СБ ООН, прежде всего касающихся ситуации «на земле», в отсутствие политической воли со стороны стран региона, обладающих влиянием на участников конфликта в САР, к реализации решений, принимаемых без их участия. Пример – резолюция СБ ООН 2268 (февраль 2016 г.), утвердившая российско-американские договоренности о введении в Сирии режима прекращения огня (РПБД) и потребовавшая от всех сторон их исполнения³. Перемирие в САР продержалось недолго не в силу отсутствия заинтересованности к этому у Москвы и Вашингтона, а по причине неготовности государств региона (Иран, Саудовская Аравия, Турция, Катар и др.), в тот период рассчитывавших на военное решение проблемы, идти по пути деэскалации. На контрасте – перемирие, достигнутое в результате договоренностей в рамках астанинского «треугольника» (первоначально – в российско-турецком формате) в декабре 2016 г., равно как решение о создании «зон деэскалации» в САР в 2017 г. в целом выполнялись.

Потенциал СБ ООН, безусловно, будет востребован, однако необходимо иметь в виду вышеуказанные и иные ограничители.

Продолжает существовать Международная группа поддержки Сирии (МГПС), пик активности которой пришелся на 2015 и 2016 гг. В рамках МГПС были приняты

важные решения по вопросам политурегулирования, прекращения насилия, гуманитарного доступа. Некоторые из них были утверждены в СБ ООН. Однако неоправданно «раздутый» состав МГПС (более 20 государств и международных и региональных организаций), наличие в структуре стран, не имеющих прямого влияния на события в САР (например, Австралия, Канада, Япония и др., в свое время включенных по настоянию американской стороны), но политизировавших работу – все это не позволило МГПС стать эффективным инструментом решения конфликта. Две целевые группы МГПС – по прекращению огня и гуманитарному доступу, тем не менее, продолжают собираться в Женеве, выполняя роль бесполезных дискуссионных площадок, не имеющих, однако, ни ресурса, ни полномочий к принятию работающих решений.

Существовали и иные форматы рассмотрения отдельных аспектов конфликта в САР, действовавшие по принципу ad-hoc. Можно, например, вспомнить о несколько раз собиравшейся в конце 2016 г. в Женеве т. н. Лозаннской группе (Россия, США, Турция, Саудовская Аравия, Катар). Обсуждались пути урегулирования проблемы Восточного Алеппо, находившегося в то время под контролем антиправительственных группировок. Однако реальное решение проблемы было найдено в российско-турецком формате – в первую очередь, по причине того, что соответствующие вооруженные отряды были подконтрольны Анкаре.

Отдельно имеет смысл остановиться на т. н. «малой группе» (Великобритания, Германия, Египет, Иордания, Саудовская Аравия, США, Франция). Ее слабость первоначально состояла в ее идеологической однородности применительно к параметрам сирийского урегулирования (действовала по принципу «клуба единомышленников»). Большинство членов группы было заинтересовано в смене правящего в САР режима и рассматривала деятельность собственного формата в качестве инструмента достижения этой цели. При этом со временем ситуация в Группе

эволюционировала. Сегодня парадокс состоит в том, что «активисты» (Германия, Великобритания, США, Франция) обладают низкой степенью влияния на сирийские силы «на земле». В то время, как страны региона – Египет, Иордания стоят на гораздо более умеренных позициях и не скрывают наличие контактов с сирийским правительством. По пути осторожной нормализации отношений с Дамаском идет и Эр-Рияд. При этом в своей работе «малая группа» (повторим, идеологическими заповедями в рамках которой являются страны Запада) по-прежнему опирается на ооновское понимание параметров урегулирования. Именно по этой причине из уст представителей «малой группы» часто можно услышать ссылки на Женевское коммюнике от 2012 г. и резолюцию СБ ООН 2254 от 2015 г. Действительно, отсутствие реального влияния на процессы – как политический, так и «на земле» – заставляет искать опору в универсальных параметрах и моделях (в данном случае, ооновских). В пользу этого говорит и высокая степень подконтрольности Секретариата государствам Запада, что облегчает последним задачу комфортного продвижения своих установок через ооновское «сито», дабы впоследствии презентовать их в качестве универсально признанных. Другими словами, из взаимодействия с ООН черпается легитимность собственной политики. В этих условиях вряд ли стоит рассчитывать на полезный вклад «малой группы» в общие усилия по сирийскому урегулированию. Велика вероятность того, что она возьмет на себя роль некоего «супервайзера» работы Конституционного комитета и станет настаивать на регулярном рассмотрении вопроса о прогрессе на треке конституционной реформы в СБ ООН – с возможностью оказания перманентного давления в Совете на сирийское правительство и Россию.

Озабоченность Запада перспективами конституционного процесса можно понять. Здесь у сирийского правительства немало пространства для маневра. Заявления Б.Асада, что речь здесь может идти исключительно о по-

правках в Основной закон от 2012 г., могут свидетельствовать о том, что Дамаску комфортен сценарий затяжного политпроцесса с проведением в 2021 г. президентских выборов на основе действующей конституции. Безусловно, Запад будет апеллировать к резолюции СБ ООН 2254, где идет речь о проведении выборов «в соответствии с новой конституцией» и «под надзором со стороны ООН». Однако реальность вносит свои коррективы. Вспомним, что резолюция СБ 2254 предписывает последовательность шагов на политическом треке, причем ограниченных временными рамками. Так, в течение 6 месяцев с принятия решения (декабрь 2015 г.) должен был состояться переход к заслуживающему доверия, инклюзивному правлению на внеконфессиональной основе и определены график и процедуры разработки проекта новой конституции. В 18-месячный срок – проведены выборы⁴. Резолюция – в том виде, в котором она была принята – выполнена не была. А ее конституционный аспект был реализован не под эгидой ООН, а силами астанинского формата. Здесь можно вспомнить и об утвержденном СБ ООН Женевском коммюнике от 2012 г., предполагавшем формирование Переходного управляющего органа с полнотой исполнительной власти. Означает ли это де-факто девальвацию обязательного характера резолюций СБ ООН или понижение уровня дисциплины их выполнения? Безусловно, нет: запуская конституционный процесс, страны-гаранты Астаны опирались именно на положения резолюции СБ ООН 2254. Проблема в том, что на более раннем этапе отсутствовали рычаги имплементации этих решений: не был задействован потенциал государств, имевших влияние на сирийцев (прежде всего, на оппозицию). Здесь и проявился потенциал астанинского формата: опираясь на международно-признанный правовой «каркас», он предоставил инструментарий для выполнения соответствующих решений.

Россия, Иран и Турция, имеющие высокую (хотя и небезграничную) степень влияния на сирийцев, должны будут

отслеживать конституционный процесс и содействовать ему. Процесс этот не будет простым.

Стоит упомянуть, в частности, возможную роль ООН, в «ведение» которой был передано сопровождение конституционного «досье». Очевидно, что Секретариат ООН, стоящий на близких к «малой группой» идеологических позициях, не только будет оказывать техническое сопровождение этому процессу, но и попытается влиять на его субстантивное наполнение. Можно предположить, что в различных схемах и принципах, которые будут разрабатывать ооновцы, как это уже было не раз, речь пойдет о существенном ограничении полномочий главы государства. Держа это в уме, не стоит, тем не менее, переоценивать роль ооновских «советчиков»: более десятка раундов межсирийских переговоров в Женеве продемонстрировали, что большинство предлагавшихся ими схем, включая реформирование системы органов госбезопасности, большей частью умозрительны и нежизнеспособны, поскольку не учитывают внутрисирийский контекст.

Западные аналитики небезосновательно задаются вопросом о наличии у сирийского правительства политической воли к осуществлению реальной конституционной реформы. Пойдет ли Дамаск по пути реализации решений астанинского формата? Вопрос, безусловно, актуальный. Ситуация – как «на земле», так и в политической плоскости – в целом развивается в пользу законных сирийских властей. Из четырех «зон деэскалации», согласованных в астанинском формате (Восточная Гута; Хама/Хомс; Юг; Идлиб) под контролем антиправительственных группировок остается только Идлиб. При этом у России и Турции, взявших на себя «ответственность» за эту зону, присутствует понимание, что рано или поздно решение проблемы «террористического рассадника» будет найдено. Возможно, Идлиб станет предметом российско-турецких сепаратных договоренностей – как это в свое время произошло по вопросу о Восточном Алеппо, который был решен в декабре 2016 г. в российско-

турецком формате после неудачи многомесячного переговорного марафона между Россией и США. Долгосрочной проблемой остается Заевфратье, выпавшее из-под контроля Дамаска. Однако этот вопрос также рано или поздно будет урегулирован, что продемонстрировало развитие событий «на земле» в ходе турецкой операции «Источник мира» на северо-востоке САР. Не стоит сбрасывать со счетов и позицию племен, населяющих эту территорию. Не думаем, что для правительства Сирии, под контроль которого возвращены важнейшие крупные города и ключевая инфраструктура, включая трассы, установление контроля над Заевфратьем является сиюминутным приоритетом – по крайней мере, до выборов 2021 г. Что касается политического среза, то и здесь ситуация демонстрирует тенденцию к выправлению. Изоляции правительства Б.Асада не состоялось, идет процесс постепенного выправления отношений САР с арабским миром, который в перспективе должен увенчаться восстановлением членства этой страны в Лиге арабских государств. И в целом с точки зрения «средней температуры по больнице» критика сирийских властей на международном уровне значительно поутихла. Если в СБ ООН, Совете ООН по правам человека и Организации по запрещению химического оружия продолжают попытки шельмования сирийских властей, то из уст западных лидеров мы уже не слышим ритуальное «Асад должен уйти». И это – существенная перемена.

Однако дает ли вышеперечисленное основания утверждать, что Дамаск обрел достаточную уверенность в себе, чтобы не быть заинтересованным в политическом процессе? Напомним в этой связи, что в августе 2015 г. – еще до начала операции ВКС России в САР – сирийское правительство оказалось в сложном положении с точки зрения ситуации «на земле». Потенциал антиправительственных группировок был велик, существовал риск начала штурма столицы. В то время Дамаск демонстрировал готовность к диалогу с оппозицией. Однако и позднее,

когда при содействии России был осуществлен кардинальный «перелом» в пользу властей САР, правительство вновь подтвердило открытость к политическому процессу. Делегация во главе с постпредом Сирии при ООН Б. Джаафари приняла участие в нескольких раундах межсирийских переговоров в Женеве – несмотря на крупные успехи «на земле», которые могли бы привести к потере Дамаском интереса к политпроцессу. Сирийское руководство осознает, что политико-дипломатическое урегулирование – неотъемлемая часть длительного пути, связанного с возвращением официальному Дамаску легитимности (хотя руководство САР и публично отрицает ее необходимость), эвентуальным снятием западных санкций (или хотя бы их части) и размораживанием финансирования на реконструкцию. Деятельность «малой группы», вызывая у Дамаска раздражение, не видится, тем не менее, в качестве хоть «экзистенциальной угрозы» сирийской государственности. Да, чувство «безопасности» усиливается в связи с «особой» позицией арабских участников группы, прежде всего, Египта, Иордании, Кувейта и Саудовской Аравии, демонстрирующей признаки готовности к осторожному сближению с Дамаском.

Идти по пути сотрудничества в том, что касается конституционного процесса – насущная необходимость для Дамаска, которую сирийские власти осознают. Они не станут самоустраняться от участия в конституционном процессе. Однако со стороны правительственной делегации можно ожидать игры на затягивание с обвинениями (зачастую – обоснованными) команды оппозиции в низком уровне профессионализма, политической незрелости и радикальных подходах, а также попытках увести обсуждение в плоскость обсуждения исключительно поправок в нынешний Основной закон. Эта имеющая право на существование переговорная позиция (вряд ли стоит ожидать, что оппозиция станет выступать с неких конструктивных подходов) предсказуемо будет вызывать раздражение Запада, который постарается максимально задей-

ствовать имеющийся у него арсенал методов для оказания давления на Дамаск.

Упор здесь будет сделан на использование механизмов ООН и потенциала других международных организаций. Работа может идти по неоднократно отработанным схемам. Вот некоторые из них.

1. Политическое давление – регулярные обвинения правительства Сирии в отсутствии политической воли в сфере продвижения по конституционному треку. С этим будут увязываться легитимизация Дамаска, разморозка средств на реконструкцию, «зеленый свет» на возвращение САР в ЛАГ, против которого Запад открыто работает. Критика экстраполируется на астанинский трек, которой попытаются квалифицировать как неэффективный, не приносящий результат, уводящий от реального «политперехода». В качестве альтернативы будут предлагаться формулы «малой группы». По мере того, как конституционный процесс в силу ряда причин (главная из которых – усиление позицией правительства САР) будет развиваться не по западному сценарию, можно ожидать активизации попыток подорвать астанинский трек, путем максимального перевода процесса под ооновский «зонтик» (как это происходит с созданной астанинскими гарантами Рабочей группой по заключенным, заседания которой по инициативе ООН были перенесены в Женеву в надежде поставить процесс под контроль прозападного Секретариата).

2. Шельмование официального Дамаска по гуманитарно-правозащитным вопросам. Безусловно, Запад будет делать связку между политическим процессом и режимом прекращения боевых действий. Все шансы поддерживаться «на плаву» имеет и гуманитарная тематика, в течение многих лет использовавшая Западом для критики Дамаска за низкий уровень гуманитарного доступа в блокированные районы. Однако ситуация «на земле» изменилась. Формально блокированным остается только Идлиб, куда гуманитарная помощь, тем

не менее, бесперебойно и фактически бесконтрольно доставляется через границу с Турцией через задействование трансграничного механизма (был учрежден решением СБ ООН), лишая критиков возможности для обвинений властей САР в том, что они «морят голодом» собственное население (как это было в случае с Восточным Алеппо, Дараей, Мадаей, Джобаром и др.). Достаточно отметить, что с января по сентябрь 2019 г. только на трансграничную деятельность ООН было потрачено 700 млн долларов Заевфратье, выпавшее из-под контроля официальных властей, представляет собой своего рода «вольницу» с точки зрения доставки содействия – договариваться приходится в том числе с самопровозглашенными структурами управления «на местах». Наконец, начало 9 октября 2019 г. турецкой военной операции «Источник мира», перетянувшей на себя внимание международной гуманитарной общественности, придало попыткам нагнетания обвинительной риторики в адрес официального Дамаска элемент нелепости.

Тем не менее, тема Идлиба с заголовков не исчезнет. Она будет и далее педалировать – через призму соблюдения режима прекращения боевых действий. Запад продолжит обвинять Россию и Сирию в нанесении неизбирательных авиаударов по гражданским целям, оперируя данными, полученными из сомнительных источников – ооновцев в Идлибе нет, и в этих условиях критики Москвы и Дамаска опираются на информацию от т.н. «партнеров», проверить которую нет возможности. «Партнеры» – это НПО, работающие в интересах антиправительственных группировок. Безусловно, поставляемые данные имеют ангажированный, однобокий характер, являясь продуктом политического заказа. Однако, проходя «черный ящик» ООН, они приобретают легитимность и подаются в качестве официальной, признаваемой международным сообществом статистики. Бороться с подобной дезинформацией на международном уровне крайне непросто. И России, возможно, придется

действовать мягко, сочетая ограниченные маневры «на земле» в координации с турецкой стороной и кампанией в СМИ (как это, например, было в случае в Восточном Алеппо, когда Минобороны России организовало онлайн трансляцию выхода мирных жителей из блокированной части города по специально созданным гуманитарным коридорам). События 19 сентября 2019 г., когда СБ ООН не смог принять ни один из двух предложенных проектов резолюции по Идлибу⁵, является тревожным индикатором, свидетельствующим о том, что тема это сохранится на плаву.

3. Сбор информации, призванной сформировать массив обвинительной информации в отношении сирийского руководства для использования в эвентуальных судебных процессах, в том числе в рамках неких трибуналов на территории третьих стран. О возможности создания таких структур рассуждают на Западе – в условиях блокирования Россией и Китаем попыток перенести сирийское «досье» в МУС путем принятия соответствующей резолюции СБ ООН. Аккумуляцией подобного рода данных занимается целый ряд механизмов, созданных вразрез с принципом консенсуса.

Во-первых, это Независимая комиссия СПЧ ООН по Сирии (НКОРС), функционирующая с августа 2011 г. – тогда в ходе 17-й специальной сессии Совета ООН по правам человека была принята соответствующая резолюция⁶ (Россия и ряд других государств голосовали против). Деятельность Комиссии ожидаемо носила антиправительственный уклон – и дело не столько в членах НКОРС (условно – «президиум»), сколько в рядовых сотрудниках, занимающихся сбором данных «на земле» и относящихся к одному из наиболее политизированных структур ООН – Управлению Верховного комиссара ООН по правам человека. При этом, если первые доклады Комиссии носили ярко выраженный антиправительственный характер, то в последующем НКОРС, в том числе под давлением России, Китая, Ирана и других стран, была вынуждена уде-

лечь внимание расследованию преступлений антиправительственных группировок. В обиходе – к раздражению Запада – попали не только «листированные» структуры («Исламское государство» и «Джабхат ан-Нусра»⁷), но и отряды, которые США и их союзники в публичной риторике квалифицировали как оппозиционные («Джейш аль-Ислам», «Ахрар аш-Шам» и др.). На них также был собран внушительный «компромат», позволивший Комиссии сделать вывод о том, что боевиками этих структур были совершены военные преступления⁸. Что стало еще более неприятным сюрпризом, особенно для США – так это собранные Комиссией данные о преступлениях подконтрольных им «Сил демократической Сирии» (СДС), боевой костяк которых составляют курды⁹. Тем не менее, Комиссия продолжит работу: выдвинутое ей в адрес сирийских властей обвинение в совершении преступлений против человечности рассматривается Западом в качестве важного задела для будущего судебного процесса.

Во-вторых, это так называемый «Международный беспристрастный и независимый механизм по содействию проведению расследований в отношении тех, кто несет ответственность за наиболее серьезные преступления по международному праву, совершенные в Сирии с марта 2011 г., и их судебному преследованию». Структура, обладающая квазипрокурорскими полномочиями, была создана решением Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 2016 г. Механизм, в соответствии с резолюцией, должен «сотрудничать с Независимой комиссией в сборе, обобщении, обеспечении сохранности и анализе доказательств нарушений норм международного гуманитарного права и случаев нарушения и попрания прав человека, а также в подготовке материалов с целью облегчить и ускорить проведение непредвзятых и независимых уголовных разбирательств в соответствии с международно-правовыми стандартами, национальными, региональными или международными судами или трибуналами, ко-

торые имеют или могут иметь в будущем юрисдикцию в отношении этих преступлений по международному праву»¹⁰. Механизм, расположенный в Женеве и возглавляемый Катрин Марши-Уэль (Франция), занимается сбором данных и проведением расследования по модели, основанной на центральной роли обвинения в судебном процессе, о чем свидетельствует опубликованный в августе 2019 г. очередной доклад Механизма в Генеральную Ассамблею ООН¹¹. Другими словами, акцент делается на сборе доказательств виновности. Структурой создано центральное хранилище доказательств, которое может быть востребовано в любой момент. Механизм сотрудничает с ОЗХО в рамках подписанного в 2018 г. меморандума, что не может не вызывать беспокойства в связи с возможностью манипулирования данными, касающимися до предела политизированного сирийского химического «досье».

В-третьих, это Комиссия по расследованию серии инцидентов на севере Сирии. Любопытно, что на сайте ООН в заголовке она названа «Комиссией по расследованию бомбардировок Идлиба»¹². В условиях, когда режим прекращения боевых действий в зоне деэскалации Идлиб регулярно нарушается боевиками антиправительственных группировок (включая атаки на российскую авиабазу «Хмеймим»), Секретариат создает структуру по расследованию обстоятельств бомбардировок объектов гражданской инфраструктуры, которые якобы совершали сирийские и российские воздушные силы. Речь идет о так называемых «деконфликтрованных» объектах. Стоит напомнить, что механизм деконфликтинга был разработан российскими военными и представителями ООН и подразумевает маркировку объектов, имеющих гуманитарную направленность (школы, больницы и т. д.) в целях недопущения нанесения по ним авиаударов. Со временем российская сторона обнаружила, что ООН относится к составлению списка таких объектов крайне небрежно. Так, проверка «на земле» показала, что маркированные

ООН объекты, подлежащие деконфликтации, в действительности имеют военную направленность. Не говоря уже об источниках соответствующей информации, абсолютное большинство которых – антиправительственные структуры и НПО, заинтересованные «прикрыть» важные для сирийской оппозиции объекты, переводя их в категорию деконфликтрованных («Белые каски», Сирийско-американское медицинское сообщество», различные турецкие НПО). Создание Комиссии по расследованию путем существенного превышения генеральным секретарем ООН своих полномочий, будет использоваться в качестве элемента давления – как на правительство Сирии, так и на Россию, которую Запад пытается в публичной риторике обвинить в «причастности к военными преступлениями режима Асада».

То, что вышеперечисленные и иные механизмы будут работать с антиправительственным уклоном, сомневаться не приходится. Достаточно привести слова спецпредставителя США по Сирии Дж. Джеффри о том, что тематика привлечение к ответственности касается сирийского правительства и ИГ»¹³.

4. Безусловно, «на плаву» будет поддерживаться тема применения химоружия в сирийском конфликте. Об этом свидетельствует не спадающая динамика дискуссий в ОЗХО, где Запад продолжает проводить линию на оказание давления на Дамаск. Симптоматично, что в ходе вышеупомянутого брифинга спецпредставитель США по Сирии Дж. Джеффри обвинил правительство САР в использовании отравляющих веществ в мае 2019 г. в провинции Латакия, а также подчеркнул, что военная опция ответа на применение химоружия (читай – официальным Дамаском) остается на столе¹⁴. Нет оснований сомневаться в том, что химическая тематика будет и далее политизироваться – в том числе на случай принятия решения о задействования против Сирии силовой опции, а также с целью сдерживания военных устремлений ВС САР, например, в Идлибе.

Впереди – непростой политический период, связанный с работой Конституционного комитета и сопутствующих «игр»: правительства САР – на затягивание и фокусировку дискуссий на поправках в действующий Основной закон, оппозиции – на зарабатывание политических «очков», «малой группы» – на дискредитацию астанинского формата, Секретариата ООН – на вживление в работу Комитета западных установок по максимальному ограничению полномочий главы сирийского государства. В этих условиях в интересах астанинских гарантов – договориться о том, что может считаться удовлетворительным результатом работы Комитета, даже если этот результат промежуточный. Любые разногласия между астанинской «тройкой» будут эксплуатироваться «малой группой» для критики работы Астаны и попыток перевода процесса под сугубо ооновский «зонтик» – в формат межсирийских переговоров с акцентом на «политпереход» (political transition).

Время работает на Астану. «Малая группа» более не представляет собой идеологически выровненный формат. Нормализация отношений Сирии с арабскими странами, в том числе членами «малой группы», будет иметь определяющее значение с точки зрения вывода САР из международной изоляции. Наличие признанного астанинскими гарантами прогресса на конституционном треке и восстановление членства САР в ЛАГ позволит говорить о завершении острой фазы политического кризиса вокруг Сирии.

¹ Совместное заявление президентов Исламской Республики Иран, Российской Федерации и Турецкой Республики. 16 сентября 2019 г. // <http://kremlin.ru/supplement/5439>

² «Малая группа» – неформальное объединение, включающее такие государства как США, Великобритания, Франция, ФРГ, Египет, Иордания, КСА.

³ Резолюция СБ ООН 2268. 26 февраля 2016 г. Документ ООН S/RES2268.

⁴ Резолюция СБ ООН 2254 (декабрь 2015 г.). Документ ООН S/RES/2254

⁵ Номера документов S/2019/756 и S/2019/757 от 19 сентября 2019 г.

⁶ Situation of human rights in the Syrian Arab Republic. Resolution adopted by the Human Rights Council at its seventeenth special session. Документ ООН S 17/1.

⁷ Организации запрещены в России.

⁸ Report of the Independent International Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic. 10–28 September 2018. Документ ООН A/HRC/39/65. – p. 21.

⁹ Report of the Independent International Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic. 10–28 September 2018. Документ ООН A/HRC/39/65. – p. 6.

¹⁰ Международный беспристрастный и независимый механизм для содействия проведению расследований в отношении лиц, которые несут ответственность за наиболее серьезные преступления по международному праву, совершенные в Сирийской Арабской Республике с марта 2011 года, и их судебному преследованию. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 21 декабря 2016 г. Документ ООН 71/248.

¹¹ Report of the International, Impartial and Independent Mechanism to Assist in the Investigation and Prosecution of Persons Responsible for the Most Serious Crimes under International Law Committed in the Syrian Arab Republic since March 2011. 22 August 2019. Документ ООН A/74/313.

¹² В конце сентября приступит к работе Комиссия по расследованию бомбардировок Идлиба. Новости ООН. 13 сентября 2019 г. // <https://news.un.org/ru/story/2019/09/1362892>

¹³ New York Foreign Press Center briefing with James Jeffrey, Special Representative for Syria Engagement and the Special Envoy for the Global Coalition to Defeat ISIL, on September 27, 2019 // <https://www.youtube.com/watch?v=CE1W0Yw9roc>

¹⁴ New York Foreign Press Center briefing with James Jeffrey, Special Representative for Syria Engagement and the Special Envoy for the Global Coalition to Defeat ISIL, on September 27, 2019 // <https://www.youtube.com/watch?v=CE1W0Yw9roc>

Т.А. Шмелёва

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ГАЗПРОМА» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

ОАО «Газпром» – крупнейшая российская энергетическая компания, являющаяся мировым лидером в данной отрасли. Ее деятельность реализуется по нескольким направлениям: геологическая разведка углеводородов (преимущественно газа), добыча, транспортировка, переработка, реализация газа и углеводородов. В сферу деятельности компании также входит производство и сбыт электроэнергии. Контрольный пакет акций «Газпрома» является собственностью государства (50,002%). Миссия компании ориентирована на развитие и укрепление внутреннего газоснабжения потребителей в России, и, в тоже время, на усиление надежности долгосрочных отношений, связанных с экспортом продукции. Реализацию стратегической цели руководство «Газпрома» видит в укоренении компании на лидирующих позициях, через освоение новых рыночных горизонтов, ориентацию на надежность поставок и диверсификацию видов деятельности. Крупнейшая мировая газотранспортная система, протяженностью 159,5 тыс. км принадлежит «Газпрому». Система функционирует бесперебойно, транспортируя газ на огромные расстояния внутри страны и за рубеж. Дочерние газораспределительные организации компании, число которых достигло 165, обслуживают распределительные газопроводы протяженностью 445,3 тыс. км, благодаря которым возможна

транспортировка природного газа объемом до 164,3 млрд куб. м. Запасы природного газа компании являются самыми крупными в мире.

Большое внимание руководство компании уделяет расширению деятельности «Газпрома» в странах Ближнего Востока и Северной Африки

Сотрудничество Алжира и «Газпрома»

Как известно, стратегия развития «Газпрома» как глобальной энергетической компании нацелена на построение всей цепочки от добычи до сбыта углеводородов на новых для компании рынках на базе добычных мощностей за пределами России. Именно поэтому Алжир представляет для компании большой интерес, ведь его доказанные запасы природного газа составляют порядка 4,5 трлн куб. м, а нефти – 1,5 млрд тонн¹. В рамках своей стратегии «Газпром» ведет разведку углеводородов на сухопутном участке Эль-Ассель (El Assel) в Алжире. Сначала в 2006 году «Газпром» и Алжирская государственная нефтегазовая корпорация Sonatrach подписали Меморандум о взаимопонимании, в котором определили направления развития взаимодействия в нефтегазовой сфере. Затем, в 2008 году между «Газпромом» и Алжирским национальным агентством по развитию углеводородных ресурсов ALNAFT был заключен контракт на разведку и добычу углеводородов в Эль-Ассель. Данный проект реализуется в партнерстве с Sonatrach, причем оператором является Gazprom International. Доля «Газпрома» в проекте составляет 49%, Sonatrach – 51%. При этом к территории контрактного участка было присоединено ранее открытое месторождение Землэ эр-Реккеб.

Лицензионный участок Эль-Ассель расположен в нефтегазовом бассейне Беркин и состоит из трех блоков общей площадью 3250 кв. км. В 2010 году «Газпромом» на участке Эль-Ассель начато бурение первой поисковой скважины Rhourde Sayah-2, по итогам бурения

которой были открыты запасы углеводородов на блоке 236b. В апреле 2016 года на участке Эль-Ассель закончены бурением девять поисково-разведочных скважин. Результаты исследований подтвердили наличие продуктивных залежей углеводородов. По состоянию на 31 декабря 2017 года обязательства по I, II и III фазам геологоразведочных работ выполнены. Подготовлены планы разработки месторождений ZERN, ZER, RSH и RSHN.

В конце января 2019 года глава Минэнерго РФ Александр Новак сообщил журналистам о том, что Gazprom International заинтересован в двух проектах в Алжире и в настоящее время готовит коммерческое предложение. Глава Минэнерго сказал, что «мы сегодня подробно обсудили возможности дальнейшего участия компании (Gazprom International) совместно с Sonatrach (Алжирская государственная нефтегазовая компания, крупнейшая компания страны) в реализации двух проектов (по разработке) нефтегазоконденсатных месторождений, по которым проводились геологоразведочные работы "Газпромом" совместно с Sonatrach». В Минэнерго уточнили, что речь идет о месторождениях Рурд-Сая и Северный Рурд-Сая². При этом от участия в разработке Землэ Эр-Реккеб (Zemlet Er-Rekkeb) и Северного Землэ Эр-Реккеб (Zemlet Er-Rekkeb Nord) российская сторона отказалась³. В Минэнерго также сообщили, что Новак попросил продлить срок предоставления коммерческого предложения на 2 года, если сейчас срок истекает в июне 2019 года, то Россия предлагает продлить до июня 2021 года.

Сотрудничество Турции и «Газпрома»

Турция, как известно, один из основных покупателей российского природного газа. Россию и Турцию объединяет газопровод «Голубой поток». В настоящее время идет реализация проекта строительства газопровода «Турецкий поток». В 2017 году «Газпром» обеспечил более 52% всего потребляемого Турцией газа. Протяженность газопровода «Голубой поток» – 1213 км. Планируемая

протяженность морского газопровода «Турецкий поток» – более 900 км.

Российско-турецкое сотрудничество в газовой сфере началось в 1984 году, когда между правительствами Турецкой Республики и СССР было подписано Соглашение о поставках природного газа в Турцию. Первый долгосрочный контракт на поставки газа в Турцию был подписан в 1986 году с компанией Botas. Потребности Турции в «голубом топливе» стремительно росли, а с ними – и поставки из России. Возникла необходимость в газопроводе, напрямую соединяющем две страны. В результате было принято решение о строительстве газопровода «Голубой поток». 15 декабря 1997 года между Россией и Турцией было подписано межправительственное соглашение. В рамках этого соглашения «Газпром» заключил коммерческий контракт с турецкой компанией Botas на поставку 365 млрд куб. м газа в Турцию по газопроводу «Голубой поток» в течение 25 лет. В феврале 1999 года между «Газпромом» и итальянской компанией Eni был подписан Меморандум о взаимопонимании по совместному участию в реализации проекта «Голубой поток». Строительство газопровода было завершено в декабре 2002 года. Промышленные поставки газа по нему начались в феврале 2003 года. В декабре 2004 года «Газпром» и Botas подписали Меморандум о развитии сотрудничества в газовой сфере. Документ предусматривал возможность поставок российского газа в Турцию напрямую или через дочерние компании вплоть до конечных потребителей, а также участие в проектах по газификации, газораспределению, развитию мощностей подземного хранения газа и газознергетических мощностей на территории Турции. В 2007 году «Газпром экспорт» подписал контракты с четырьмя частными компаниями, получившими право на импорт российского газа в Турцию. Это произошло в соответствии с законом «О рынке природного газа», предусматривающим либерализацию газового рынка Турции и постепенную ликвидацию монопольного

права на импорт газа компанией Botas⁴. В марте 2014 года суммарный объем газа, поставленного в Турцию по газопроводу «Голубой поток», превысил 100 млрд куб. м. Сегодня на повестке – сооружение нового бестранзитного газопровода из России в Турцию – «Турецкого потока». Он значительно повысит надежность газоснабжения Турции, а также Южной и Юго-Восточной Европы.

По последним данным на начало мая 2019 года, первая нитка газопровода «Турецкий поток», предназначенная для поставок на внутренний рынок Турции, будет запущена в конце 2019 года. Сейчас в плановом режиме завершаются работы по сооружению приёмного терминала в посёлке Кыйыкёй – это последний этап реализации проекта. Вторая нитка трубопровода предназначена для транзитных поставок топлива в Европу, однако пока не решён вопрос создания инфраструктуры на территории ЕС. Уже несколько стран выразили готовность принять участие в строительстве продолжения «Турецкого потока», в том числе Болгария и Сербия. На северо-западе Турции в плановом режиме завершаются работы по сооружению магистрального газопровода «Турецкий поток». Ожидается, что он будет введён в эксплуатацию до конца 2019 года, сообщила агентству «Анадолу» представитель консорциума «Турецкий поток» Аслу Эсен⁵. Она отметила, что «проект, как и запланировано, будет введён в эксплуатацию в конце 2019 года. Завершено более 70% работ в рамках строительства приёмного терминала в посёлке Кыйыкёй, которое считается последним этапом реализации проекта. Поэтому, несомненно, трубопровод будет сдан в эксплуатацию в срок». По её словам, «после завершения прокладки морского участка газопровода начались испытания по его устойчивости и безопасности». Также закончено строительство сухопутного участка «Турецкого потока» на территории России. В дальнейшем, после расширения мощности газопровода и завершения строительства его второй ветки, начнутся транзитные поставки в Европу. Однако маршрут второй нитки

«Турецкого потока» пока не назван, хотя, по всей видимости, он пройдёт через Болгарию, Сербию и Венгрию в Австрию, где находится Центрально-европейский газовый хаб в Баумгартене. При этом также рассматривается вариант маршрута через территорию Греции.

Сотрудничество Ирака и «Газпрома»

Компания «Газпром нефть Бадра» (Iraq Gazprom Neft Badra) является оператором разработки месторождения Бадра (Badra) в провинции Васит на востоке Ирака. Её доля в сформированном «Газпром нефтью» международном консорциуме составляет 30%⁶. История проекта Бадра началась в декабре 2009 г. с победы консорциума в составе российской «Газпром нефти», южнокорейской KOGAS, малазийской PETRONAS и турецкой ТРАО на тендерных торгах, проведённых иракским правительством. Сам контракт был подписан в январе 2010 года консорциумом в составе российской «Газпром нефти» (оператор проекта с долей 30%), иракской государственной геологоразведочной Oil Exploration Company (25%), корейской KOGAS (22,5%), малайзийской PETRONAS (15%), турецкой ТРАО (7,5%). Промысел находится на востоке Ирака у самой границы с Ираном, причем в Ираке месторождение известно как Бадра, а в Иране – как Азар. По предварительным оценкам, геологические запасы Бадры составляют 3 млрд баррелей нефти. Проект разработки пять рассчитан на 20 лет с возможной пролонгацией на 5 лет. Коммерческая добыча на месторождении началась в 2014 году. Контракт с правительством Ирака на разработку месторождения предусматривает компенсацию инвесторам понесенных затрат, а затем выплату вознаграждения в размере 5,5 долларов за каждый баррель добытой нефти.

В курдском автономии Ирака «Газпром нефть» через дочернюю Gazprom Neft Middle East ведет работу на проектах Шакал (Shakal) и Гармиан (Garmian). В первом из них доля компании составляет 80%, а 20% принадлежит властям автономии. А в Гармиане, где «Газпром нефть»

является оператором, у нее 40% проекта, еще 40% – у канадской компании Western Zagros, а у правительства Иракского Курдистана – те же 20%, как и в проекте Shakal. Стоит отметить, что на проекте Гармиан техническим обслуживанием занимается нефтесервисная компания Petrofac, с которой Gazprom Neft Middle East B.V. в 2017 году заключила трехлетний контракт. От освоения ещё одного блока – Халабджа (Halabja) – было принято решение отказаться по результатам сейсморазведки, проведенной в 2016 году.

В конце августа 2018 года компания «Газпром нефть Бадра» сообщила о том, что она ввела в промышленную эксплуатацию линию «В» установки комплексной подготовки газа (УКПГ) мощностью 800 млн куб. м в год на месторождении Бадра в Ираке. Запуск новой технологической линии УКПГ является заключительным этапом создания газовой инфраструктуры месторождения Бадра. Ранее, в декабре 2017 года, в рамках данного проекта в эксплуатацию была введена первая очередь газового завода полного цикла. Церемония запуска прошла в присутствии министра энергетики Российской Федерации Александра Новака, министра нефти республики Ирак Джаббара аль-Луаиби и председателя правления «Газпром нефти» Александра Дюкова. Общая мощность установки по переработке газа составляет 1,6 млрд куб. м в год. Сухой товарный газ, подготовленный на месторождении Бадра, транспортируется по 100-километровому трубопроводу на электростанцию Аз-Зубайдия, которая снабжает электроэнергией несколько провинций Ирака, в том числе столицу государства – Багдад. Кроме того, газ используется для собственных нужд проекта Бадра в качестве топлива для газотурбинной электростанции. Пять ее агрегатов в сумме способны производить 123,5 МВт электроэнергии, которая поступает на комплексы подготовки нефти и газа, буровые станки и добывающие скважины. 10 МВт электроэнергии по воздушной линии электропередач вскоре начнут поступать в жилой комплекс

«Газпром нефть Бадра», в сам город Бадра и прилегающие населенные пункты. Из получаемой широкой фракции углеводородов УКПГ проекта Бадра производит сжиженный углеводородный газ, поставляемый иракской государственной компании Gas Filling Company. Завод включает в себя также установки для производства серы и ее грануляции. Первый заместитель генерального директора «Газпром нефти» Вадим Яковлев сказал СМИ о том, что «с вводом в эксплуатацию линии "В" установки комплексной подготовки газа мы завершили создание современной газовой инфраструктуры месторождения Бадра. Вывод установки на режимные параметры позволит существенно повысить эффективность нашего актива и обеспечит не менее чем 95%-й уровень утилизации попутного нефтяного газа». Он также отметил, что «газовый завод в Бадре стал не просто значимой частью создаваемого "Газпром нефтью" высокотехнологичного производственного комплекса, но и важным элементом энергетической системы всего региона»⁷.

Согласно данным, «Газпром нефть» на конец февраля 2019 года увеличила добычу нефти в Ираке (месторождение Бадра) и Иракском Курдистане в 2018 году на 23,8% по сравнению с показателем 2017 года – до 1,61 млн тонн⁸. В 2017 году этот показатель составлял 1,3 млн тонн. Добыча нефти на Бадре и в Иракском Курдистане в I квартале 2018 года составила 330 тыс. тонн, во II квартале – 430 тыс. тонн, в III квартале – 420 тыс. тонн, в IV квартале – 430 тыс. тонн.

В начале апреля 2019 года Gazprom Neft Middle East» ввела в промышленную эксплуатацию третью добывающую скважину на месторождении Sarqala в курдской автономии Ирака. Как сообщили в компании, это увеличило среднесуточную добычу на месторождении на 25%. По сообщениям самой «Газпром нефти», «потенциал новой скважины оценивается до 12 тыс. баррелей в сутки. С запуском Sarqala-3 совокупный суточный объем нефтедобычи на месторождении достиг 35 тыс. баррелей в день»⁹.

Первый заместитель генерального директора компании Вадим Яковлев также заметил, что «сегодня мы («Газпром нефть – авт.) продолжаем оценивать возможности для дальнейшего развития бизнеса на Ближнем Востоке самостоятельно или в партнерстве – как в синергии с инфраструктурой уже имеющихся проектов, так и на других активах».

Сотрудничество Саудовской Аравии и «Газпрома»

В октябре 2017 года «Газпром нефть» и крупнейшая в мире Saudi Aramco подписали меморандум о сотрудничестве, инициатором которого выступила саудовская сторона. Также была достигнута договоренность с Российским фондом прямых инвестиций о создании инвестиционной компании с капиталом в 1 млрд долларов. Генеральный директор, председатель правления компании «Газпром нефть» Александр Дюков отметил, что «у нас с Saudi Aramco очень много общих технологических вызовов. И наша общая цель – найти как раз решения для как можно более эффективной работы в условиях нестабильных нефтяных цен». Он добавил также, что «"Газпром нефть" – один из технологических лидеров российской нефтяной отрасли. Мы применяем, используем самые современные решения для разведки и добычи нефти. Также мы самостоятельно разрабатываем технологии, которые позволяют нам работать с так называемыми трудно извлекаемыми запасами. С компанией Saudi Aramco мы будем совместно развивать технологии бурения, повышения нефтеотдачи, технологию увеличения эффективности разведки добычи и переработки нефти»¹⁰. Но сотрудничество будет не только в исследовательском кластере: Саудовская Аравия хотела бы вкладывать деньги в перспективные российские проекты. Объявлено о создании совместного энергетического фонда с объемом в миллиард долларов (предполагается, что оттуда пойдут деньги в нефтесервисные компании). Еще один фонд – технологический (объем также миллиард долларов).

А общий объем уже заключенных соглашений – несколько миллиардов. Генеральный директор Российского фонда прямых инвестиций Кирилл Дмитриев заметил, что «для многих саудовских бизнесменов очень важно, что они в первый раз приехали в Россию. Они очень удивились, что до этого они не общались с российскими компаниями. Мы видим, что у них блестят глаза, они активно хотят оставаться в России, чаще сюда приезжать. И для многих эта встреча стала переломным моментом с точки зрения понимания России». Помимо энергетики, инвестиции придут в нефтехимию, аграрный сектор, медицину, инфраструктуру.

Сотрудничество ОАЭ и «Газпрома»

В конце мая 2018 года Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) и Mubadala Petroleum, ведущая нефтегазодобывающая компания из ОАЭ, объявляют о создании совместного предприятия с ОАО «Газпром нефть» для разработки нескольких месторождений нефти в Томской и Омской областях¹¹. РФПИ и Mubadala Petroleum приобретут 49-процентный пакет акций ООО «Газпромнефть-Восток», оператора месторождений и дочерней компании «Газпром нефть». Mubadala Petroleum будет владеть 44%, а РФПИ – 5% нового предприятия. Соответствующее соглашение было объявлено на Петербургском международном экономическом форуме. Объем известных и потенциальных запасов на месторождениях составляет около 40 млн тонн (около 300 млн баррелей). Добыча нефти в 2017 году составила 1,6 млн тонн (около 33 тысяч баррелей в сутки). Добытая нефть продается на российском внутреннем и международных рынках и транспортируется в основном по восточному нефтепроводу.

Этот проект представляет собой первые инвестиции Mubadala Petroleum в российский нефтегазовый сектор. Кирилл Дмитриев, генеральный директор РФПИ, выразил уверенность в том, что «инвестиции РФПИ и Mubadala

Petroleum в совместное предприятие с "Газпром нефтью" привносят опыт и экспертизу наших партнеров на Ближнем Востоке в российский нефтегазовый сектор. РФПИ, Mubadala Petroleum и "Газпром нефть" рассматривают этот проект как первый шаг к созданию консорциума для будущих инвестиций в этот сектор». В свою очередь, доктор Бакхит аль-Катери, генеральный директор Mubadala Petroleum, подчеркнул то, что «эта инвестиция знаменует собой дальнейший шаг в нашей долгосрочной стратегии роста и свидетельствует о выходе Mubadala Petroleum на российский рынок. Благодаря новому партнерству с РФПИ и "Газпром нефтью", одним из ведущих операторов России, мы будем не только делиться, но и дальше развивать наш опыт и возможности в области нефти и газа». Александр Дюков, председатель правления «Газпром нефти», добавил, что их компания «имеет большой опыт создания совместных предприятий с международными партнерами, но в первый раз один из крупнейших инвестиционных фондов ОАЭ инвестировал в российские активы "Газпром нефти". Эта сделка имеет большое значение не только для нашей компании, но и для всей отрасли. Основным преимуществом "Газпромнефть-Восток" является разработка технологий поиска и добычи углеводородов из доюрских образований, и для нас важно, чтобы наши партнеры верили не только в настоящее, но также и в будущее этого актива».

Сотрудничество Ливии и «Газпрома»

В октябре 2018 года пресс-служба ливийской National Oil Corp. (NOC) сообщила о том, что в рамках «Российской энергетической недели» глава корпорации Мустафа Саналла провел переговоры с представителями дочерней компании российского холдинга – Gazprom International по вопросу возможностей возобновления «Газпромом» работы в Ливии. В ходе встречи National Oil Corp. (NOC) представила российской компании

обновленный план деятельности по разведке в Ливии. В прошлом, до свержения Муаммара Каддафи, «Газпром» вместе с германской Wintershall работал над ливийскими проектами в рамках нефтяных концессий С96 и С97. Однако с началом войны вся деятельность была свернута, а сотрудники эвакуированы. В пресс-релизе «Газпрома» относительно этой встречи говорилось, что «Саналла выразил признательность за интерес "Газпрома" к возобновлению разведки и добычи нефти и газа. Стороны договорились поводить встречи и рабочие совещания с департаментом по разведке НОС для обсуждения проектов и содействия по возвращению холдинга в Ливию». Правда, пока что о безопасности работы в Ливии говорить нельзя и все проекты остаются на стадии обсуждения.

Сотрудничество Бахрейна и «Газпрома»

С середины 2017 года «Газпром» и Королевство Бахрейн ведут переговоры о поставках российского сжиженного природного газа (СПГ) на новый терминал в Бахрейне, заявил министр нефти Бахрейна Мухаммед бен Халифа Аль Халифа в кулуарах 22-го Мирового нефтяного конгресса, который проходил в Турции. По словам бахрейнского министра, потенциал поставок российского СПГ оценивается от 3 до 6 млн тонн ежегодно. Министр также отметил при этом, что ежегодная мощность бахрейнского терминала оцениваются от 3 до 6 млн тонн СПГ, и «переговоры идут о потенциальных поставках СПГ на наш новый терминал. Однако точные объемы пока не определены»¹². «Газпром» также собирается участвовать в разведке месторождений нефти и газа в Бахрейне. Об этом, в частности, говорил глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, который ранее встречался в столице этого ближневосточного государства Манаме с королем Хамадом бен Исой Аль Халифой¹³. Тем не менее, пока все опять же находится на стадии переговоров.

Сотрудничество Ирана и «Газпрома»

В ноябре 2017 года «Газпром» и Иранская национальная нефтяная компания NIOC подписали меморандум о взаимопонимании, в соответствии с которым стороны разработают концепцию создания единой системы добычи, транспортировки природного газа и газохимии на территории Ирана¹⁴, а также меморандумы о возможности участия российской компании в разработке четырех крупнейших газовых месторождений в Иране – Farzad-A, Farzad-B, North Pars и Kish. Меморандум о взаимопонимании также позволил РФ и Ирану приступить к подготовке технико-экономического обоснования для проектирования, строительства и эксплуатации газопровода Иран–Пакистан–Индия. Помимо этого, было подписано соглашение с компанией Industrial Development & Renovation Organization of Iran в сфере сжиженного природного газа (СПГ). Обе компании намерены укреплять сотрудничество в сфере поставок СПГ в третьи страны. А в конце сентября 2018 года министерства энергетики Российской Федерации и Исламской Республики Пакистан подписали меморандум о сотрудничестве в сфере реализации проекта морского трубопровода, предназначенного для поставок газа из Ирана потребителям в Пакистане и Индии. И для «Газпрома» это не просто «протокол о намерениях», а фактически начало конкретной детализации проекта и начало работы, то есть практически «дорожная карта», поскольку вышеупомянутый меморандум предполагает «оказание всесторонней поддержки проекту морского трубопровода, по которому газ с месторождений на территории Ирана будет поставляться потребителям в Пакистане и Индии». В документе было также предусмотрено определение уполномоченных организаций, через которые будет вестись поддержка проекта, в том числе при разработке технико-экономического обоснования, а именно «определения ресурсной базы, конфигурации и маршрута газопровода».

Американские санкции против Ирана «Газпром» волнуют мало, так как он и так под ними находится, а российское Минэнерго рассматривает «пакистанский меморандум» в том числе и в качестве своеобразного ускорителя для переговоров с Индией, в то время как ресурсной базой проекта как раз и могут стать иранские месторождения, расположенные на шельфе Персидского залива¹⁵.

Россия в лице «Газпрома», активно входя на иранские рынки газовой добычи и действуя как в своих, так и в интересах Тегерана, резко расширяет подконтрольную нашей стране «ресурсную базу». Также на руку как Ирану, так и Индии с Пакистаном, то, что российская компания сможет переправлять значимую часть колоссальных иранских запасов в крайне надежную трубопроводную концепцию поставок дешевого газа¹⁶. И, наконец, подобная политика дает России преимущество на Ближнем Востоке, когда дело касается прибыли и политики.

* * *

Как мы видим, «Газпром» успешно реализует различные проекты на Ближнем Востоке и Северной Африке (и не только), его амбиции подкреплены высоким профессионализмом и отличным знанием региона, поэтому в ближайшее время стоит ожидать других новых сделок и активных действий от этого нефтяного гиганта России.

¹ <http://www.gazprom.ru/projects/algeria/>

² <https://energybase.ru/news/industry/gazprom-interesuetsa-dvuma-proektami-v-alzire-gotovit-kommerceskoe-predloz-2019-01-30>

³ <http://www.interfax.com/newsinf.asp?pg=4&id=883690>

⁴ <http://www.gazprom.ru/projects/turkey/>

⁵ <https://glavred.info/world/10069424-konsorcium-ozvuchil-sroki-zapuskatureckogo-potoka.html>

⁶ <https://badra.gazprom-neft.ru/about/>

⁷ <http://www.vestifinance.ru/articles/105970>

- ⁸ https://finance.rambler.ru/markets/41767344/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
- ⁹ <https://teknoblog.ru/2019/04/04/98241>
- ¹⁰ https://www.1tv.ru/news/2017-10-05/333919-gazprom_neft_i_caudovskaya_kompaniya_saudi_aramco_podpisali_memorandum_o_sotrudnichestve
- ¹¹ <https://www.businessemirates.ae/news/uae-property-news/kompaniya-iz-uae-priobrela-dolyu-v-dochke-gazproma/#>
- ¹² http://proekt-gaz.ru/news/gazprom_aktivno_prodvigaet_svoj_spg_v_bakhrej_n/2017-07-13-5984
- ¹³ http://proekt-gaz.ru/news/gazprom_aktivno_prodvigaet_svoj_spg_v_bakhrej_n/2017-07-13-5984
- ¹⁴ <https://iz.ru/666787/2017-11-03/gazprom-i-iran-podpisali-soglasenie-o-sotrudnichestve-v-neftegazovoi-sfere>
- ¹⁵ <https://ria.ru/20181001/1529637616.html>
- ¹⁶ Запасы действительно впечатляющие: так, месторождение Farzad-B, открытое в 2008 году консорциумом трех индийских компаний, имеет доказанные запасы газа почти в 12 триллионов кубометров.

**ЗАКОН О НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ
ИЗРАИЛЯ: СУЩНОСТЬ, ОСОБЕННОСТИ,
ВОПРОС ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ
СО СЛОЖИВШЕЙСЯ ПРАКТИКОЙ**

19 июля 2018 г. Кнессет принял закон «Израиль – национальное государство еврейского народа»¹, еще на стадии подготовки и обсуждения вызвавший многочисленные споры о возможности сочетания понятий «еврейский» и «демократический». Подтверждает неоднозначность решения уже то, что из 120 парламентариев в поддержку законопроекта выступили 62 депутата, а против – 55 (при двух воздержавшихся и 1 отсутствовавшем)². Документ получил статус Основного закона, а это означает, что он является очередным составным элементом фактической конституции страны. При этом его, наряду с одобренным в 2014 г. законом о референдуме, с определенной точки зрения можно считать частью нового конституционного периода.

По своей внутренней структуре закон о национальном характере государства, состоящий из 11 статей, не отличается от аналогов. В тематическом смысле документ включает в себя пункты, затрагивающие общие принципы существования Израиля как государства еврейского народа (ст. 1), государственные символы (ст. 2), столичный статус Иерусалима (ст. 3), языки и их использование (ст. 4), репатриация и отношения с еврейскими общинами

за рубежом (ст. 5, 6), поселенчество (ст. 7), календарь, праздники, выходные (ст. 8-10), возможности изменения закона (ст. 11)³. По сути своей названные положения закрепляют то, что было основами существования Израиля на протяжении всей его истории, а в ряде случаев уже присутствовало в иных документах. Заключительная часть представляет собой типовое положение, вытекающее из статуса закона, и разрешает его изменение только большинством депутатов Кнессета.

Вместе с тем для критики законодательной инициативы в названных пунктах нашлось достаточно оснований, в результате чего создалась ситуация, при которой многие из упомянутых статей приобрели дополнительное толкование, по мнению некоторых, свидетельствующее о дискриминации нееврейского населения Израиля. В этой связи в настоящем исследовании предпринята попытка выявления специфики закона о национальном характере Государства Израиль в сравнении с предшествующими документами, составившими правовые основы существования страны, а также сложившейся практикой. Ключевым же вопросом является то, в какой степени т.н. «буква закона» соответствует заложенному в нем императиву или «духу».

Параграфы «алеф» – «гимель» статьи 1 по смыслу согласуются с основными положениями Декларации независимости Государства Израиль. Документ 1948 г. содержит упоминания о «естественном праве еврейского народа...быть хозяином своей судьбы в суверенном государстве», «национальном возрождении евреев в своей стране», «национальном очаге», а также культурных, исторических, религиозных и политических связей с Эрец-Исраэль⁴. Новый основной закон, таким образом, является логическим продолжением декларации почти 70-летней давности. При этом основную мысль, заложенную в своей предшественнице, он выражает в трех первых параграфах, четко определяя Израиль как «национальное государство еврейского народа»⁵.

Помимо отсутствия в законе о национальном характере государства обширного исторического контекста, характерного для Декларации, у документов есть еще одно важное различие. Если в последней недвусмысленно отмечается, что Израиль ориентирован на «полное гражданское и политическое равноправие всех своих граждан без различия религии, расы или пола»⁶, то в законе 2018 г. прямое декларирование чего-то подобного отсутствует. Данное обстоятельство и служит наиболее серьезным основанием для международной и внутренней критики в отношении документа. Впрочем, есть мнение, что такое упущение было сделано намеренно, основываясь на нескольких причинах. С одной стороны, принимая во внимание то, что документ должен стать составным элементом Конституции, то в ней уже есть Основной закон «Достоинство и свобода человека», закрепляющий неприкосновенность жизни, личности, достоинства, собственности, личной и семейной тайны⁷, хотя в нем не упоминается о равенстве всех граждан перед законом. С другой стороны, фиксация исключительного права евреев на «национальное самоопределение в Государстве Израиль» является своего рода ответом на попытки палестинцев отстаивать аналогичные притязания⁸.

В основной части закона самым безобидным из спорных положений оказалось использование «Атиквы», уже закреплённой гимном страны в соответствии с поправкой к закону о государственных символах от 10 ноября 2004 г.⁹ Дискуссии на эту тему к настоящему моменту успели утихнуть, но прежде высказывались инициативы по изменению израильского гимна, продиктованные тем, что «тоска еврейской души»¹⁰ актуальна не для всех представителей населения страны. Схожим образом упоминание об Иерусалиме как единой и неделимой столице Израиля также далеко не всем пришлось по вкусу, но не вызвало шквал недовольства в связи с принятием закона. Произошло это потому, что отдельный Основной закон на этот счет появился еще в 1980 г. В нем более

подробно отражен статус города, включая вопросы определения его муниципальных границ, а также запрета на передачу полномочий по его управлению любым иностранным государственным или негосударственным органам¹¹. В декабре 2017 г. международный резонанс вызвала «Иерусалимская декларация» президента США Д. Трампа, поддержанная переносом в город американского посольства в мае следующего года. Эти события оттянули на себя голоса скептиков определения окончательного статуса Иерусалима до завершения процесса урегулирования, исходя из чего применительно к закону реакция на этот пункт также не была слишком негативной.

Одними из наиболее ожесточённых оказались дебаты по поводу государственного языка. В законе о национальном характере дословно говорится: «Иврит – государственный язык. Арабский язык пользуется в государстве особым статусом; упорядочивание использования арабского языка в государственных учреждениях и при обращении к ним будет регулироваться законом. Сказанное не умаляет фактического статуса арабского языка, сложившегося до вступления в силу настоящего Основного закона»¹². Последний, т.е. «фактический статус» сформировался еще во времена британского мандата на Палестину. При этом в статье 22 мандата утверждается: «Английский, арабский и иврит должны быть официальными языками Палестины».¹³ Позднее первое правительство Израиля отказалось от выделения английского из числа остальных языков, однако популярность его в государстве сохранялась и последовательно росла. В результате он стал одной из примет принадлежности к среднему классу и фактического статуса государственного языка не утратил¹⁴. Исключение английского из числа официальных языков привело к тому, что в обществе было принято рассматривать арабский и иврит на равных, хотя документально это допущение никак подкреплено не было. В этой связи применительно к закону о национальном характере Израиля речь идет не о пере-

смотре роли арабского, а о формальном закреплении того, что до этого подразумевалось. Кроме того, с точки зрения дискуссии о дискриминационном характере рассматриваемого документа важно, что он не содержит в себе обязательства для всех граждан изучать иврит¹⁵.

Применительно к статье 4 до конца не ясна лишь оговорка о том, что за закон должен регулировать использование арабского в государственных учреждениях. Официальных комментариев по этому поводу в связи с утверждением законопроекта о национальном характере не прозвучало. Есть мнение, что упоминание о некой новой инициативе должно означать, что в будущем будет подготовлен отдельный закон о государственном языке, однако работа над ним пока не ведется. Кроме того, нет полной уверенности в его необходимости, поскольку основные правила языковой политики отражены в законе о национальном характере, и без того вызвавшем много споров.

Интересно обращение к статьям 5-6 (собрание изгнанников, связь с еврейским народом в диаспоре), в которых государство декларирует приверженность принципу «кибуц галуйот». С научно-исследовательской точки зрения понятия «диаспора» и «изгнанники» в современных реалиях утратили свою актуальность, поскольку еврейские общины разных стран от США до, к примеру, Эстонии, не считают себя связанными обязательством «вернуться в Сион». В этой связи целесообразнее понимать общности евреев, проживающих за пределами Израиля, как этнические или конфессиональные группы¹⁶. Отдельно выделяются транснациональные общности. К ним принято относить «русских» евреев, после распада СССР оказавшихся не только в Израиле, но и в США или Германии и связанных языком¹⁷. Свидетельства поддержания транснациональных связей могут быть обнаружены и у литваков, понимаемых в качестве культурно-исторической и географической общности потомков евреев Великого Княжества Литовского, расселившихся не только в соседствующих Литве, Польше и Беларуси, но и, к примеру, в США и ЮАР¹⁸.

Вариантов объяснения, по какой причине в закон были внесены именно эти формулировки, может быть названо несколько. Во-первых, они соответствуют духу Закона о возвращении, который предполагает, что евреи не иммигрируют в Израиль, а «совершают алию»¹⁹. Во-вторых, такая терминология отвечает целям сионистского проекта, которые благодаря созданию Израиля были частично достигнуты, но добиться собирания евреев всего мира в их национальном государстве в итоге не удалось²⁰. В-третьих, аналогичные положения существуют в конституциях других государств, общины выходцев из которых проживают за рубежом. В этой связи можно полагать, что Израиль попытался адаптировать для себя данный принцип, заменив упоминание о евреях на территории других государств на диаспору. Если принять во внимание то, что еврейские общины в ряде государств, особенно в США, имеют сильное лобби, такой подход может быть оправдан для исключения подозрений о вмешательстве Израиля во внутриаполитическую ситуацию стран-партнеров.

Вместе с тем статья 6 вызвала споры по нескольким причинам. С одной стороны, скептики отметили, что, заботясь о диаспоре, правительство пренебрегает ситуацией внутри страны, поскольку избегает в документе упоминания об отношениях между светскими и религиозными. Кроме того, озабоченность была связана с тем, что, говоря о поощрении репатриации, нет пунктов, касающихся признания гиора и прав представителей различных течений иудаизма²¹. С другой стороны, скептически настроены по отношению к ситуации в Израиле представители американской еврейской общины, считающие, что альянс Б. Нетаньяху с ультраортодоксальными партиями и вытекающие из него уступки их электорату в сочетании с тем, что эта же категория стала в США единственной опорой Д. Трампа на президентских выборах, заставляют их опасаться, что в конечном итоге наступит реальная угроза для их привычного светского образа жизни. В более общем смысле эту идею высказал еще в 2016 г. депутат Кнессета

Х. Амсалем, ушедший из ШАС и ставший независимым. Он обращал внимание на то, что харедим своими попытками сделать Израиль более закрытым и религиозным приводят к ассимиляции евреев за его пределами²².

Статья 6 Британского мандата является своего рода предтечей статьи 7 Закона о национальном характере, в которой речь идет о поощрении поселенчества. Так, в тексте мандата утверждается, что власти «будут поощрять в сотрудничестве с упомянутым в статье 4 Еврейским агентством сплошное расселение евреев на земле, включая государственные земли и земли, не используемые для общественных целей»²³. Руководствуясь этим аргументом, израильское внешнеполитическое ведомство уже разъясняло правомерность поселенческой активности, однако в данном случае речь шла о несостоятельности претензий, возникающих с международно-правовой точки зрения, поскольку мандат был основан на решении Лиги наций²⁴. Помимо этого в качестве доказательной базы использовалось и палестино-израильское соглашение в Осло 1995 г., в котором утверждается, что статус поселений должен регулироваться исключительно в финальном, а не промежуточном соглашении между сторонами, а до тех пор данные территории и их население будут находиться под исключительной юрисдикцией Израиля²⁵. Более того, как отмечает исследователь Д. Крецмер из Еврейского университета в Иерусалиме, своими вердиктами суд зачастую ставит судьбу поселений в зависимость от политического решения, делая возможным существование того или иного форпоста до тех пор, пока Израиль сохраняет за собой территорию, на которой он расположен²⁶.

Также стоит обратить внимание на язык документа в оригинале, т.е. текст закона о национальном характере страны на иврите. В нем речь идет о поселении в значении сельскохозяйственного населенного пункта (*hityashvut*), но не о районе за пределами т.н. «зеленой черты» (*hit-nachlut*)²⁷. В этой связи, как полагают представители политического форума «Кохелет» М. Коппель и Ю. Конторович,

авторы законодательной инициативы подразумевали не намерение закрепить за Израилем суверенитет над спорными районами посредством данного закона, а о желании оказывать еврейским населенным пунктам определённую поддержку из государственного бюджета²⁸. Английский перевод, максимально доступный для широкой общественности, эту разницу не учитывает, определяя и то и другое термином «settlement». В русском варианте говорится не о поселениях, а о поселенчестве, что в целом не меняет общее восприятие пункта в силу коннотации термина. Примечательно, но в более ранней версии документа, не дошедшей до итоговых чтений, в пункте 7 «бет» говорилось о создании «исключительных сообществ, состоящих из людей одной веры или национальности». Этот пункт был назван дискриминационным, поскольку в нем заподозрили намерение создать населенные пункты, исключаящие не только арабов или друзов, но и представителей, к примеру, восточных евреев²⁹. Вместе с тем, принимая во внимание итоговый текст и его трактовку, есть вероятность, что таким образом авторы законопроекта пытались добиться создания поселений, которым в будущем будет оказана особая господдержка.

Наконец, завершающие положения о еврейском календаре, еврейских и государственных праздниках в целом на фоне остальных более спорных тем большого интереса не вызвали, хотя в них содержатся пункты, способные вызвать дебаты, учитывая нынешнюю борьбу между светскими и религиозными. В частности, установление выходных и праздничных дней частично затрагивает вопрос о свободе занятий, зафиксированный в одноименном основном законе. В нем утверждается, что данное право не может подвергаться ущемлению «иначе как по закону, который соответствует ценностям Государства Израиль»³⁰. Именно такому определению как нельзя лучше отвечает Закон о национальном характере. При этом на уровне обычных законов в январе 2018 г. Кнессет одобрил инициативу, ставящую в ведение министра

внутренних дел полномочия по определению регламентов органов местной власти относительно работы торговых точек в выходные³¹.

В целом Закон о национальном характере Государства Израиль не внес радикальных изменений в существующую реальность, а в сравнении с некоторыми другими документами выглядит более общим и размытым в формулировках. Неоднозначная реакция на него в обществе, а также политических кругах внутри страны и за рубежом объясняется прежде всего несоответствием т.н. «буквы» и «духа» закона. При этом ключевой для неверного понимания заложенного в документе императива стала первая статья, создавшая основу для толкования текста как дискриминационного по отношению к национальным меньшинствам. На стадии подготовки законодательной инициативы избежать такую ситуацию было возможно за счет более точной формулировки параграфа «бет» путем возможного заимствования определения из Декларации независимости. В нынешних условиях снижению напряженности может способствовать соответствующая поправка.

Впрочем, если рассматривать закон в более широком контексте будущей конституции страны, а также борьбы за ограничение полномочий Верховного Суда, то его основной целью является сдерживание судебной системы, которая, как говорилось выше, нередко действует не в интересах еврейского населения Израиля. В связи с этим документ, отражающий и без того известные всем основы существования государства, не должен был затронуть общество настолько широко. Активная полемика применительно к закону была спровоцирована главным образом не наступлением на права израильских арабов, а сложностями внутри правительственной коалиции, что в итоге привело к досрочным выборам, а также тем, что документ вызвал рост озабоченности со стороны друзей, а также обострил дебаты между светским и религиозным населением.

¹ Основные законы Государства Израиль // Кнессет.

URL: www.main.knesset.gov.il/RU/activity/Pages/BasicLaws.aspx

² Knesset passes Jewish nation-state bill into law // The Knesset. 19.07.2018.

URL: www.knesset.gov.il/spokesman/eng/PR_eng.asp?PRID=13979 (дата обращения 12.10.2018).

³ Basic Law: Israel – the Nation State of the Jewish people. Knesset. 19.07.2018. Translated by Rolef S.H. P. 1–3.

⁴ Full Text of Israel’s Proclamation of Independence Issued in Tel Aviv // Jewish Telegraphic Agency. URL: www.jta.org/1948/05/16/archive/full-text-of-israels-proclamation-of-independence-issued-in-tel-aviv

⁵ Basic Law: Israel – the Nation State of the Jewish people. Knesset. 19.07.2018. Translated by Rolef S.H. P. 1.

⁶ Full Text of Israel’s Proclamation of Independence Issued in Tel Aviv // Jewish Telegraphic Agency. URL: www.jta.org/1948/05/16/archive/full-text-of-israels-proclamation-of-independence-issued-in-tel-aviv

⁷ Basic Law: Human Dignity and Liberty. Knesset. 17.03.1992. Translated by Rolef S.H. P. 1-3.

⁸ Koppel M., Kontorovich E. Why all the Outrage over Israel’s Nation-State Law? // Mosaic. 08.10.2018. URL: www.moasaimagazine.com/essay/israel-zionism/2018/10/why-all-the-outrage-over-israels-nation-state-law/

⁹ Emblems of the State and the Presidency // President of the State of Israel. URL: www.president.gov.il/English/The_Presidency_In_Israel/Pages/Symbols_ofisrael.aspx

¹⁰ См. например: HaTikvah (“The Hope”) Israel’s National Anthem.

URL: www.stateofisrael.com/anthtem/

¹¹ Basic Law: Jerusalem the Capital of Israel. Knesset. 30.07.1980. Translated by Rolef S.H. P. 1-2.

¹² Basic Law: Israel – the Nation State of the Jewish people. Knesset. 19.07.2018. Translated by Rolef S.H. P. 1-2.

¹³ Mandate for Palestine. Article 22. // League of Nations. 12.08.1922. P. 8.

¹⁴ Бен-Рафаэль Э. Самоидентификация различных социальных групп в израильском обществе // Общество и политика современного Израйля. М.: Гешарим, 2002. С. 20.

¹⁵ Koppel M., Kontorovich E. Op. cit.

¹⁶ Носенко-Штейн Е.Э. Доктрина «кибуц галуйот» и еврейская диаспора: что дальше? // Становление еврейской государственности в XX веке: ключевые события. Т. 1. М.: Научно-политическая книга, 2018. С. 59.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Якимова Е.А. Еврейская община современной Литвы: проблемы возрождения и интеграции в европейскую среду // Труды по иудаике. Исто-

рия и этнография № 15. Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность. Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург: Петербургский институт иудаики, 2019. С. 86.

¹⁹ The Law of Return. 5710 (1950) with amendments. Knesset.

URL: www.knesset.gov.il/laws/special/eng/return.htm

²⁰ Якимова Е.А. Современное восприятие сионизма: от соратника до врага // Становление еврейской государственности в XX веке: ключевые события. Т. 1. М.: Научно-политическая книга, 2018. С. 61.

²¹ Koppel M., Kontorovich E. Op. cit.

²² Штоде М. Подход харедим привел к ассимиляции // 7 канал (Arutz Sheva). 27.12.2016.

URL: www.7kanal.co.il/News/nEWS.ASPX/189798 (дата обращения 12.10.2018).

²³ Mandate for Palestine. Article 6. // League of Nations. 12.08.1922. P. 3.

²⁴ Israeli settlements and International Law // Israeli Embassy in Nigeria. URL: www.embassies.gov.il/abuja/AboutIsrael/Pages/Israeli-Settlements-and-Law.aspx (дата обращения 16.10.2018).

²⁵ Ibid; Israel-Palestinian Interim Agreement on the West Bank and the Gaza Stripe. 28.09.1995.

URL: www.archive.org/web/20021115180646/http://knesset.gov.il/process/docs/heskemb_eng.htm (дата обращения 16.10.2018).

²⁶ Kretzmer D. Settlements in the Supreme Court of Israel // AJIL UNBOUND. Vol. 111, 2017. Symposium on revisiting Israel's settlements. P. 44. DOI: 10.1017/aju.2017.17.

²⁷ См. например: Zionism and Israel – Encyclopedic Dictionary. Hityashvut Difinishion. URL: www.zionism-israel.com/dic/hityashvut.htm

²⁸ Koppel M., Kontorovich E. Op. cit.

²⁹ Doherty R. Israeli President Reuven Rivlin warns against Knessets's "discriminatory" bid to create Jewish-only towns // The JC. 10.07.2018.

URL: www.thejc.com/news/israel/israeli-president-reuven-rivlin-warns-knesset-s-discriminatory-nation-state-bill-jewish-only-towns-1.466809

³⁰ Основной закон: свобода занятий. Кнессет. 03.03.1992. С. 1.

³¹ Knesset passes "supermarkets law" // Globes. 09.01.2018.

URL: www.en.globes.co.il/en/article-knesset-passes-supermarkets-law-1001218804/

РОЛЬ ИЗРАИЛЯ В ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКЕ США ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА

Протекционистская политика президента США Д. Трампа, затронувшая Европу, Азию и Латинскую Америку, не могла не отразиться и на главном ближневосточном партнере страны – Израиле. При этом вовлеченность государства в процесс реализации идей американской администрации является прямой и косвенной. С одной стороны, от Иерусалима потребовалась поддержка в торговых войнах, которые инициировал Вашингтон. С другой стороны, сам Израиль столкнулся с необходимостью трансформации соглашения о свободной торговле с США, чего ранее удавалось избегать, ссылаясь на недружественные политико-дипломатические шаги президента Б. Обамы. Таким образом, израильские власти оказались в противоречивой ситуации. Привлечение к решению актуальных проблем вне собственного региона фактически означает повышение роли государства в международных делах, а это одна из задач, решения которой последовательно добивалось правительство Б. Нетаньяху. Вместе с тем поддержка американской торговой политики неизбежно заставляет Израиль задуматься, не станет ли он в итоге очередной ее жертвой, будучи вынужденным внедрить невыгодные для себя условия или повторив судьбу Канады, столкнувшейся с критикой за арест по запросу США финансового директора Huawei Мэн Ваньчжоу.

Одним из основных проявлений роста вовлеченности Израиля в достижение администрацией США ее экономических целей является ситуация с КНР. Наращивание сотрудничества Иерусалима и Пекина, особенно за счет крупных инфраструктурных проектов, серьезно насторожило Вашингтон. Первоначально основная озабоченность была связана со стратегическими рисками. В частности, было заявлено, что контроль китайских компаний над израильскими портами приведет к тому, что они не смогут использоваться базирующимся в Средиземном море 6-м флотом США. В конце августа 2018 г. Исследовательский центр морской политики и стратегии при Университете Хайфы, возглавляемый бригадным генералом ЦАХАЛА в отставке Ш. Хоревом, провел конференцию с участием специалистов из США, посвященную безопасности в Средиземноморье. По итогам мероприятия эксперт призвал изучить вопрос о том, как экономическое измерение сотрудничества Израиля и КНР отразится на стратегических угрозах безопасности страны, а также отметил необходимость укреплять в глазах Вашингтона статус важной региональной базы, а не подрывать его¹.

Надо сказать, что основания для опасений действительно есть, и затрагивают они широкий спектр вопросов от китайско-иранского взаимодействия, позволяющего режиму в ИРИ существовать в условиях санкций, до проблемы защиты информации об израильской гражданской инфраструктуре и военных объектах, потенциально представляющих интерес для противников Израиля, поддерживающих контакты с КНР. Вместе с тем основной мотив, побуждающий США подталкивать партнера к отказу от договоренностей с китайскими компаниями, все же экономический. Подтверждает это ряд фактов. С одной стороны, как заявил представитель 6-го флота США К. Рейнс, к моменту всплеска интереса к теме никаких изменений в сотрудничестве сторон на данном направлении не предпринималось, а «размышлять о том, что может или не может произойти в 2021 г.», т.е. когда к Шан-

хайской международной портовой группе (SIPG) на 25 лет перейдет под управление порт в Хайфе, пока рано². Израильский бригадный генерал в отставке, эксперт Вашингтонского института ближневосточной политики (WENEP) О. Ассаф сделал акцент на том, что США обратили внимание на контракт 2015 г. только сейчас. При этом ошибка, совершенная Израилем, как считает эксперт, заключается в том, что он не учел потенциал роста китайской экономики и перспективы влияния этого фактора на отношения с США³.

В дальнейшем экономический подтекст проблемы стал еще более заметен, когда в США и в Израиле стала звучать идея о необходимости учреждения в ближневосточной стране надзорного органа для контроля над иностранными инвестициями. В январе 2019 г. о пробелах в израильском законодательстве заявили глава Шин Бет Н. Аргаман и заместитель министра энергетики США Д. Бруйе. Первый обратил внимание на то, что опасность представляют не только инфраструктурные проекты, но и возможность поглощения китайской стороной израильских компаний, а также общий всплеск инвестиций из КНР, которые никак не контролируются властями Израиля с точки зрения влияния на безопасность страны⁴. Данные замечания стали свидетельством расширения списка потенциально опасных китайско-израильских проектов, поскольку ранее сразу несколько экспертов высказались за то, что выход из сделки с SIPG не повлечет за собой серьезных потерь для израильской экономики, т.к. спектр имеющихся вариантов взаимодействия велик. Так, вице-президент инвестиционно-консалтинговой группы IndigoGlobal С. Честер, работающей с Израилем и КНР, отметил, что в двусторонних контактах государств «инфраструктура вторична по отношению к технологии»⁵. Помимо этого он подчеркнул, что проблемы могут возникнуть только в отношениях отдельных представителей бизнеса, участвующих в конкретных сделках, а не на национальном уровне, в то время как с США речь идет именно об угро-

зах для стратегического партнерства в крайне чувствительных сферах⁶.

Д. Бруйе в январе 2019 г. посетил Израиль для переговоров с министром энергетики страны Ю. Штайницем. В преддверии встречи он сообщил, что намеревается обсудить необходимость принятия мер для проверки иностранных инвестиций, а случай с Китаем должен являться лишь показательным примером, используя который США хочет продемонстрировать потенциальные уязвимости в целом. Помимо этого, по словам Д. Бруйе, Вашингтон готов поделиться с ближневосточным партнером и опытом создания института, контролирующего иностранные инвестиции⁷. Сказанное имеет особое значение, поскольку выводит американо-израильский диалог о потенциально опасных партнерах на глобальный уровень, что означает возможность для администрации Д.Трампа в будущем использовать новый институт и пример Китая для того, чтобы экстраполировать его на другие регионы.

Несмотря на то, что особый интерес для США представляет Латинская Америка, на этом направлении серьезного вмешательства ожидать не стоит, поскольку здесь сам Израиль путем инвестирования пытается расширить свое влияние в регионе и добиться лояльности в международных организациях. Несколько более высоки риски сдерживания США инвестиционного сотрудничества Израиля с европейскими партнерами, хотя последние, пусть и остаются важными с точки зрения внешнеэкономической активности ближневосточной страны, все же испытывают некоторые трудности. В частности, по мнению генерального директора израильской инвестиционной компании Sukierman&Co Х. Равида, ограничивать европейцев будет экономический спад внутри ЕС. В этой связи наибольшую заинтересованность, а соответственно и больший риск подвергнуться негативному влиянию со стороны США, имеют контакты Израиля со странами Азии⁸.

Вероятным образцом для учреждения в Израиле новой структуры по надзору за иностранными инвестициями

является создание аналога Комитета по иностранным инвестициям США (CFIUS). Его задача состоит главным образом в проверке последствий поступивших инвестиций для национальной безопасности государства. Для этого в состав Комитета входят представители ключевых ведомств, включая министерства обороны, торговли и внутренних дел. По решению Комитета любая транзакция, которая потенциально может нанести ущерб США, либо подлежит исполнению дополнительных условий, способных снизить риски, либо передается на рассмотрение президента, который имеет полномочия заблокировать её⁹.

Пакет реформ CFIUS, подписанный Д. Трампом в августе 2018 г., существенно расширил сферу юрисдикции Комитета, добавив в нее операции с недвижимостью, которая располагается в непосредственной близости от военных или других потенциально уязвимых объектов государственной инфраструктуры¹⁰. Помимо этого, закон «о модернизации процесса оценки рисков иностранных инвестиций» (FIRRMA) расширяет полномочия Комитета на проверку инвестиций, которые предоставляют иностранцам доступ к непубличной технической информации, а также на операции, позволяющие им получить часть бизнеса, дающую возможность влиять на процесс принятия решений или слияния компаний, что приведет к последующему иностранному контролю над бизнесом¹¹. Поскольку инициатива по учреждению в Израиле надзорного органа для контроля над иностранными инвестициями во многом подана США, логично, что Вашингтон будет требовать от Иерусалима использования в качестве образца именно реформированного варианта деятельности CFIUS.

Помимо того, что при адаптации к израильским реалиям пункта об операциях с недвижимостью первыми под действие этой меры попадут порты, что означает автоматические препятствия для сделок с КНР, касающихся терминалов Ашдода и Хайфы, под угрозой оказывается еще одна сфера китайско-израильского взаимодействия – инновации и старт-апы. При этом есть вероятность, что

таким способом США также старательно пытаются закрепить свое особое положение на израильском рынке. Так, одной из особенностей экономики ближневосточной страны является именно опора на малые инновационные предприятия с короткой историей деятельности, чьи создатели, достигая определенного этапа, продают свой бизнес, нередко переходя к воплощению другой идеи. Традиционно интерес к покупке израильских стартапов проявляли представители крупных корпораций из США, однако в последнее время ситуация стала меняться. Так, китайская компания AlibabaGroup, работающая в сфере электронной коммерции, в 2017 г. сообщила о приобретении базирующегося в Герцлии стартапа Visualead с тем, чтобы постепенно на его основе создать исследовательский центр в Израиле¹². При этом ранее признанными доказательствами востребованности израильских идей на международном рынке были офисы американских Google и Facebook.

Впрочем, шаги США затрагивают не только вовлеченность Израиля в сотрудничество с государствами, в отношении которых Вашингтон применяет протекционистские меры, но и само американско-израильское торгово-экономическое взаимодействие. Американская администрация пытается изменить условия режима свободной торговли между странами, которые, учитывая либерализацию в 1985 г., не затронули сектор сельскохозяйственной продукции. Регулирование этой составляющей стало в итоге предметом отдельных переговоров. Соглашения о сельхозпродукции принимались дважды в 1996 и 2004 гг. В дальнейшем, несмотря на несколько попыток возобновить обсуждение, к компромиссу властям сторон прийти не удалось, и соглашение 2004 г. оставалось в силе, хотя должно было прекратить действие еще в конце 2008 г. В 2016 г. государства вновь вернулись к теме, но безрезультатно из-за нежелания Израиля снижать пошлины¹³.

По мнению большинства экономистов и политиков, опрошенных израильскими СМИ, пересмотр условий тор-

говли сельхозпродукцией положительно скажется на ближневосточной стране. Прежде всего речь идет о снижении потребительских цен, представляющих собой серьезную проблему для Израиля. Так, в 2011 г. катализатором протестов в Тель-Авиве, воспринимаемых в большинстве случаев как реакция на ситуацию на рынке недвижимости, стало повышение цен на некоторые категории товаров¹⁴. В середине декабря 2018 г., еще до назначения досрочных выборов в Кнессет 21-го созыва под влиянием протестов «желтых жилетов» во Франции Б. Нетаньяху заявил о разработке плана повышения уровня доходов населения, опасаясь дестабилизации своего правительства¹⁵. Угроза эта казалась заслуживающей внимания, поскольку в стране прошли акции, пусть и значительно менее масштабные, чем в Париже, но все же сигнализирующие о недовольстве граждан высокой стоимостью товаров и услуг. Тогда кабинет министров сделал акцент на тарифах на электроэнергию и газ. В том, что касается цен на продукты питания, Б. Нетаньяху сообщил об их снижении на 0,3%, не исключая, впрочем, перспектив дальнейшего роста¹⁶.

Помимо этого такая политика может положительно сказаться на позиции Израиля в ВТО, поскольку дополнила бы курс на либерализацию, начатый после протестов 2011 г. Несмотря на то, что к 2023 г. правительство выразило намерение отказаться от предоставления экспортных субсидий в сельском хозяйстве, организация по-прежнему полагает, что в отрасли существует много барьеров¹⁷. Впрочем, в данной сфере есть основания для противоречий с Вашингтоном, настаивающим на необходимости лишить статуса «развивающихся стран» ВТО КНР, Индию и Турцию. Израиль, несмотря на хорошие показатели в ОЭСР и высокие оценки международных рейтинговых агентств, также пользуется этим статусом¹⁸, что в будущем может стать основанием для претензий со стороны США, а также помешать выступить на стороне своего основного партнера в борьбе за реформу ВТО.

С другой стороны, недовольство потенциальным ростом конкуренции высказали израильские сельхозпроизводители. Так, Ассоциация фермеров отметила, что уступки США нанесут ущерб экономике и национальной безопасности страны. Прямой эффект ослабления тарифных ограничений для американцев может в будущем спровоцировать банкротство израильтян. Особое значение данный фактор имеет на фоне того, что при положительном сальдо торгового баланса с США в последние семь лет экспорт сельхозпродукции сократился на 5 млрд шекелей¹⁹. При этом под угрозой окажется не только продовольственная ситуация, но и чувствительный вопрос контроля над территориями, поскольку большая часть сельхозпроизводителей сосредоточена на Голанах и в Галилее²⁰. Таким образом, правительство может спровоцировать отток экономически активного населения из стратегически важного района, что на примере Голанских высот рискует осложнить процесс борьбы за международное признание израильского суверенитета над ними. Последовавшее за этим решение президента США признать суверенитет Израиля над Голанами частично снижает эти риски, однако на экономические и демографические проблемы там повлиять политическая декларация все же не в силах.

Вместе с тем рассматривать вопрос пересмотра режима свободной торговли исключительно негативно в качестве конъюнктурного шага Б. Нетаньяху перед выборами или попытки использовать Израиль в американских торговых интересах все же не стоит. Схожая задача возникает и в общении с другими государствами, при этом даже среди ближайших соседей США есть позитивные примеры. Так, Иерусалим и Оттава в мае 2018 г. модернизировали соглашение о свободной торговле. Оно включило сельхозпродукцию, а также внесло в торгово-экономические отношения «прогрессивные элементы» в виде мер, направленных на защиту окружающей среды, расширения социальной ответственности бизнеса и развития малых и средних предприятий²¹. Пока процедура

его ратификации не завершена, однако эффект уже может оказаться важным, поскольку у Израиля есть образец, который может позволить добиться включения в обновленное соглашение с США пунктов, способствующих развитию экономик обоих государств и, к примеру, дополнительного продвижения израильских инноваций.

В целом торговая политика США направлена на решение проблемы, являющейся следствием самой американской экономической системы, где дефицит торгового баланса вызван высоким потреблением, которое на фоне снижения налогов и экономического подъема только продолжит возрастать, увеличивая разрыв между импортом и экспортом в пользу первого²². Впрочем, для Израиля потенциальные риски не так серьезны, как для других государств, уже испытавших на себе последствия американской тарифной войны. С одной стороны, принимая во внимание стратегию постепенного сокращения прямой вовлеченности в ближневосточные дела и особые гарантии израильской безопасности США, администрации Д. Трампа крайне не выгодно ослаблять партнера экономически, лишая шансов вести успешную дипломатию и развивать оборонную промышленность. С другой стороны, потенциальная опасность для американской экономики от Израиля существенно ниже, чем, к примеру, от Китая. Одним из главных рисков для Иерусалима может стать дальнейшее сотрудничество в ВТО. Для Израиля международные финансовые и экономические организации имеют большое значение, поскольку частично используются как площадка для обсуждения политических проблем, а также позволяют получить доказательства успешности экономического развития. Д. Трамп, в свою очередь, скептически настроен в отношении организации, заявляя о возможности для США выйти из ее рядов или настаивая на ее реформировании.

¹ Harel A. Israel is giving China the keys to Its largest port – and the U.S. Navy may Abandon Israel // Haaretz [on-line]. 17.09.2018. URL: www.haaretz.com

Haaretz.com/us-news/.premium-israel-is-giving-china-the-keys-to-its-largest-port-and-the-u-s-navy-may-abandon-israel-1.6470527

² Wilner M. U.S. Navy may stop docking in Haifa after Chinese take over port // Jerusalem Post [on-line]. 15.12.2018. URL: www.jpost.com/Israel-News/US-Navy-may-stop-docking-in-Haifa-after-Chinese-take-over-port-574414

³ Ibid.

⁴ Shin Bet chief said to warn Chinese investment in Israel poses security threat // Times of Israel [on-line]. 10.01.2019. URL: www.timesofisrael.com/shin-bet-chief-said-to-warn-chinese-investment-in-israel-poses-security-threat/

⁵ Halon E. Israel –China experts downplay impact of Haifa port decision // Jerusalem Post[on-line]. 10.01.2019. URL: www.jpost.com/Israel-News/Israel-China-experts-dowplay-impact-of-Haifa-Port-decision-576988

⁶ Ibid.

⁷ Livingston I. U.S. Urges Israel to Vet Foreign Investment Amid China Concerns // Bloomberg. 15.01.2019.

URL: www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-15/u-s-urges-israel-to-vet-foreign-investment-amid-chinaconcerns (дата обращения: 18.02.2019).

⁸ Leichman A. K. 5 Predictions about investment in Israeli tech for 2019 // ISRAEL21c. 01.01.2019. URL: www.israel.21.c.org/5-predictions-about-investment-in-israeli-tech-for-2019/

⁹ The Committee on foreign Investment in the United States (CFIUS) // U.S. Department of treasury.

URL: www.home.treasury.gov/policy-issues/international/the-committee-on-foreign-investment-in-the-united-states-cfius

¹⁰ President Trump signs reform legislation expanding CFIUS's authority to review foreign investment in U.S. companies // Thompson Hine International Trade. 16.08.2018. URL: www.trumpandtrade.com/2018/08/president-trump-signs-reform-legislation-expanding-cfiuss-authority-review-foreign-investment-u-s-companies/#

¹¹ S.2098- Foreign investment risk review modernization act of 2018 // Congress.gov. URL: www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2098

¹² Yefet N. Exclusive: Alibaba buys Israeli startup Visualead // Globes. 29.11.2017. URL: www.en.globes.co.il/en/article-exclusive-alibaba-buys-israeli-startup-visualised-1001213816

¹³ Israel Free Trade Agreement.Office of the United States trade representative. URL: www.ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/israel-fta

¹⁴ Zaidise E., Shahrabani S., Gal A., Benzion U. Understanding Public Support for Social Protest: testing collective action frames, cognitive liberation and political opportunity in the Israeli 2011 summer protest // Israel Affairs, 2018, vol. 24, no. 5, pp. 865-882. DOI: 10.1080/13537121.2018.1505705, p. 869.

¹⁵ PM Netanyahu's remarks at the start of the weekly Cabinet meeting // Israel Ministry of Foreign Affairs. 16.12.2018.

URL: www.mfa.gov.il/MFA/PressRoom/2018/Pages/PM-Netanyahu-s-remarks-at-the-start-of-the-weekly-Cabinet-meeting-16-December-2018.aspx

¹⁶ Якимова Е.А. Ситуация в Израиле: декабрь 2018 г. // Институт Ближнего Востока. 07.01.2019. URL: www.iimes.ru/?p=52100

¹⁷ Trade Policy Review Israel. Concluding remarks by the Chairperson // WTO. 19.07.2018. URL: www.wto.org/english/tratop_e/tp476_crc_e.htm

¹⁸ Israel Trade Policy Review. Report by the Secretariat. World Trade Organization. June 12, 2018. P. 20.

¹⁹ Gotlib J. The trade war on the way here, is Israel against? (In Heb.) // Arutz 7. 12.03.2019. URL: www.inn.co.il/News/News.aspx/396171

²⁰ Ibid.

²¹ Modernized Canada-Israel Free trade agreement: benefits for Canada // Government of Canada. URL: www.international.gc.ca/trade-commerce/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/israel/benefits-avantages.aspx?lang=eng

²² Irwin D. Understanding Trump's Trade War // Foreign Policy. URL: www.foreignpolicy.com/gt-essay/understanding-trumps-trade-war-china-trans-pacific-nato/

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ю. Бочаров (Израиль)

СТАТИСТИКА ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ В КНЕССЕТ 21-го СОЗЫВА (2019 г.)

Очередные-досрочные

Очередные досрочные выборы в Кнессет 21-го созыва состоялись 9 апреля 2019 года. Стоит отметить, что с начала существования Кнессета практически половина его каденций закончилась досрочно. Выборы во 2-й, 5-й, 10-й, 11-й, 13-й, 14-й и 15-й Кнессет проходили досрочно по инициативе самого Кнессета.

Выборы в 16-й Кнессет (2003) прошли досрочно по инициативе премьер-министра. Выборы в 18-й Кнессет (2009) прошли досрочно по инициативе новоизбранного лидера партии «Кадима» Ц. Ливни из-за невозможности сформировать новую коалицию после ухода в отставку премьер-министра Э. Ольмерта. Выборы в 19-й Кнессет (2013) были назначены досрочно по инициативе премьер-министра Б. Нетаньяху из-за невозможности утвердить бюджет на 2013 г.

Кризис в правительстве в Кнессете 20-го созыва достиг пика на фоне споров как о ряде законов, так и распределения бюджета и проектов, а также в связи с попыткой «переворота», в результате чего 2 декабря 2014 года премьер-министр Биньямин Нетаньяху отправил в отставку министра финансов Яира Лапида от «Еш атид» и министра юстиции Ципи Ливни от «Ха-Тнуа». Эти партии входили в правящую коалицию, но поскольку она распалась, то премьер-министр вновь объявил о намерении провести досрочные выборы.

И хотя Кнессет 20-го созыва проработал практически всю каденцию, он также был распущен досрочно и вновь по предложению премьер-министра Б.Нетаньяху. 24 декабря 2018 года было объявлено, что Кнессет будет распущен досрочно, парламентские выборы в Израиле назначены на 9 апреля 2019 года. Решение принято единогласно главами коалиционных партий на специальном совещании. Решение было принято исходя из того, что коалиция, располагающая в Кнессете большинством всего в один голос, не сумеет провести закон о призыве ультраортодоксов в назначенный Высшим судом справедливости срок, то есть до 15 января 2019 г.

Итоги голосования

Состоявшиеся выборы значительно изменили политический ландшафт Кнессета, но практически не изменили порядок сил между правым и левым блоком. Согласно окончательным результатам, опубликованным ЦИК, после подсчета всех голосов, включая солдатские, правящая партия Ликуд и ее основной соперник блок «Кахоль-Лаван» получили по 35 мандатов. У ультраортодоксальных партий ШАС и «Ядуд ха-Тора» – по 8 мандатов, Авода и блок ХАДАШ-ТААЛ – по 6, НДИ и «Ихуд Мифлагот ха-Ямин» – по 5 каждая и, наконец, крайне левая партия МЕРЕЦ, блок арабских партий РААМ-БАЛАД и центристская «Кулану» – по 4 мандата.

Партии же «Ха-Ямин ха-Хадаш», «Зеут» и «Гешер» не преодолели электоральный порог. Согласно тем же окончательным результатам, правый блок получил 65 мандатов, а левый – соответственно, 55 мест.

И хотя правый блок набрал 65 мандатов и может сформировать правое правительство, это была скорее пиррова победа, так как, с одной стороны, он расколот на несколько маленьких партий, от участия каждой из которых зависит будущее коалиции, с другой стороны, резко усилился ультраортодоксальный блок трех партий, которым фактически принадлежит треть коалиции, а значит, и треть бюджета и льгот.

В выборах 2019 г. приняло участие 4 340 253 избирателя или 68,46% от имеющих право голоса. Численность избирателей по сравнению с выборами 2015 года возросла более чем на 458 тысяч человек (+7,2%). Однако снижение явки с 71,4% до 68,4% привело к тому, что число проголосовавших возросло лишь на 126 тысяч (+2,9%). По сравнению с прошлыми выборами проходной барьер в 3,25% возрос на 2,2% и составил 139 992 голоса. Один мандат стоил 34 990 голосов. Число недействительных бюллетеней составило 30 983 (0,7%), а вот число бюллетеней, отправленных в мусорный ящик от партий, не прошедших барьер, составило 365 тысяч (8,5%).

Суммарно за 65 мандатов правого блока проголосовало 2 132 922 избирателя (49,4%). В прошлой каденции за правую коалицию проголосовало 2 251 340 избирателей (53,4%). За 21 мандат религиозных партий проголосовало 666 792 избирателя (15,4%), каденцией ранее у них был также 21 мандат и 735 666 избирателей (17,5%). За 45 мандатов левого блока проголосовало 1 473 224 избирателей (34,1%), ранее их было 1 323 444 (31,4%). За 10 мандатов двух объединенных арабских списков отдали свои голоса 337 108 избирателей (7,8%), ранее единый арабский список, состоящий из тех же партий, имел 13 мандатов и получил 446 583 голоса (10,6%).

Свои численные показатели улучшили партии Ликуд, ШАС и «Яадут ха-Тора». Потеряли голоса МЕРЕЦ, НДИ. Существенные потери (на треть) понесли арабские списки, практически половины голосов не досчитались в «Кулану», потеряв при этом 6 мандатов, и полный крах наблюдался у партии Авода, потерявшей фактически три четверти голосов и 18 мандатов.

Одним из показательных моментов нынешней избирательной кампании стал факт, что все «объединения» выиграли, а все «разъединения» проиграли. Так, разделение «Сионистского лагеря» на партии Авода и «Хатнуа» Ципи Ливни привело к тому, что последняя вообще отказалась от участия в выборах. Уйдя из партии «Еврей-

ский дом», ее бывший лидер Нафтали Беннет создал партию «Новые правые» и, несмотря на свою популярность, так и не смог преодолеть электорального барьера. А «Еврейский дом» под давлением премьер-министра Биньямина Нетаньяху принял решение объединиться с ультраправой партией «Оцма Йехудит» и в итоге получил 5 мандатов. Объединение партии Яира Лапида «Еш атид» с новой партией Бени Ганца принесло им 35 мандатов, правда, так и не позволило выиграть выборы. Объединённый арабский список, сначала рассыпался на все четыре его составляющие партии, но потом, все же одумавшись, объединился в два блока, которые вместе и прошли в Кнессет, набрав суммарно 10 мандатов.

Возможности секторальной улицы

По данным Центрального статистического бюро, на начало 2019 года в Израиле проживало 8, 972 млн человек. В том числе, 6,668 млн евреев (74% населения), 1,878 млн арабов (20,9% населения) и 426 тысяч израильтян с другой национальной и религиозной принадлежностью (4,8% населения) – это христиане-неарабы, друзы, черкесы и другие нацменьшинства, а также лица, чья национальная и религиозная принадлежность не отмечена в Управлении регистрации населения. По данным Министерства абсорбции, в Израиле проживает более 1,25 млн выходцев из стран СНГ. Все это позволяет хотя бы схематично рассчитать возможности секторальных улиц.

По данным ЦИК, на выборах 2019 года право голоса имели 6 339 729 человек или 71,7% населения. Исходя из этого коэффициента, можно предположить, что русскоязычных избирателей в стране не более 880 тысяч человек, что позволяет «русской» улице претендовать на 16 мандатов. Арабских избирателей, из-за большого числа детей в семьях, не более 1,2 млн избирателей, но это позволяет говорить почти о 22 мандатах.

Согласно все той же статистике, среди еврейского населения Израиля 25 % определяют себя как ортодок-

сальные иудеи (из них 8% определяют себя как «харе-дим» – ультрарелигиозные), а 17% как религиозные сионисты, 20% считают себя совсем не религиозными (светскими). Выходит, что две ведущие ортодоксальные партии суммарно могут рассчитывать лишь на 7 мандатов, а религиозные сионисты – на 15 мандатов.

Состоявшиеся выборы свидетельствуют о том, что секторальные группы населения перестают играть значимую роль для своих секторальных партий.

Лишь половина потенциальных избирателей с «арабской улицы» проголосовала за свои списки. При этом статистика выборов в большинстве арабских населенных пунктов показывает низкую явку, что говорит о разочарованности не только в своих лидерах и верности их пути, но и в нужности голосования вообще. С одной стороны, лидеры арабских списков в Кнессете занимаются в основном антиизраильской пропагандой и практически не решают вопросы собственного электората, с другой стороны, даже партии левого толка, в том числе и «Кахоль-Лаван», неоднократно заявляли, что не рассматривают арабские списки в качестве партнеров, даже для технического блока. Возможно, арабских избирателей напугали и скрытые видеокамеры, установленные активистами партии Ликуд на 1300 избирательных участках в арабском секторе. По заявлению представителей Ликуд, это сделано для того, чтобы отслеживать возможные нарушения при голосовании.

И хотя суммарно арабские списки в чисто арабских городах (Сахнин, Рахет, Тайбе) набирают от 60 до 90%, и явка там была максимально высокой, там также активно голосовали за МЕРЕЦ, «Кахоль-Лаван» и Аводу. При этом стоит отметить, что в арабских городах нашлись избиратели всех партий, вошедших в Кнессет. В то же время в крупных городах с компактным проживанием арабского населения (Хайфа, Лод) явка арабских избирателей не превышала и трети.

Как правило, религиозные сионисты, жители поселений в основном голосуют либо за представителей соб-

ственных партий, либо за Ликуд. Раскол в их среде, вызванный уходом Н. Беннета в собственную новую партию, а также практически истерические призывы Б. Нетаньяху спасти правый блок привели к тому, что религиозные сионисты в большинстве своем проголосовали за Ликуд, а не за свои списки.

На фоне этого можно говорить о грандиозном успехе ультраортодоксальных партий ШАС и «Ядут ха-Тора», которые даже при полнейшей мобилизации своего базового электората не могли бы получить и 10 мандатов, а они ведь получили 16. Если не брать в расчет Иерусалим и Бней-Брак, где эти партии показали максимальный результат, а также города развития, то не менее убедительных результатов партии добились в Ашдоде, Натани, Тель-Авиве, Петах-Тикве и Холоне. Выходит, что идеи их лидеров, а главное – их программы и действия находят все больший отклик в среде других категорий населения.

«Русская улица» партии НДИ

Судя по результатам, партия НДИ, получив 5 мандатов, смогла взять лишь треть голосов русскоязычных избирателей. На вопрос, куда ушли 11 оставшихся мандатов, нет ответа, подтверждённого статистикой. Анализ голосования за партию НДИ по городам говорит о том, что скорее всего все её ивритские кандидаты не дали партии и четверти мандата. Не особо поддержали партию и друзья, максимальный их показатель в Шфараме – 1780 голосов (13%), в Осафии, Ярке и Далета Кармель – в районе нескольких процентов, что в лучшем случае даёт лишь пятую часть мандата.

В арабских населённых пунктах, где партия в период муниципальных выборов предоставила местным спискам букву ламед, показатели ещё хуже, в районе нескольких голосов, максимум был в Эбелине, где за партию НДИ проголосовал 51 избиратель (1,1%). Голосование шло в 1214 населённых пунктах. В более чем в половине

из них вообще не голосовали за партию, возможно, из-за отсутствия там русскоязычных. Хотя вроде бы выходцы из стран СНГ уже везде живут.

В итоге партия набрала 172 958 голосов, что на 40 тысяч меньше (-24%), чем на предыдущих выборах 2015 года. В 55 основных городах партия взяла около 152 тысяч голосов (88% от всех голосов). Максимальное число бюллетеней получено в Ашдоде – 14 410, максимальный процент за партию в Нацрат-Илите – 20,8%. По сравнению с выборами 2015 года партия ухудшила свои показатели практически во всех этих городах, потеряв в них почти мандат, чуть более 26 тысяч голосов. Потери в центре страны составили от 25 до 40%, на окраинах чуть меньше: от 5 до 15%. При этом в ряде городов не повторен и муниципальный показатель.

Все это говорит лишь об одном: «русская улица» постепенно абсорбируется и переходит на другую сторону. С другой стороны, потери в социально слабых городах скорее всего говорят о разочарованности части избирателей социальной политикой партии.

Куда уходят «русские» голоса?

Отсюда снова возникает вопрос, а куда же ушли практически 11 «русских» мандатов? Скорее всего один мандат, как и всегда, «рассосался» среди списков, не прошедших электоральный барьер. Ведь в мусорный ящик ушло более 365 тысяч голосов, практически 9 мандатов.

Здесь стоит отметить список Семена Графмана, видеоролики которого в период рекламной кампании в «Фейсбуке» набирали более 100 тысяч просмотров, однако в итоге он получил лишь 4 618 голосов (0,11%). Видимо, хорошо сделанный рекламный ролик еще недостаточен для победы, и русскоязычные избиратели хотят чего-то еще более существенного и имиджевого, да и одного интернета явно недостаточно для победы в Израиле.

Один мандат, вполне возможно, также традиционно ушел к партии ШАС. Ведь многие представители горской,

бухарской, да и грузинской еврейской общины, придерживаясь религиозных традиций, чаще всего симпатизируют Арье Дери (лидеру партии ШАС). Один мандат, как минимум, достался «Кулану» за ее социальную программу. Естественно, есть голоса, и с каждым разом их все больше, особенно среди молодых и, в частности, солдат, что поддерживают партию МЕРЕЦ, а также и тех, кто на противоположном фронте идеологической борьбы голосует за ультраправых, особенно проживая в поселениях или кибуцах. Но это вместе чуть менее мандата.

Выходит, что 7 мандатов поделили между собой Ликуд и «Кахоль-Лаван». Мы бы разделили их в пропорции 5 на 2 в пользу Ликуда. Хотя на «русской улице», кроме страшилок, эти партии ничего не предъявляли, но мы ведь говорим скорее всего об успешно абсорбированной части «русской улицы», а также нашем молодом поколении, которым и «русская» пресса уже не нужна.

Партийная реклама

О возможных ошибках в предвыборной стратегии партии НДИ говорили довольно много. Хотя при сложившемся «воинствующем» имидже лидера у партии было не очень много вариантов. Если не говорить о старых «пугалках» НДИ типа «смерть террористам» и фейке с попыткой раскрутить с помощью «анализа ДНК для русских» антирелигиозную тематику, ничего интересного предъявлено и не было. Хотя понимая выстроенный имидж их лидера, трудно представить Либермана, говорящего о бесплатной колбасе для жителей хостелей или о социальном жилье. В то же время сформированный образ хорошего ведущего Евгения Совы (4-й номер в списке НДИ) никак не вязался с навязанным ему образом защитника «наших родителей» от социальной катастрофы. Слоган: «За родителей» – это не тост, а фронт» в его устах звучал как-то не так убедительно.

Более грамотный и социальный кампейн был у партии «Кулану». Она выпустила очень много материала

по социальной тематике. Но практически весь компейн был в социальных сетях. Партия, видимо, решив, что «народ книги» уже достаточно грамотный и созрел для интернета, изначально отказалась от штабной структуры в городах, особенно на русской улице. Хотя в дальнейшем сделала хорошую печатную продукцию, которую все же надо было кому-то распространять. В итоге весь груз распространения печатного материала для «бабушек из хостеля» упал на плечи активисток, поддерживающих Тали Плоскову. Но активисты – это хорошо, а вот организационная работа и четкая структура – это значительно лучше. Думаю, их просто не успели услышать везде, где нужно было. Ведь в 30 олимовских городах они проиграли НДИ. Хотя один «русский» мандат они точно заработали, если не больше.

Список «Кахоль Лаван» выпустил газету на русском языке, при этом распространял ее каким-то странным образом. Видно, через систему ивритских распространителей, не знакомых с русской спецификой. В газете был интересный заголовок: «Развозов наш министр абсорбции» с подзаголовком «Если это «интересует» премьер-министра?!» Тут без комментариев. В социальных сетях партия в основном раскручивала антиликудовскую пропаганду, пугая религиозным диктатом и уголовщиной премьер-министра. Вообще речь шла не о том, что «дадим», а о том, «что потеряем», то есть опять – «страшилки»!!

Ликуд на русском языке, лишь пугал тем, что Лapid и Ганц (лидеры списка «Кахоль Лаван»)- «слабое левое правительство вместе с арабскими партиями», а Биньямин Нетаньяху демонстрировал свою дружбу с Трампом и Путиным, которые, кстати, ему неплохо подыграли, сделав «подарки» в виде признания Голанских высот и возвращения павшего солдата. Трудно назвать это рекламной кампанией, хотя свои плоды она тоже принесла. Но ведь, как мы помним, страх – это основной избирательный фактор, особенно в Израиле.

Опросы общественного мнения

В Израиле опросы общественного мнения давно стали инструментом политической борьбы. Опросы политизированы, проплачены, совершенно непрофессиональны по форме и практически не учитывают специфику исследуемых групп. Особенно этим грешат интернет-опросы, которые, как правило, вообще не отражают истинных намерений избирателей. Проводимые опросы не только не способны точно предсказать результаты выборов, но даже реально не могут отразить истинное положение дел на день проведения исследования. Чаще всего их выводы рисуют лишь общую картину политических предпочтений, а вернее текущие колебания электората в треугольнике «лево-право-центр». Они даже близко не отражают мнения русскоязычных граждан, особенно той мощной прослойки избирателей, продолжающих жить и трудиться в русском «гетто».

Даже опубликованные сразу после выборов тремя телеканалами результаты экзит-поллов попали, как говорится, пальцем в небо. И хотя они показали примерный расклад, ни один из них «не угадал» результат даже на половину. В период же выборов заказчики опросов прибегали к различного рода трюкам, чтобы доказать своим избирателям запланированный результат. Так, при проведении опросов в опроснике назывались не все партии и, в частности, не было НДИ, что позволяло потом писать, что партия не проходит электоральный бартер.

Процедура голосования

В день выборов избирательные участки работают с 07:00 до 22:00. В населенных пунктах с менее чем 350 жителями, а также в тюрьмах и больницах голосование проводится с 08:00 до 20:00. В общей сложности в стране было зарегистрировано 10 460 избирательных участков, из которых 2 189 участков оборудованы доступом для лиц с ограниченными возможностями. Принять

участие в голосовании могли лишь те, кто был зарегистрирован в МВД до 14 февраля 2019 года. На одном участке голосуют до 800 избирателей, которых обслуживают три члена комиссии от партий, представленных в Кнессете, и одного секретаря от ЦИК.

Голосование проходит путем вложения в конверт, подписанный членами избирательной комиссии, бюллетеня с символом партии. Для того, чтобы проголосовать, гражданин должен иметь при себе удостоверение личности или действующий международный паспорт. При отсутствии на избирательном участке бюллетеней с символом партии избиратель имеет право взять белый бюллетень и написать на нем буквенное обозначение партии от руки.

Военнослужащие ЦАХАЛа голосовали досрочно, начиная с 6 апреля. В общей сложности на военных базах всех родов войск было развернуто 640 избирательных участков, включая 130 мобильных участков. Голосование проводится в течение 72 часов. Это позволило реализовать свои права солдатам и офицерам, которые в день выборов 9 апреля находились на боевом посту.

Голосование официальных представителей государства, сотрудников Еврейского агентства и Еврейского национального фонда за границей и членов их семей проходит досрочно в 96 странах мира, где действуют дипломатические представительства Израиля. В выборах приняли участие 3 874 человека из 5 090 имеющих право голоса, что составляет явку 76%, на 8% выше, чем на предыдущих выборах. Избирательные урны были доставлены в Израиль и вскрыты вечером 9 апреля, по окончании всеобщих выборов, вместе со всеми остальными избирательными урнами.

По закону, граждане Израиля, находящиеся в день выборов за границей, не смогут реализовать свое избирательное право. По данным Управления аэропортов, помимо израильтян, проживающих за границей на постоянной основе, в предвыборную неделю страну покинуло около 60 тысяч обладателей права голоса, решивших отдохнуть за пределами Израиля.

Подсчет голосов начнется сразу после закрытия избирательных участков. Текущие результаты обновляются раз в час на сайте ЦИК. Итоговые результаты публикуются в течение 8 дней после окончания выборов.

День выборов

В день выборов безопасность обеспечивали 17 тысяч полицейских, бойцов пограничной полиции (МАГАВ) и гражданских охранников. В день выборов армия блокирует палестинские территории. Усиленные наряды полиции патрулируют места голосования, а также обеспечивают безопасность и порядок в парках, общественных заведениях и районах отдыха.

День выборов является официальным выходным. Однако продуктовые магазины работают до 12:00, а общественный транспорт (бесплатный), туристические объекты, СМИ, отели, рестораны, службы спасения, паркинги работают в обычном режиме. Как сообщала железнодорожная компания «Ракевет-Израэль», к 14.00 около 160 тысяч израильтян воспользовались бесплатным проездом на поездах в день выборов. Более 150 000 израильтян провели день выборов в национальных парках и заповедниках.

В первые же часы дня выборов были зафиксированы нарушения и сбои в работе избирательных участков, в связи с которыми были поданы жалобы в центральную избирательную комиссию. Около 1 000 избирательных участков открылись с задержкой из-за опоздания членов избирательных комиссий.

Партия НДИ сообщила об отсутствии бюллетеней с ее символом на нескольких избирательных участках в Ашдоде, Цфате, Офакиме и Лоде. Позднее аналогичные жалобы поступили из Нетании, Бат-Яма, Нетивота, Хадеры, Ор-Акивы. Партия МЕРЕЦ сообщила о порче ее бюллетеней на значительном количестве избирательных участков. Партия «Ядуд ха-Тора» потребовала убрать из избирательных участков бюллетени партии «Яхад» Эли Ишая, снявшейся с выборов. В середине дня «Кахоль-Лаван» подал жалобу

в ЦИК в связи с поступающими со всей страны жалобами на систематическое уничтожение бюллетеней блока, их порчу и вынос большого количества бюллетеней с избирательных участков.

В послеобеденные часы на телефоны русскоязычных израильтян поступило сообщение от имени «Новых правых», утверждавшее, что, согласно экзит-поллам, НДИ не проходит электоральный барьер, а посему следует голосовать за Беннета и «Шакед». Партия НДИ подала жалобу в ЦИК за распространение заведомо ложной информации, напоминая, что результаты экзит-поллов будут обнародованы только в 22:00. ЦИК потребовал остановить подобную рассылку.

В середине дня была зафиксирована очень низкая явка избирателей на большинстве участков. По данным ЦИК, к 16 часам явка составила только 42,8%. В этой связи практически все штабы центральных партий провели экстренные заседания и использовали все возможные варианты по призыву своих избирателей на участки.

Экстренное заседание провел штаб «Кахоль-Лаван», откуда сообщалось что оба лидера обеспокоены низкой явкой избирателей, а также отсутствием отрыва от главного конкурента – Ликуда. Ранее свой предвыборный штаб на экстренное заседание собрал Биньямин Нетаньяху, который обратился к своим избирателям с призывом спасти правый блок и главное – Ликуд от краха в результате прихода к власти левых и арабов. В этой связи партия «Аелет Шакед» (Новые правые) выступила с критикой действий Нетаньяху, обвиняя его в «целенаправленном отборе избирателей» у нее. Она призвала игнорировать «истеричку» Ликуда и «голосовать правильно». В партии «Кулану» также считали, что экстренные заседания Ликуда, а также «истерические призывы» направлены против партии Моше Кахлона.

Днем стало известно, что на избирательных участках в арабском секторе установлено 1300 скрытых камер, фиксирующих происходящее в помещении во время голосо-

ния. Проект видеофиксации был организован и оплачен партией Ликуд для предотвращения фальсификаций и нарушений в ходе выборов в отдельных населенных пунктах. Ликуд также «вооружил» скрытыми камерами своих наблюдателей на тех избирательных участках, где, по мнению правых активистов, возможны нарушения хода голосования.

Представители обоих объединенных арабских списков ХАДАШ–ТААЛ и РААМ–БАЛАД подали жалобу в ЦИК по поводу установки скрытых камер. Хотя ЦИК заявил о недопустимости ведения видеосъемки сотрудниками избирательных комиссий на участках, но отметил, что вести съемку разрешено только в исключительных случаях, когда возникают конкретные подозрения в совершении нарушений или подтасовке результатов голосования граждан.

В инструкции, которую получили активисты Ликуда, было сказано: «Поскольку на предыдущих выборах наши активисты отмечали нарушения в арабском секторе, наносившие существенный ущерб демократическому процессу, мы приняли решение максимально увеличить представительство партий национального лагеря на участках». В ходе выборов 2015 года, отмечается в пояснениях, было получено 712 сообщений о нарушениях, в том числе 348 личных свидетельств о фальсификациях и попытках подтасовки.

В конце дня практически все партии были обеспокоены низкой явкой избирателей. Особенно она была мала в арабском секторе. По данным ЦИК, к 20:00 явка избирателей составила 61,3%, в арабском секторе около 40%, и это было значительно ниже, чем в 2015 году.

В это время лидер МЕРЕЦ Тамар Занберг обратилась в ЦИК с просьбой продлить время для голосования до 23:00 – ввиду низкой активности избирателей в арабском секторе. Прошение было отклонено.

В 22.00 сразу после окончания выборов были опубликованы данные экзит-поллов, которые предсказали победу правому лагерю, хотя и практически не угадали точно ни одну цифру по мандатам.

Подсчет голосов

Ночью на сайте ЦИК начали публиковать результаты подсчета голосов в режиме реального времени. Бдительные израильтяне заметили, что на 98 участках было подано больше бюллетеней, чем зарегистрировано избирателей. ЦИК объяснила аномальные данные «человеческой ошибкой»: в базы данных ЦИК были внесены устаревшие данные о количестве зарегистрированных избирателей в этих поселках, взятые из реестра 2015 года, но данные о числе поданных бюллетеней были верными.

В дальнейшем ЦИК еще несколько раз сообщал о «человеческой ошибке». Так, 11 апреля ЦИК объявил, что в ее компьютерной системе обнаружился сбой, из-за которого публикация результатов подсчета «двойных конвертов» (солдатских голосов) шла с ошибками. Больше всего от этого «пострадала» партия «Новые правые», которой было сообщено, что они набирают 3,26 процентов и проходят в Кнессет. К полудню выяснилось, что им все-таки не хватает тысячи голосов до электорального барьера. А днем сам председатель ЦИК позвонил лидеру партии «Кулану» Моше Кахлону и сообщил, что Плоскова (5-й номер в списке) проходит в Кнессет, хотя в это время реальные цифры на частных сайтах активистов говорили совсем о другом.

Как потом писали в прессе, видимо, в стране программистов программы для ЦИК пишут люди, плохо представляющие себе работу Excel. В Израиле уже давно существует форум энтузиастов (rotter.net), который еще на прошлых выборах в Кнессет создал программу подсчета голосов и выведения реальных процентов.

Самое интересное, что еще утром 11 апреля в 8:18 на сайте появилось сообщение, что список Беннета «Новые правые» не проходит электоральный барьер, что у него лишь 3,22% голосов, и никакие «солдатские голоса» ему не помогут.

В интернете, в отличие от суммарных данных ЦИК, была приведена таблица, где был четко дан весь расклад,

с учетом договоров партий об остаточных голосах, и работала система перераспределения голосов и мандатов, при изменении хотя бы одного показателя. При этом указывалось, куда и какие мандаты перейдут.

В результате этого видно, что ближе всего к дополнительному мандату была партия Мерец, ей не хватало лишь 544 голоса до пятого мандата. И очень справедливо возмущались представители «Ихуд ха-Тора», ведь из-за нехватки всего лишь 236 голосов они потеряли 8-й мандат, однако в дальнейшем при пересчете голосов все же вернули себе этот мандат. Партии «Кулану» до пятого мандата не хватало 5 736 голосов, НДИ до шестого и того более – 17 060 голосов.

После подведения итогов выборов ЦИК получил массу жалоб на нарушения и фальсификации от партии «Новые правые», но отверг ее обвинения как бездоказательные и «вызванные понятными трудными обстоятельствами» не прошедшей электоральный барьер партии.

По итогам выборов председатель ЦИК Ханан Мельцер обратился к юридическому советнику правительства Ави-хаю Мандельблиту с призывом передать в полицию материалы о фальсификациях на избирательных участках, полученные от «Ликуда». ЦИК предложил провести предварительное полицейское дознание и в случае необходимости начать уголовное расследование по фактам, свидетельствующим о нарушениях на избирательных участках, в основном в арабском секторе.

Народные избранники 21-го созыва

30 апреля начал работу Кнессет 21-го созыва. Среди 120 депутатов 49 новых парламентариев – число «новеньких» является рекордным. 24 новых депутата входят во фракцию «Кахоль-Лаван», 11 являются членами «Ликуда». Среди депутатов Кнессета 21-го созыва 10 арабских депутатов, шесть русскоговорящих парламентариев, два выходца из Эфиопии и два друга. Сократилось количество женщин – 29 вместо 37, зато до 5 увеличилось число представителей общины ЛГБТ, по одному в Ликуде и Аводе и трое в «Кахоль-Лаван».

Нынешний состав Кнессета стал «самым религиозным» – 31 (по сравнению с 13 депутатами в Кнессете 20-го созыва), каждый четвертый. Ультраортодоксов – 17, «вязаных кип» – 14. К тому же будет самый малочисленный по представительству репатриантов Кнессет за последние 20 лет, если в Кнессете 20-го созыва русскоязычных депутатов было 10, то в нынешнем останется 6. Больше всего – в НДИ: Авигдор Либерман (1-е место в списке), Евгений Сова (3), Юлия Машиновская (5). Два русскоязычных депутата в Ликуде – Юлий Эдельштейн (2) и Зеэв Элькин (12), один в «Кахоль-Лаван» – Константин Развозов (18-е место).

Представители восточных общин («мизрахим», выходцы из Северной Африки и стран Востока) получили 42 места в Кнессете, то есть более трети. Более всего депутатов «мизрахим» провел в Кнессет Ликуд – 15. У «Кахоль-Лаван» – 9. Из шести депутатов от Аводы – таких 4. Все 8 депутатов от партии ШАС – «мизрахим». В двух партиях их нет вовсе – «Ядут ха-Тора» и МЕРЕЦ.

Заседать в Кнессете будут в основном жители центра страны. Депутатов с периферии имеют в своих рядах Ликуд – 8, «Кахоль-Лаван» – 8, ХАДАШ-ТААЛ – 3, БАЛАД-РААМ – 3, ШАС – 3, Авода – 3, Альянс правых сил – 3, Кулану – 2. Всего – 30.

Десять депутатов имеют звание выше бригадного генерала запаса. Половина из них в «Кахоль-Лаван». Трое избраны от Ликуда, один от Альянса правых сил и еще один от Аводы.

Эти данные могут измениться в ходе каденции, если будет принят «норвежский закон», позволяющий министрам покидать Кнессет, предоставляя возможность следующим в предвыборных списках стать членами парламента.

Ожидается, что в случае назначения Моше Кахлона на министерский пост он покинет парламент, и его место займет Тали Плоскова. Так же намерен поступить и глава НДИ Авигдор Либерман, который заявил, что, если действие «норвежского закона» будет возобновлено, он получит министерский пост.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова**: "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко**: "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов**: "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко**: "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян**: "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов**: "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов**: "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин**: "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).

36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).

38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".

39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.

40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".

42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.

43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".

44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".

47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).

48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).

49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.

50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова**: "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин**: "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад**: "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко**: "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков**: "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский**: "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".
Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зезв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст".
Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возмож-
ного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской
Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей
(совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий.
Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной
безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения:
проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация
или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые
планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и
тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки:
прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зезв) Ханин:** "«Русские» и власть в совре-
менном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
129. "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
141. **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривластной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

^{*} Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 гг.).
188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)".
Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34
(Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Куделев:** "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев:** "Топливо-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронт. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израйля".
228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".
229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".
230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).

231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).
232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).
233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).
234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
235. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН).
236. **И.И.Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО).

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство".
238. **С.В.Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали".
239. **А.В.Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН).
240. **Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер:** "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".
241. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).
242. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).
243. **В.И.Месамед:** "Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность".
244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).

245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).
246. **М.Р.Арунова:** "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).
247. **Зеев Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль".
Издание 2-е (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
248. "Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".
250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".
251. **Н.П.Подгорнова:** " Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".
252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".
253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).
254. **Г.Г.Косач:** "Саудовская аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг."
255. **А.Р.Аганин:** "Племена и кланы иорданского хашимитского королевства".
256. **В.В.Евсеев:** "Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани".

2014 г.

257. **Н.П.Подгорнова:** " «Арабская весна» в странах Магриба".
258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутривполитическое развитие и внешняя политика".
259. **Н.П.Подгорнова:** "Мавритания между прошлым и будущим".

260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".
261. **С.В.Алейников:** "Сомалийские племена. Справочник".
262. **Е.Е.Чулковская:** "Турецкая диаспора Германии: между Анкарой и Берлином".
263. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века".
264. **Алек Д. Эпштейн:** "Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений". Т. 1-2 (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
265. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 48 (Совместно с ИВ РАН).
266. **Алек Д. Эпштейн:** "От антитеррористической операции – к войне: Израиль и исламистское вооруженное сопротивление летом 2014 года".
267. **Р.Р.Субханкулова:** "О нефтегазовой отрасли Ирака".
268. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Третий Израиль": русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века".
269. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида в странах Исламского Магриба" и др. в Северной Африке (Хроника событий)".

2015 г.

270. **Н.П.Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары в политике Алжира".
271. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о борьбе с терроризмом".
272. **В.И.Месамед:** "Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия)".
273. **Н.П.Подгорнова:** "Политика Франции в странах Северо-Западной Африки".
274. **М.А.Сапронова:** "Электоральный процесс после «Арабской весны»".

275. **Н.В.Жадовец:** "Формирование национальной инновационной системы Израиля (1985–2012 гг.)".
276. **В.М.Ахмедов:** "Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.)".
277. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 49 (Совместно с ИВ РАН).
278. **Е.Э.Успенский:** "Инвестиционный климат в арабских странах в конце XX – начале XXI века".
279. **С.В.Алейников:** "Современное Сомали".

2016 г.

280. **Г.Г.Косач:** "Российско-саудовские отношения: политический аспект (1990–2015 гг.)".
281. **Н.П.Подгорнова:** "Страны Магриба в поисках оптимального пути развития".
282. **М.Чернин:** "Арабское население Израиля и палестинских территорий: происхождение, клановая и конфессиональная структура" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
283. **Алек Д. Эпштейн:** "Горизонты и миражи палестинской государственности" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
284. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления об «Исламском государстве»" (запрещено в России).
285. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Проблема реформы политической системы Израиля в свете предпосылок и итогов выборов в Кнессет XX созыва".
286. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 50.
287. **Е.А.Якимова:** "Государство Израиль и страны Балтии: между прошлым и будущим".
288. **В.И.Месамед:** "Феномен белорусско-иранских отношений".

2017 г.

289. **М.В.Казанин:** "Китай-Пакистан: военно-техническое и экономическое сотрудничество в начале XXI века".
290. **А.А.Кузнецов:** "Политический процесс в Ливане на рубеже XX-XXI веков".
291. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Кувейта".
292. **А.Д.Манафова:** "Нефтяная политика Ирака 2003–2016 гг.".
293. **С.С.Балмасов:** "Опыт решения миграционных проблем в странах Аравийского полуострова".
294. **П.П.Рябов:** "«Арабская весна» по-йеменски".
295. **М.В.Казанин:** "Сирийский конфликт: оценки китайских специалистов".
296. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 51.
297. **В.В. Куделев:** "«Арабская весна»: марокканский феномен".

2018 г.

298. **Т.А.Ганиев, С.М.Задонский:** "Военная мощь Турецкой Республики".
299. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о сирийском конфликте".
300. **Е.А.Якимова:** "Государство Израиль и европейские республики бывшего СССР: ускользающее партнерство".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays.
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
124. Analytical records. "Terrorism"
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
148. "Iraq: 100 days of transition"

- 149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
- 150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
- 151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**
219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**
229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**
230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations
231. "The Contemporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**.
In association with the Russian State University for the Humanities
232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
236. "The transforming Turkey" by **I.Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**
238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.Aleinikov**
239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
240. "In dialogue with the enemy (talks on liberation of Israeli citizens seized by Palestinian and Libyan fighting organizations)" by **Alek D. Epstein and Evgeniy Varshaver**
241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by **V.Mesamed**
244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
247. "Political structures of the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**. 2nd edition. In association with Bridges of Culture/Gesharim

248. "Afghanistan and Pakistan: current situation and perspectives of development" (collection of essays)

2013

249. "Tribes, clans and families in Qatar" by **A.Aganin**

250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations development " by **E.Kasaev**

251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Pogornova**

252. "From inter-block confrontation towards formation of "the party of power". Tendencies in the Israeli political and social life in the light of results of elections to the Knesset of the 19th convocation and creation of the country's new" by **Alek D. Epstein**

253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)

254. "Saudi Arabia: political processes in the 1990-2000" by **G.Kosach**

255. "Tribes and clans in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **A.Aganin**

256. "Perspectives of the Iranian nuclear program under the President Hassan Rouhani" by **V.Evseev**

2014

257. " «The Arab spring» in the Maghreb countries" by **N.Podgornova**

258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy" by **E.Melkumian**

259. "Mauritania between the last and the future" by **N.Podgornova**

260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)" by **M.Sapronova**

261. "The Somalian tribes. Reference book" by **S.Aleinikov**

262. "Turkish diaspora in Germany: between Ankara and Berlin" by **E.Chulkovskaya**

263. "Political structures and electoral process in Israel in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

264. "Closest allies? The real history of American-Israeli relationship"
T. 1-2 by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of
Culture/Gesharim
265. "The Contemporary Middle East" № 48 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
266. "From antiterrorist operation towards the war: Israel and Islamist armed resistance in summer of 2014" by **Alek D. Epstein**
267. "On oil and gas production in Iraq" by **R.Subkhankulova**
268. " «The Third Israel»: Russian-speaking community and political process in the Jewish state in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
269. " «Al-Qaeda in the space of Islamic Maghreb» and others in North Africa (Chronicle of events)" by **V.Kudelev**

2015

270. "Problem of Western Sahara and in Algerian policy" by **N.Podgornova**
271. "Thoughts about struggle with terrorism" by **Ju.Scheglov**
272. "Iran and non-Muslim countries of South Caucasus (Armenia and Georgia)" by **V.Mesamed**
273. "Policy of France in the countries of the South-West Africa" by **N.Podgornova**
274. "Electoral process after the «Arab Spring»" by **M.Sapronova**
275. "The formation of National innovation system of Israel (1985–2012)" by **N.Zhadovec**
276. "The role of the Islamic factor in the socio-political development of Arab countries and its evolution in terms of the Syrian uprising. (90th XX – beginning of XXI)" by **V.Akhmedov**
277. "The Contemporary Middle East" № 49 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

278. "Investment climate in the Arab countries in the end of XX – XXI centuries" by **E.Uspenskiy**

279. "The contemporary Somali" by **S.Aleinikov**

2016

280. "Russian-Saudi relations: a political aspect (1990-2015)" by **G.Kosach**

281. "The Arab Maghreb in a search for optimal way of development" by **N.Podgornova**

282. "The arab population of Israel and Palestinian territories. Origin clan and confessional structure" by **M.Chernin**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

283. "Horizon and mirages of the Palestinian statehood" by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

284. "Thoughts about the Islamic State" by **Ju.Scheglov**

285. "Problem of Israeli political system reform in the light of prerequisite and results of election campaign to the XX Knesset" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

286. "The Contemporary Middle East" № 50 (collection of essays)

287. "The states of Israel and the Baltic states between past and future" by **E.Yakimova**

288. "Phenomenon of Belarus-Iran relationship" by **V.Mesamed**

2017

289. "China – Pakistan: cooperation military-technical and economic fields in the beginning of the XXI century" by **M.Kazanin**

290. "Political process in Lebanon in the turn of the XXI century" by **A.Kuznetsov**

291. "Tribes, clans and families in Kuwait" by **A.Aganin**

292. "Iraqi oil policy in the 2003–2016" by **A.Manafova**

293. "Experience of the Arabian Peninsula States in tackling migration problems" by **S.Balmasov**

294. "The Arab Spring" in Yemani way" by **P.Rjabov**
295. "Conflict in Syria: assessments of Chinese experts" by **M.Kazanin**
296. "The Contemporary Middle East" № 51 (collection of essays)
297. "The Arab Spring: a Moroccan phenomenon" by **V.Kudelev**

2018

298. "The military power of the Republic of Turkey" (volume 1, 2) by
T.Ganiev and S.Zadonskiy
299. "Thoughts on the Syrian conflict" by **Ju.Scheglov**
300. "The state of Israel and the European republics of the former
Soviet Union: the slipping partnership" by **E.Yakimova**

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ВЫПУСК ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ

Подписано в печать 21.10.2019 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 23,5 уч. изд. л.
Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 7333

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12